

Мартини
Дарниш

ПАМФЛЕТЫ
ФЕЛЬЕТОНЫ
РАССКАЗЫ

Мартини Дарни

**ПАМФЛЕТЫ
ФЕЛЬЕТОНЫ
РАССКАЗЫ**

Издательство Агентства печати Новости
Москва, 1973

Предисловие

Один финский литературовед писал в предисловии к своему сборнику эссе: «Я принадлежу к той школе, которая считает предисловие соусом произведения». Такое определение совершенно правильно, так как единственной привлекательной приправой к его обширному труду было предисловие — блестяще приготовленный соус. Без этого соуса переварить его произведение — задача, непосильная для нормального читателя, а реакционная камерная философия автора способна вызвать у читателя головные боли и расстройство желудка.

К сожалению, я не принадлежу к этой школе, использующей предисловие в качестве соуса к книге. Как раз наоборот, я считаю предисловие своего рода извинением, оравдательной речью перед читателем, симпатии которого автор пытается завоевать. Сказать об этом я считал своим долгом. А теперь позволю себе перейти к собственно предисловию.

Эти короткие истории, которые АПН великодушно согласилось издать отдельным сборником, были написаны в течение последних лет. Редактор книги составил из них своего рода коктейль, в котором есть произведения как легкого, так и серьезного жанра. С первого взгляда сборник может показаться чем-то, напоминающим лоскутное одеяло. Это объясняется тем, что события, происходящие в мире, носили крайне разнообразный характер.

После выхода в свет 12 лет назад моего сборника сатирических миниатюр один критик назвал меня «ехидным пересмешником», который с острым

шилом в руке подстерегает свои жертвы.
Я решительно отвергаю подобное обвинение.
Я ничуть не ехиден, наоборот, я добрый,
мягкосердечный человек, больше всего люблю детей и собак. Детей люблю потому, что из их уст так часто слышу искреннюю правду, собак же — потому, что они лают также и за меня. Что касается шила, то оно ведь является рабочим инструментом писателя. Первейшая обязанность писателя — бороться против социальной несправедливости. Имеющиеся еще в мире капитала эксплуатация, расовый гнет, политическая коррупция, беззастенчивое стремление к личной наживе, стремление к насильственному установлению мирового господства, котировка человеческих душ по самой низкой цене — вот примеры тех вопиющих недостатков, которые нуждаются в постоянных уколах шила.

Включенные в этот сборник истории отражают точку зрения автора. Я буду чрезвычайно рад, если хоть в каких-то вопросах она совпадет с мнением читателя. Если же я вызову неудовольствие или разочарование, то покорнейше прошу прощения, однако шила своего прятать не намерен. Я уже неоднократно убеждался в том, что длинных предисловий не читают, поэтому я заканчиваю свою «оправдательную речь». Скажу лишь кратко: до новых веселых встреч!

МАРТТИ ЛАРНИ

Хельсинки

Откровенное раздумье

В одном из своих очерков Александр Куприн, не раз бывавший в Финляндии, описал финнов весьма своеобразно. По его мнению, финские женщины — суховатые, деловые и некрасивые, мужчины же — светловолосые, синеглазые, суровые на вид и быстро стареющие. Ко всему этому у финнов совершенно отсутствует чувство юмора.

Мне кажется, что, во всяком случае, в одном отношении Куприн несколько ошибся. Несмотря на то, что финны в большинстве своем нерасторопны, замкнуты и молчаливы, они все же понимают шутку. Я знаю многих финнов, которые веселы без вина и не боятся посмеяться сами над собой.

Грубо говоря, финнов можно разделить на четыре разных племени: карелов, саволаксов, похьялайцев и хямялайцев. Карелы чутки и откровенны, они легко развеселятся и рассмеются, а в минуту грусти начнут наигрывать или напевать песню. Саволаксы — врожденные юмористы, каждая фраза в их разговоре заключает в себе какую-нибудь шутку или каламбур. Зато похьялайцы — упрямы, неповоротливы и скованны, словно телеграфные столбы. О хямялайцах мне лучше было бы умолчать — не только потому, что я сам хямялаец, но и потому, что Куприн, несомненно, подразумевал мое дорогое племя, говоря о «светловолосых, синеглазых, суровых на вид и быстро стареющих мужчинах».

У хямяляйцев действительно не принято очень часто проветривать свои челюсти. Они до раздражения неразговорчивы.

Но не все финны — хямяляйцы и не все хямяляйцы — неразговорчивы. Быстрый технический прогресс и развитие транспорта привели к тому, что за последние десятилетия четыре племени слились. Из этого «варева» возник светлый мулат Севера, который пытается подать свой голос — порой в общем хоре, порой в одиночку. Карел, саволак, похьялаец и хямяляец образуют квартет, в котором, по мнению каждого из четырех, три всегда фальшивят. Поэтому-то у нас столько говорят и пишут о разногласиях у финнов.

Однако в одном вопросе финны едины: они любят мир и хотят в мире продолжать свою жизнь. В этом отношении их жизнь напоминает брак, в котором ссорятся и любят. Этого незачем скрывать, ибо подглядывающим в замочёную скважину разумнее всего открыть дверь.

Самый эффективный способ борьбы против войны — это показ ее во всей ее наготе. Кстати сказать, этого же мнения придерживался и гостивший в Финляндии Михаил Шолохов, с которым я имел возможность обменяться мыслями.

Гонимый инстинктом странствия, я много путешествовал. Мне часто доводилось видеться с краснокожими людьми, а также с представителями черной и желтой рас. Я убедился, что нас объединяют одни и те же заботы и горести, радости и восторг жизни, страдания и стремление к счастью.

Но люди, получившие западное воспитание, очень падки на то, чтобы оставить жизнь так называемого примитивного человека вне культуры. В этой связи я хотел бы коснуться некоторых определений, которые раздражают меня в такой же мере, как чрезмерно тесные ботинки. Так, установившееся на Западе понятие «культурные народы» и «примитивные дети природы», на мой взгляд, несправедливо, потому что его придумал так называемый культурный человек. Скорее речь может идти о разных степенях культуры.

«Дети природы», которые установили первый контакт с христианской верой, съев белого миссионера, называются каннибалами. Совершенно забывают при этом, что поедание человеческого мяса для «примитивного» челове-

ка — священный религиозный ритуал. Со своей стороны, каннибалы удивляются, что известные «культурные» люди могут сжигать в газовых печах миллионы людей. Столь же большой повод для удивления дает «детям природы» то, что некие «цивилизованные» страны, стоящие на высоком пьедестале культуры, хотят во что бы то ни стало оставить за собой право производить оружие массового уничтожения с единственной целью похоронить человечество. Такое «детям природы» трудно понять!

Разумеется, я отнюдь не за каннибализм, но кое-кому необходимо положить руку на сердце, когда он говорит о западных «культурных народах» и примитивных «детях природы».

Расовая гордость и расовая ненависть вызывают во мне тошноту. Ведь с «просвещением» так называемых «примитивных» народов во имя западной культуры дело дошло просто до курьезов.

Некоторое время назад один американский посланник «доброй воли» вернулся из миссионерской поездки в среду африканских «детей природы» чрезвычайно раздраженным. Для этого у него были основательные причины: в Африке он увидел чересчур много наготы! И теперь этот страж морали намеревается послать детям тропиков американские фермерские штаны и фланелевые рубашки, чтобы бедняги обрели контакт с цивилизованным миром. В то же время в ресторанах высшего света цивилизованного мира знатные дамы одевают себя в три фиговых листочка!

Я имел возможность познакомиться с крупнейшими в мире трущобами Нью-Йорка, Чикаго, Филадельфии и Балтимора. У меня мелькнула мысль, которую я высказал своему спутнику, одному весьма гуманному университетскому деятелю:

— Миллионы людей на земле не имеют порядочного жилья. Они рождаются, живут и умирают в трущобах. Разве не настало время переселить их из этих трущоб в более человеческие квартиры?

— Конечно,— ответил мой друг.— Но что нам после этого делать с трущобами?

— Есть же у вас атомные бомбы. Уничтожьте ими трущобы.

Мой друг стал серьезным:

— Я честно признаюсь, что выдвинутый тобою план — единственный, по которому атомная бомба может быть

использована на благо человечества. Однако пройдет немало времени, прежде чем производители бомб это поймут.

Я верю, что такое время не за горами. И когда оно наступит, тогда мы сможем посмеяться так же, как и храбрый солдат Швейк, который в войне видел лишь смехотворное безумие. Кстати, если бы роман Ярослава Гашека стал одним из учебных пособий во всех высших военных учебных заведениях, то это содействовало бы мирному мышлению значительно больше, чем Ветхий Завет. Когда война будет достаточно опозорена и осмеяна, кому захочется тогда воевать.

Сейчас самой злободневной темой дня повсюду в мире является вопрос о разоружении. Из нынешнего тупика может быть найден только один выход: полное уничтожение всего оружия. Политические воззрения, религиозные убеждения и расовые различия не должны препятствовать объединению людей воедино, когда на весах находится жизнь любого живого существа. Только так человек, который говорит о культуре, мог бы начать подлинно созидательную культурную деятельность.

Негры Африки и Америки, а также индейцы Южной и Северной Америки, находящиеся в угнетении, смогли бы тогда получить свою землю от завоевателей и грабителей и, помимо Нового Завета, обрести также человеческое достоинство, получить порядочное жилье, достаточно пищи и одежды. Я бы не имел даже ничего против, если бы им дали и другие распространенные атрибуты западной культуры — пестрые галстуки, губную помаду и пакет жевательной резинки...

Когда я наблюдаю за жизнью так называемых «культурных» людей, я очень часто прихожу в уныние. Я впадаю в пессимизм и делаю тот же грустный вывод, что и финский воскресный рыбак: одолевает мошара, а не рыба.

В западной культуре чрезмерно много красивой пены на поверхности, хорошо сформулированных фраз, которые следовало бы исполнять чуть ли не на скрипке, и чересчур много вызубренного наизусть урока, который точно смола прочно прилип к ладони. Слишком часто забывают человека. Расскажу-ка я подлинную историю...

Один мой друг, разбирающийся в жизни и людях, сказал, что чем больше он общается с человеком, тем горячее он любит собак. Любовь к животным нередко принимает

чуть ли не форму культа. В древнем Египте поклонялись быку и кошке, в древнем Карфагене — слону. После фараонов и Ганнибала объекты поклонения переменились: по некоторым сведениям, кое-где начали любить человека.

Но недавно я узнал, что жильцы самого дорогого и роскошного в Голливуде отеля — не кинозвезды, не бывшие европейские монархи или кузины царя и не бывшие египетские фараоны, а кошки. Основная задача служителей отеля — заботиться о любимых животных долларовых королей, пока последние путешествуют или развлекаются. Отель предлагает для своих постояльцев следующие удобства: а) чистое постельное белье и ковер, которые меняются ежедневно; б) исключительно красивый окрестный вид, а также возможность принимать солнечные ванны; в) со вкусом обставленные залы для приема гостей; г) специальные блюда для тех, кто желает похудеть, и для тех, кто желает пополнеть.

Во время кошачьей трапезы играет лучший оркестр Америки. Некоторое время назад в отель привели некоего родовитого кота, который ел только взбитые яйца и дробленые орехи. Кот захватил с собой на всякий случай собственный холодильник и электрическую подушку.

Директор отеля Джеймс А. Блекфорд просматривает письма, поступающие котам и кошкам, после этого вручает их адресатам вместе с конвертом, чтобы они, грустя, могли понюхать знакомый запах своих хозяев. В апартаменты отеля принимают далеко не каждую кошку. Социальное расстояние должно сохраняться, ибо кто же из порядочных людей пожелает, чтобы бродяга и аристократ оставались в одном отеле! Об этом не может быть и речи в голливудском отеле для кошек, где чтут различие званий и идеальную мораль. Нравственность высоко поднята в блекфордском княжестве четвероногих. Так, на стене каждой комнаты красуется следующее волнующее объявление: «Кошки не должны общаться с котами в комнате без надзора человека!»

«Чему мы на этом учимся?» — спросил бы дедушка Крылов, заканчивая свою сочную басню о животных. Чему же другому, как не тому, что кое-кто придает гораздо больше значения кошкам и великомерно забывает о тех миллионах жителей трущоб, чьи бедствия растут пропорционально росту благосостояния кошек.

Я испытываю глубокое чувство сострадания к француз-

ской певице мулатке Жозефине Беккер, которая всеми средствами пытается основать детские дома для бездомных сирот, несмотря на то, что в мире столько бедствующих кошек, которые не имеют шансов попасть в «Кошачий рай» Голливуда...

Я начал свой небольшой рассказ с финнов и собираюсь ими закончить. Однажды некий американский рецензент посетил нашего известного композитора Яна Сибелиуса и пытался рассмешить этого серьезного человека американскими анекдотами. Сибелиус, кажется, посмеялся, но только про себя. Когда хозяин и гость затем гуляли в парке, янки бросил:

— Я слышал, что вы считаете птиц лучшими в мире музыкантами?

— Да, — ответил Сибелиус. — Птицы рожают музыку.

— Ну, а что вы тогда думаете об этой птице? — спросил гость и показал Сибелиусу на ворону, каркавшую на макушке ели.

— Это рецензент, — ответил Сибелиус.

Международные отношения смогут развиваться тем успешнее, чем реже на макушках елей будут появляться каркающие вороны.

Доктор Пинцет

Мой старый школьный товарищ и друг доктор Эрик Пинцет — крупный исследователь, обладающий бесконечно широкими познаниями в исключительно узкой области знаний. В наши дни, когда человечество располагает ограниченными познаниями в безгранично широких областях знаний, такой субъект является пугалом. Но вы можете не бояться доктора Пинцета, ибо он никогда не охотится по темным улицам за одинокими женщинами, не отравляет злых собак своих соседей, не утаивает доходов от налоговых органов и не появляется пьяным в церкви. Короче говоря, это добропорядочный человек, не помышляющий ни о малейшем зле по отношению к своему ближнему. Ради этого он, собственно, даже не женился. Он влюблен в свою профессию и обожает животных. Особую привязанность он испытывает к ослам, которые всегда непогрешимы, поскольку слабости свойственны только людям.

Как я уже говорил, он специалист и работает главным врачом международной больницы для страдающих сонной болезнью. На прошлой неделе мне пришлось обратиться к этому другу. Когда я говорю «пришлось», я, конечно, имею в виду, что жена заставила меня пойти на прием к доктору Пинцету. Жена моя, видите ли, страдает манией: она вообразила, будто я храплю по ночам. Я пожаловался доктору Пинцету, что взят на подозрение, и он подверг тщательному исследованию мое сердце, легкие, желудок

и, наконец, попросил показать язык. Вы знаете, дорогие друзья, как совестно бывает показывать язык кому бы то ни было, кроме как недругам. Но с врачом и женой приходится всегда соглашаться.

— Вот это глотка! — воскликнул доктор Пинцет. — Такой доступно даже виртуозное соло. Поздравляю, братец, ты принадлежишь к числу minorных храпунов.

— Брось свои шутки, — с досадой промолвил я. — У меня что-нибудь случилось с голосовыми связками?

— Напротив, дружище! Их можно сравнить с валторной или саксофоном. Обожди минуточку, я тебе объясню все по порядку. Итак, во-первых, человек храпит только во сне. В силу такого обстоятельства английская церковь преподносит молодежи на конфирмации не библии, а будильники. Кстати, будильниками неплохо было бы снабдить и финский парламент. Когда человек храпит, он дышит либо через рот, либо через нос...

— Довольно, — перебил я своего друга. — Пропиши мне курс лечения!

— Изволь! Вот что. Бери на ночь в зубы трубку. Когда она ударится об пол, ты встряхнешь с себя сон и перестанешь храпеть. Другим действенным средством является покупка микрофона, соединенного посредством наушников с ушами спящего. Не было еще случая, чтобы храпун не проснулся от своего собственного соло.

Мне стало казаться, что доктор Эрик Пинцет относится к числу тех современных врачей, которые ездят за Атлантический океан, чтобы купить докторский титул. Я попытался переменить тему разговора и поинтересовался у своего друга, много ли пациентов в международной больнице с сонной болезнью. Доктор Пинцет не преминул воспользоваться случаем для выступления, которое я здесь передаю почти слово в слово:

— Любезный друг, существует несколько видов сонной болезни. Наиболее распространенной из них является «энсепхалитис летаргика» — заразное эпидемическое заболевание, вызываемое воспалением мозга. Оно сплошь и рядом встречалось после первой мировой войны. Симптомы болезни: душевное расстройство, судороги и непрекращающаяся сонливость. Если больной обладает способностью похрапывать, он храпит денно и нощно с неизменным успехом. С течением времени появляются затем изменения в характере. Особенно у руководящих политиков.

И все-таки ни с чем не сравнимой является сонная болезнь, впервые открытая сразу после первой мировой войны и широко распространенная в наши дни в странах Запада. Передается она особыми клопами «глоссина политикус», заражающими кровь своих жертв паразитами, именуемыми трипанозомами капитализма. Симптомы этой сонной болезни проявляются в том, что больной не видит дальше своего носа, пребывает в состоянии постоянной тревоги (боится безработицы, войны и соседей), спит наяву, страдает душевным истощением и спазмами речи. Под конец мускулы его глаз разбивает паралич, и блоха представляется ему слоном, а слон — блохой, черное — белым, а свастика — крестом христовым. У него застывшее выражение лица, ноги дрожат, а речь — сплошной вой. Такие симптомы медицина называла ранее болезнью Паркинсона, а современная наука именует их неонацизмом. Лечение должно быть направлено на устранение симптомов болезни. Лучшим средством профилактики считается отправка больного в международную лечебницу, где пациента пытаются разбудить. Если это удастся, то он начинает замечать, во-первых, что жизнь бьет ключом не только вокруг его собственного пупа и, во-вторых, что еще более заразным бактериноносителем, чем муха цеце, является предубежденный гомо сапиенс, общеизвестный под названием «человек».

— Откровенно говоря, — продолжал доктор Пинцет, — даже одаренный храпун, будь то бас или тенор, с присвистом через нос или рот, — малоприятное знакомство в спальне, вагоне, в автобусе, парламенте и школе. Но тем не менее несравнимо более опасными являются люди, находящиеся в сумеречном состоянии, вызванном трипанозомами капитализма. Для преодоления этой болезни мало одной международной больницы для больных сонной болезнью. Многие из больных погрузились в спячку свыше сорока лет назад. Раз в год — в канун Нового года — они оживают настолько, что бодрствуют целую ночь напролет и лелеют надежды, что ничто в мире не изменится. Затем они словно погружаются в глубокий сон, и им снятся радужные сны о германских кайзерах и русских царях, волжских бурлаках и двенадцатичасовом рабочем дне. Словом, о той романтической эпохе, когда на улицах Хельсинки было больше лошадей, чем голубей, и когда богачи страдали воспалением легких, а бедняки всего-навсего простывали.

Если бы этим сонным больным рассказали о людях, совершивших космический полет вокруг земного шара, они бы только поправили свою подушку и усмехнулись: «Не может быть! Такого безумства святой Петр никогда бы не допустил». Если бы им сообщили, что сонная болезнь в наше время излечима, они бы в страхе завизжали: «Ужасно! Мало, что ли, того, что консулы бодрствуют?!».

Доктор Пинцет выдержал небольшую паузу и стал прощаться со мной, говоря:

— Будь здоров! Радуйся, что у тебя не сонная болезнь. А что касается храпа, то попроси жену преподнести тебе в подарок на Новый год трубку или микрофон, а то еще, кто тебя знает, потревожишь покой сонных больных.

Чистая раса

В 1953 году, когда я путешествовал по южным штатам США, мне довелось на автобусной станции одного небольшого городка убедиться, что в карточной игре жизни мне достались на редкость хорошие «kozyри». Будучи европейцем и поэтому, естественно, тупицей и неучем (там, где кончаются мои знания, я обычно ставлю: «и т. д.»), и, не имея гида, я направил свои неуверенные стопы к некоей двери, на которой стояли буквы «W. C.». Не успел я открыть дверь, как чернокожий мужчина взял меня за руку, заметив:

— Не туда, господин! Для вас существует особая комната там, напротив.

На двери комнаты, находившейся напротив, была прикреплена эмалированная табличка: «W. C. Неграм вход воспрещен!».

Я несколько растерялся. Но мой любезный проводник, праотцы которого свыше ста лет назад были в кандалах доставлены из Африки на новый континент, стряхнул с меня галлюцинацию изумления:

— Будьте любезны, господин! Вот тут. Здесь место, где господа облегчают бремя своей жизни, не испытывая чувства унижения.

Я, вероятно, продолжал выглядеть несколько ошеломленным, потому что мой темный гид открыл мне дверь и заметил на ломаном испанском языке: «Тодо бланкос ест кабалерос», или «Все белые — господа».

Я испытывал чувство, как будто мне щекотали пятки ресницами. Никогда ранее мое чувство собственного достоинства не облекали в столь мягкую вату лести и почтения. Одним рывком меня вовлекли в касту господ человечества. В душе я провозгласил троекратную здравицу в честь моего создателя, родившего меня белокожим.

«Господин является господином и в аду», — говорил некий финский писатель. Но это, однако, несравнимо с тем, что происходит на обетованной земле свободы и равноправия, где господин есть господин и в уборной!

Свобода и равенство — понятия весьма относительные. Американский писатель Джек Лондон в одном из своих произведений говорит, что его родина — великая страна свободы: каждый свободен искать себе пищу в мусорных ямах на задворках и каждый имеет шансы попасть на электрический стул. Вполне равными же люди становятся только на кладбище, где белый может лежать наравне с негром, не молвя ни слова о расовом различии.

В один прекрасный день я повстречался с молодым социологом, усердно исследовавшим последние годы поведение, свойства характера, культурные традиции и верования разных человеческих рас. Ввиду того, что он только что вернулся из двухлетней научной поездки, мне захотелось побеседовать с ним. Я сразу заметил, что научился он весьма многому. На шее у него болтался галстук цвета павлиньих перьев, на котором гавайские девушки исполняли танец хула-хуп, не лишенный интереса с социологической точки зрения. Он развалился в кресле, задрал ноги на мой письменный стол, впихнул себе в рот жевательную резинку, сдвинул шляпу на затылок и беспечно заговорил:

— Каждому европейцу следовало бы отправиться на пару лет за океан, дабы научиться чувствовать, что значат настоящие свобода и равенство.

Порывшись в кармане, он вытащил сигарету, чиркнул спичкой о подошву своего сапога и продолжал:

— Здесь, в Финляндии, ни черта не знают о свободе. Только тогда, когда гангстеры и министры пьют на брудершафт, когда поп и нефтяной король живут в одном отеле, только тогда можно говорить о настоящем равенстве.

— Здорово! — искренне ответил я. — Ну, а если гангстер — негр, а министр — белый, выпьют ли они и тогда на брудершафт?

Высокопросвещенный социолог швырнул сигарету на пол, сплюнул жвачку в стену и удостоил меня взглядом, острога которого изображается во всех популярных детективных романах.

— Ты сказал — негр? — строго спросил он меня.

— Да.

— Но я-то говорил о людях.

— Я так и полагал, — изумленно пролепетал я. — Как социолог, ты, вероятно, знаешь, что негров относят к людам.

Пионер современной социологии смерил меня критическим взглядом и минуту спустя прочитал следующую лекцию:

«Дорогой друг, развитие во всех областях движется с головокружительной скоростью вперед. Каждый день совершаются новые изобретения и открытия. В области социологии я — Колумб этого столетия. Пару лет назад я изобрел новое расовое учение, которое почти единодушно одобряется во всех развитых цивилизованных странах. Богатейшие частные университеты мира поддерживают мои исследования, имеющие весьма возвышенные цели: необходимо создать новую человеческую расу, дабы сделать людей на всем земном шаре равными, одинаковыми на вид и по цвету кожи.

Техническое развитие шагнуло теперь настолько вперед, что рабство негров можно понемногу прекратить. Моя новая расовая теория сводится к тому, чтобы освободить негров и прочих темнокожих от проклятия лени и безделья. На практике опробованных средств немало. Газовые камеры гитлеровской Германии, в которых так чистенько и эстетично освободили шесть миллионов людей от печальных повседневных забот, устарели. Поэтому я предложил, чтобы талантливые биохимики спешно приступили к изготовлению оздоравливающего напитка по названию Пам-пам, которым бесплатно наделили бы все темные расы земного шара. Пам-пам — последняя новинка западной науки, и его благословенное действие в том, что он превращает проглотившего его в бесплодного. Когда чернокожие не будут способны продолжать свое потомство, мир в течение примерно шестидесяти лет освободится от своих освобожденных рабов. Какое чудесное будущее ждет наших детей и внучат! Расовая дискриминация в Америке отойдет мирным парадным маршем в историю, а природные богатства Африки вновь найдут своих настоящих владельцев: здоро-

вых, культурных и богобоязненных представителей белой расы.

Дабы новое расовое учение не назвали бесчеловечным, я предлагаю, чтобы в зоопарках Лондона и Чикаго были сооружены снабженные всеми современными удобствами клетки, питомцев которых оберегали бы от напитка Пам-пам. В такой клетке негры могли бы затем — под строгим контролем и под покровительством Организации Объединенных Наций — ограниченно продолжать свой род. Я считаю очень важным и с точки зрения гуманизма желательным, чтобы черной расе не дали вымереть. Негры нужны для бродячих цирков, в качестве шоферов для семей миллионеров, для подметания улиц, уборки пассажирских поездов и в качестве прислуги, гладиаторов, а также в качестве подопытных субъектов для медицины. По причинам осторожности, конечно, необходимо всех негров мужчин, находящихся в услужении у белого человека, сделать евнухами, чтобы они оставили в покое наших женщин. Этим удастся избежать многих неприятностей и прежде всего линчеваний, которые интересуют широкую публику весьма мало после того, как в кинотеатрах и по телевидению стали демонстрировать роскошные ритуальные убийства и детективные представления, полные садизма.

Когда операция Пам-пам будет доведена до конца, тогда нужно будет устремить взгляды на некоторые другие расы, из которых не следует щадить никого, кроме экспонатов для биологического музея. Индейцы не составляют особой проблемы, потому что они понемногу мрут от туберкулеза, но зато уничтожение желтой расы потребует больших усилий. Необычайно хитрыми и живучими являются также семиты и халиты. Однако я верю, что наши даровитые ученые, военачальники и политики найдут подходящее средство для решения и этой проблемы. Моя задача — создание чистой и сильной человеческой расы. Я сказал — создание, так как вполне неоспоримая арийско-англосаксонская раса не может возникнуть сама собой. Поэтому и среди белых необходимо произвести отбор. Необходимо исследовать цвет волос и кожи, изгиб носа книзу и вверх, форму скул и челюсти, глаза, уши, зубы и мнения.

В настоящее время я составляю точные расовые нормы и за свою исследовательскую работу получил несколько крупных стипендий и три звания почетного доктора. Многие крупные университеты с напряженным интересом сле-

дят за моими исследованиями и столь же многие промышленные концерны с таким же нетерпением ждут их, чтобы начать производство напитка Пам-пам для негритянского населения Африки и Северной Америки. Поэтому, как я уже упомянул вначале, сперва нужно освободить негров и только после этого приступить к основательной уборке.

Если кто-нибудь подозревает меня в ненависти к неграм, то он всецело ошибается. Я ненавижу негров не больше, чем Гитлер ненавидел евреев, поляков и русских. Я лишь хочу поднять чувство собственного достоинства белого человека, и если мои методы действия требуют того, чтобы некоторые расы отошли в сторону, то для этого имеются вполне чистоплотные, гуманные причины: земной шар принадлежит белым, потому что наши прародители Адам и Ева были белокожими.

Ведущие культурные страны Европы совершили расовую ошибку, научив негритянское население Африки грамоте. Теперь эти черномазые пишут манифесты самостоятельности и читают нотации своим хозяевам. Вот как они отплатили долг благодарности своим благодетелям, которые даром наделяли миллионы негров порошком от чесотки, библиями и набедренными повязками. И ко всему этому черные Африки собираются похитить нашу собственность!».

Прослушав в течение двух часов лекцию молодого социолога о новом расовом учении, я взволнованно вскочил на ноги и начал изучать в зеркале свои черты. Мне казалось, что я не отвечаю всем нормам чистой человеческой расы: цвет волос и мнения у меня чересчур сильно отличались от схемы. Кроме того, какой-нибудь ученый мог бы утверждать, что мой светлый цвет кожи объясняется лишь тем, что я негр, родившийся альбиносом.

— Ты уверен, что меня не линчуют? — спросил я гостя.

— Линчуют? Как это так?

— По твоей расовой теории я — не чистый представитель расы.

— За это никого не линчуют. Ты неправильно понял мою замечательную идею. Цель ее состоит в том, чтобы освободить мир только от цветных. Фактически речь идет о всемирной благотворительности. Мы годами обращали черных язычников в христианскую веру. Теперь они знают, что их ждет — если они будут жить как и мы, белые люди, — вечный рай и великое блаженство. Разве будет не-

правильно, если мы освободим от бранных мирских страданий черную расу и впустим ее в рай? Мы от них ничего не возьмем, а только дадим им, поэтому мое расовое учение находится в столь чудесной гармонии с западными понятиями морали: цель оправдывает средство.

Вот уже пару недель я в одиночестве и тишине раздумываю над тем, следует ли мне приобрести пистолет или бутылку Пам-пам. Кто знает, быть может, я еретик и консерватор? Во всяком случае, больше я не горжусь тем, что родился белым, равно как и тем, что в знаменитой стране свободы и равноправия я — господин и в уборной...

Американский тюремный психолог Дональд Пауэл Уилсон говорит в одном из своих произведений, что воры, попавшие в тюрьму, обычно бывают необычайно щедрыми. Они хотят выступать в роли благотворителей, но им редко удается вписать свое имя в почетную историю жертвователей, потому что, если они украдут хлеб, им очень трудно поделить его на две части. Подлинно широкой благотворительностью можно заниматься только тогда, когда позорная мелкая кража будет превращена в крупный международный бизнес; когда будут торговать природными богатствами соседа: нефтью, фруктами и минералами. Прямейший путь к богатству и благосостоянию ведет через трупы черных. Зачем негру хлеб, одежда и квартира, когда его ждет рай?

Как красиво звучит старая финская поговорка: роскошь, что у бедняка два глаза...

Право на самозащиту

В зал под конвоем двух полисменов ввели подсудимого. Обвиняемый остановился перед судьей, запустив руки глубоко в карманы. Судья спросил:

— Вы Томас Уайт?

— Да, я...

— Родились?

— Родился!

— Вот и отлично. Отбросьте волосы с лица, я хочу определить ваш возраст.

— В этом нет надобности. Мне около тридцати.

— В таком случае выньте руки из карманов. Если, конечно, не боитесь, что брюки упадут.

Легкий смешок прошелся по рядам, оживив лица в судебном зале. Только судья и прокурор остались невозмутимыми. Прокурор заглянул в свои записи и начал читать монотонным голосом:

— Согласно полицейскому акту, обвиняемый Томас Уайт 10 марта 1971 года в 15.41 вошел в здание Национального банка. В фойе банка он занялся маскировкой, не смотря на то, что лица его и так нельзя было разглядеть за густой прядью свалявшихся волос. Привратник банка Алек Кэррол, заметив, что Уайт повязал себе лицо шарфом, вступил с ним в беседу. После недолгой перебранки Томас Уайт выхватил из кармана револьвер, в упор выстрелил

в привратника и пытался скрыться. На счастье, полиция его тут же задержала.

— Обвиняемый, что вы можете сказать в свое оправдание? — спросил судья.

— Много чего, — ответил Томас Уайт.

— Слушаю вас.

Подсудимый смахнул волосы со рта и развязно сказал:

— Умышленно я его, положим, не кончал. Это была самозащита.

— Объясните подробнее, что произошло, — заметил судья.

— В тот день я действительно заходил в банк. Мне, вообще-то говоря, не всякий банк годится. Должен быть по меньшей мере Национальный банк. Когда я вынул шарф из-за пазухи и повязал им лицо, привратник сгрел меня в охапку, грозясь выбросить на улицу или позвать полицию. Вообразите, господин судья, что со мной было бы, если бы он осуществил свое намерение, — я поломал бы ребра или разбил голову. Привратника в любом случае посадили бы за насилие. Поэтому я решил избавить его от мук тюремных и пустил ему пулю в грудь. На основании этого требую, чтобы предъявленное мне обвинение было отклонено.

— Странная у вас мораль, — заметил судья.

— Я соблюдал общепринятые нормы морали, — важно ответил подсудимый.

— Что вы хотите этим сказать? — строго спросил судья.

Тут подсудимый повернулся к присяжным заседателям и, повысив голос, заговорил:

— Каждый человек имеет право на самозащиту. Ведь даже наше правительство и армия исходят из того, что если вторжению наших вооруженных сил в другую страну препятствуют, то следует применить оружие. Это же самозащита, как вы сами понимаете. И когда привратник банка не дает мне пройти к кассам и, более того, грозит выбросить меня на улицу, то в таком случае я вынужден защищаться, то есть стрелять в него. Ведь с точки зрения морали это всецело оправдано. К тому же, по-моему, смешно поднимать шум из-за какого-то негра.

— Как, разве привратник Алек Кэррол негр? — спросил судья.

— Ну, разумеется, он чернее лакрицы.

— Это обстоятельство несколько меняет характер дела. М-да. Еще пару вопросов. Для чего вы повязали лицо шарфом в фойе банка?

— Я просто следовал общепринятой в нашей стране моде.

— Что вам нужно было у касс банка? Вы собирались внести сбережения?

— Еще чего! Я хотел ограбить банк...

— И собирались применить для этого оружие?

— Угрожал бы только в том случае, если бы мне отказались вручить кассу добром. Ведь в таком случае я вынужден был бы прибегнуть к самозащите. Но этот негр спутал все мои планы.

— Присяжных заседателей прошу пройти в свою комнату. Допрос окончен,— сказал судья.

На следующий день Томас Уайт вновь предстал перед судом. Жюри вынесло приговор, и судья зачитал его звучным голосом:

«Присяжные заседатели, обсудив предъявленное Томасу Уайту обвинение в убийстве, пришли к следующему заключению: привратник Национального банка финансистов был по натуре исключительно грубым человеком. Привратник угрожал посетителю банка клиенту Томасу Уайту выбросить его на улицу. Уайт, таким образом, получил моральное право на самозащиту. На вопрос, «виновен Уайт или невинен», заседатели единодушно отвечают: невинен. Поскольку арест и многочисленные допросы причинили подсудимому душевные страдания, совет присяжных заседателей предлагает, чтобы вдова Кэррола, миссис Бебе Кэррол, отдала половину страховой премии, полученной ею за мужа, Томасу Уайту».

На следующий день отчет об этом заседании был опубликован на первых полосах газет чуть ниже репортажа о пресс-конференции высокопоставленного вашингтонского лица, пояснявшего позицию правительства в отношении вьетнамской войны.

Вот тебе, бабушка, и Новый год!

Герой этого рассказа выступает под покровом псевдонима. Так сказать, по некоторым обстоятельствам, связанным с его безопасностью. Он — не тайный агент, не контрабандист, занимающийся наркотиками, а рядовой гражданин, которого одолела страсть к путешествиям. Ему захотелось встретить Новый год в стране, где незнакомо слово «бедность», а расовая дискриминация запрещена законом, и где у каждого гражданина есть автомашина и одна книжка. Правда, чековая и, к сожалению, не бездонная. В последнем, собственно, и заключается единственный повод для печали и забот, часто наводящих тень на ясный день.

Наш герой (назовем его господином А.) явился в консульство этой страны, повесил пальто и шляпу на вешалку, вытащил из кармана кипу бумаг и протянул их с глубоким поклоном:

— Г-н консул, тут все необходимые справки. Я могу заказать билет?

Консул просмотрел документы, смерил г-на А. испытующим взглядом следователя и ответил:

— Нет, на территорию моей великой родины проскочить незаметно, как в туалет, не удастся.

— У меня нет никакого желания заходить в туалет, — стыдливо ответил г-н А. — Я только что причесался...

— Нельзя ли без умничанья, — проверчал консул, запихивая в рот жевательную резинку.

Г-н А. молчал. Он целую неделю заполнял различные бланки, собирал биографические данные и бегал за рекомендациями и теперь, как говорится, «сидел на чемоданах». Консул, снова просмотрев бумаги, отрицательно помотал головой и изрек:

— Эти документы не годятся. На прошлой неделе вошли в силу новые иммиграционные правила. Я не могу выдать вам сразу визу. Прежде всего мы вас допросим.

— Меня уже дважды допрашивали. А месяц тому назад я принес торжественную присягу в том, что никогда не судился.

— Конечно, не судился, если не поймали с поличным, — перебил его консул.

— При мне также свидетельства о том, что я никогда не пользовался наркотиками, что я не болею чесоткой, венерическими болезнями, корью, туберкулезом и не страдаю манией преследования. Я не пытаюсь бежать от уплаты алиментов, от полиции, тещи или властей. Моя репутация...

— Довольно! — перебил его консул. — Незапятнанность вашей репутации выяснится только на допросе. Как я уже вам говорил, на мою сказочную родину принимают только действительно честных гостей и переселенцев. Прошу вас следовать за мной.

— Куда?

— В комнату для допросов. Мы попросим вас ответить на несколько вопросов.

Г-н А. подчинился. Вместе с консулом он прошел в другую комнату, где их ждал краснолицый человек, никогда не тративший времени на причесывание волос — его голова была гладкой, как арбуз. Следовательно вышел из-за стола навстречу г-ну А. и мягко сказал:

— Поднимите руки вверх, чтобы я мог спокойно обыскать вас.

— Для чего? — с глупым видом спросил г-н А.

— Должен удостовериться, нет ли при вас оружия, современных пластиковых бомб или адских машин. Их ведь так просто уместить в карманах.

Консул закурил сигарету и занял позицию наблюдателя. В карманах г-на А. оказались мелкие деньги, гребенка, носовой платок и трамвайный билет. Краснолицый внимательно осмотрел билет и ухмыльнулся:

— Вы, видимо, привыкли водить за нос городской транспорт. На дармовщинку ездите?

— Никогда! Старый билет просто завалился у меня в кармане.

— Смотрите, чтоб это было в последний раз. У меня на родине никто использованных билетов в карман не сует. Их бросают на улицу. Можете садиться. А теперь жду вашего чистосердечного ответа на мои вопросы. Для чего вы хотите поехать на мою родину?

— Познакомиться...

— Вы и так можете познакомиться с ней. Смотрите наши фильмы, кстати сказать, лучшие в мире. Читайте наши прекрасные издания, тоже лучшие в мире. Слушайте наши самые лучшие в мире радиопередачи. Или вы думаете, что мы занимаемся распространением пропаганды, как некоторые другие страны?

— Я ничего не думаю,— спокойно ответил г-н А.— Я просто хочу познакомиться с вашей замечательной страной, где у меня есть родственники, бабушка...

— Родственники! — воскликнул краснолицый, вскакивая, и переглянулся с консулом, который тоже встал.— И это обстоятельство вы ранее скрывали от нас?!

— Немедленно свяжитесь с нашими разведорганами,— приказал консул.— Необходимо получить точные сведения — можно ли на родину г-на А. положиться. Когда они получили гражданство, поддерживают ли они переписку с какой-либо социалистической страной, какие газеты читают, принимают ли участие в демонстрациях, направленных против войны, какую религию исповедуют, нравятся ли им фильмы Чаплина, каким автоматическим огнестрельным оружием пользуются для защиты своей жизни и имущества? Ясно?

— Ясно, господин консул.

— Отлично, можете продолжать допрос.

Господин А. выглядел несколько сконфуженным. Но он еще держался вполне спокойно, хотя уже несколько утратил интерес к поездке. Допрос продолжался.

— Господин А., вы принадлежите к какой-нибудь политической партии?

— Нет.

— Считаете ли вы, что социализм — это рак человечества?

— Нет, не считаю.

- Вы коммунист?
- Нет.
- Есть ли коммунисты среди вашей родни и знакомых?
- Есть...
- И вы публично объявили им войну?
- Я не привык сражаться против своих друзей.
- Я имею в виду не друзей, а коммунистов. Ведь они же никому не друзья.
- Надо полагать, все-таки, что они друзья друг другу?
- Не умничайте! Это только ухудшает ваши шансы на получение визы. Вы принадлежите к каким-нибудь обществам?
- Я член общества по охране природы.
- Это какое-нибудь замаскированное общество?
- Нет. Все члены ходят без масок.
- Всегда?
- Почти. В тех случаях, когда мы устраиваем маскарады и балы, бывают и маски.

Допросчик бросил многозначительный взгляд на консула, который усмехнулся:

— Подозрительно, очень даже подозрительно. Этого наши иммиграционные власти не простят. Продолжайте допрос!

Лицо ведущего допрос пылало, как помидор. Он вытер ладонью свою макушку, напоминавшую ледяной каток, впился в лицо обалдевшего г-на А. и продолжал:

— Люди всего мира стремятся попасть в нашу страну, где о бедности повествуют лишь в старых преданиях. Поэтому мы должны тщательно проверять тех, кого принимаем. Если кто-то из них когда-то принадлежал к социалистической, то есть преступной партии, он обязан представить убедительные доказательства своего раскаяния. На вашем месте я немедленно заручился бы достоверными справками о том, что вы убежденный противник употребления масок на маскарадах и балах вашего общества; что среди ваших родственников и друзей нет тайных коммунистов или тех, кто не сознает опасности коммунизма; и что вы не стремитесь в нашу страну с тем, чтобы свергнуть наше правительство. Вы поняли?

— Нет.

— Ваша психика когда-нибудь подвергалась проверке?

— Раньше нет, но в настоящее время подвергается.

— Вы продолжаете наглеть. Почему у вас красный галстук?

— Жена купила.

— Она коммунистка?

— Нет, она преподавательница начальной школы.

— Среди ее родни или знакомых есть коммунисты?

Господин А. не ответил. Он вдруг заметил, что его страсть к путешествиям улеглась, он встал и приготовился уходить.

— Еще минуточку. Присядьте в это кресло, вот сюда.

— Это что, электрический стул? — со страхом спросил господин А.

— Это аппарат, уличающий человека во лжи. Согласны?

— На что же я должен еще соглашаться?

— На опыт. В соответствии с новыми иммиграционными правилами каждый, ходатайствующий о предоставлении ему визы, должен подчиниться этому опыту. Одних отпечатков пальцев недостаточно для обеспечения безопасности моей родины. Поэтому мы прибегнем сейчас к детектору лжи. Вы поняли?

— Нет.

— Скоро поймете. Садитесь сюда, упритесь головой в эту опору и дышите ровно. Вот так.

Следователь включил аппарат и заговорил шепотом. Через десять минут он попросил господина А. встать и удалиться в приемную комнату. Господин А. смиренно последовал его указанию и медленно вышел, с грустью вспоминая балы общества по охране природы.

— Мы вас скоро позовем, — бросил краснолицый и занялся изучением данных детектора.

Через минуту он прокричал:

— Лжец!

— Я так и думал, — вставил консул. — У разбойников часто бывают лица невинных младенцев. Визы ему не видать!

— Данные машины меня изумляют, — сказал его собеседник.

— Значит, она разоблачила его политические убеждения?

— Хуже. Он грубо солгал.

— Так он не преподаватель биологии?

— Речь идет не об этом, а о его галстукѣ.

— Галстукѣ?

— Именно о нем. Этот тип утверждал, будто получил галстук в подарок от жены, однако аппарат сообщает, что галстук подарен ему бывшей невестой...

— Ну, знаете, такой обман можно приравнять к государственной изменѣ. С другой стороны, печально, что мы не можем дать ему визы на въезд, ведь в нашей странѣ острая нехватка педагогов. А ну-ка, позовите сюда этого обманщика!..

Следователь вышел, чтобы выполнить поручение шефа, но, к своему удивлению, не нашел г-на А. в приемной. Швейцар сообщил ему, что г-н А. забежал в туалет и там его стошнило. А затем бросился вон из консульства.

— Он сказал что-нибудь?

— Только одно: «Вот тебе, бабушка, и Новый год!».

Мистер Макклоун

Мистер Уильям Макклоун 11 лет работал спортивным редактором большой газеты. Затем его назначили редактором отдела культуры. За полгода он ознакомился с культурной жизнью страны. Такой рекордный темп объяснялся тем, что сам он в прошлом спринтер. В качестве редактора по культуре он особенно интересовался фильмами о диком Западе, где главные роли исполняют револьверы. После его блестящей статьи «Револьвер — пионер культуры» Уильяма Макклоуна избрали почетным членом культурно-исторического общества родного города. Издатель газеты тоже отдал заслуженную дань автору статьи, послав Макклоуна в командировку в Европу. Мистер Макклоун отправился в поездку, зная понаслышке, что нацисты при слове «культура» спускали предохранитель револьвера.

Предчувствуя возможные опасности, Макклоун спустил предохранитель, как только самолет опустился на европейский континент. В программу двухнедельной поездки входило бесчисленное количество бесед с известными деятелями культуры, знакомство со штабом итальянской мафии, с базами НАТО и могилой Муссолини. Вчера мистер Макклоун неожиданно прибыл в Хельсинки и направил свои стопы в министерство культуры.

— Хочу повидать министра, и как можно скорее, — сказал он секретарю.

— Министр сейчас на заседании правительства,— ответил секретарь.

— Пойдите и скажите, что я его жду.

— Нельзя. Мы не можем беспокоить правительство. Приходите завтра.

— Завтра у меня другие дела. Позовите тогда заместителя министра.

— Он тоже на правительственном заседании, но, может быть, вам поможет начальник канцелярии?

Гость на мгновение задумался и спросил:

— Понимает ли он что-нибудь в культуре?

— Я пойду спрошу,— ответил секретарь.— Как вас зовут?

Мистер Макклоун порылся в кармане пиджака, вытащил визитную карточку и протянул секретарю со словами:

— Уильям Макклоун, редактор отдела культуры. Лучший результат на 100 метров — 10,2 и 200 с барьерами — 23,9 секунды.

Секретарь поклонился с уважением, так как его лучший результат на 100 метров застыл на 17,8.

Через минуту секретарь вернулся и сказал:

— Доктор Лантту вас сейчас примет. Сюда, пожалуйста.

Бывший спринтер, а ныне деятель культуры Макклоун бросил сигарету на пол, раздавил ее ногой и отшвырнул тлеющий окурок под стул.

— Приятно познакомиться с вами, г-н Макклоун,— сказал начальник канцелярии и протянул гостю руку.

Гость плюхнулся в кресло и ответил:

— Я не очень-то доверяю вам, европейцам. Неделю тому назад я узнал в Италии о писателе Максиме Горьком, а вчера услышал, что он давно умер. В Париже я что-то слышал об Анатоле Франсе, но теперь я сомневаюсь, такого эстрадного певца вроде бы и не было...

— У нас, европейцев, принято немного подшучивать,— ответил начальник канцелярии благожелательно.— У вас есть какое-нибудь официальное дело, и могу ли я помочь вам?

Гость воткнул сигарету в зубы и ответил:

— Да, вы можете помочь. У вас есть спички? В моей зажигалке кончился бензин.

Хорошо воспитанный доктор Лантту зажег сигарету гостя и подарил ему коробок финских спичек. Маленький

подарок открывает сердце человека лучше красивых слов. Мистер Макклоун открыл сердце и заговорил:

— Моя цель — написать серию статей о европейской культуре, но для этого требуются заслуживающие доверия сведения. Вы не можете сказать, есть ли в вашей стране другие писатели, кроме Максима Горького?

— Горький не финский писатель, — ответил доктор Лантту. — Он — великий русский классик.

Мистер Макклоун заглянул в записную книжку и улыбнулся:

— Да, вероятно, так... Два дня назад видел его фильм «Война и мир», там были неплохие сценки.

— «Война и мир» — фильм, сделанный по роману Льва Толстого.

— Никогда не слышал, чтобы говорили о таком человеке. Это не тот ли самый тип, который написал о жизни Муссолини и живет теперь в эмиграции в Финляндии?

— Нет... Вам надо бы поехать в соседнюю страну, там вы получите заслуживающие доверия сведения и ценные материалы для ваших статей.

— Так мне и следует сделать, но нет времени, — ответил Макклоун и взглянул на часы. — С удовольствием хотел бы взять интервью у немецкого изобретателя Леонардо да Винчи. Я слышал, что он умеет и рисовать. Как, по вашему мнению, он хороший художник?

— Несомненно. Он — мастер...

— В таком случае его следовало бы соблазнить поехать на мою родину рисовать звезд кино. Кого из других художников вы смогли бы рекомендовать?

— Рембрандта, Рубенса и Илью Репина...

— Достаточно, достаточно! — прервал мистер Макклоун. — Я имею в виду известных художников, таких, как Уильям Шекспир, который рисовал мадонн. Вы, конечно, знаете его?

— Знаю...

— Превосходно! Чувствуется, что у вас отличные сведения по культуре. Вы не могли бы сказать мне несколько слов о композиторах Европы? Я и сам знаю несколько европейских композиторов, например, венгра Эмиля Золя. Лучший в мире певец Франк Синатра напел на пластинку много опер.

— Разве он оперный певец?

— Да, по-моему. А оперы это не медленные вальсы?

— Может быть... Я так редко хожу на танцы...

— Вам следовало бы танцевать больше, тогда вы лучше познакомитесь с искусством композиции. Есть ли в Финляндии композиторы?

— Есть, и много...

— Ну, а трубачи?

— Есть и такие.

— Так какая же это отсталая страна? Когда собирался в поездку, меня предупреждали в отношении финнов. Главный редактор газеты сказал, что финны — монголы, у которых примитивная культура. Единственное исключение — Максим Горький, который пишет приличные сценарии фильмов.

— Извините, мистер Макклоун, что снова поправлю вас. Максим Горький — не финн, а русский.

— Невелика разница. А есть композиторы в России?

— Да, Чайковский... Римский-Корсаков... Глазунов... Шостакович... Хачатурян...

— Довольно, довольно! Очень странные и неизвестные имена. Они, вероятно, еще совсем начинающие. Как вы думаете, могу ли я о них упомянуть в моей статье?

— Конечно, можете... Их знают повсюду, во всем мире.

— Только не в моей стране, где собраны лучшие и известнейшие композиторы мира, начиная от Дюка Эллингтона и кончая Барри Голдуотером. Их пластинки продаются и на Красной площади Парижа.

— Извините, г-н Макклоун. Красная площадь не в Париже, а в Москве.

Мистер Макклоун полез в карман, достал пистолет, спустил предохранитель и сказал раздраженно:

— Вы сомневаетесь в моих сведениях?

— Нет, — ответил спокойно доктор Лантту.

Мистер Макклоун взглянул на часы и тотчас вскочил:

— Надо идти. Еду через час в Копенгаген, там состоится большой международный порнографический фестиваль. Слышал вчера, что какой-то Бетховен исполнит свои новые джазовые песенки...

Макклоун быстро удалился, и начальник канцелярии облегченно вздохнул. Но едва он уселся за свой рабочий стол, как дверь стремительно распахнулась и на пороге снова появился американец.

— Забыл спросить вас о самом важном, — сказал он. — Какое у вас время на стометровке?

Проветренные иллюзии

В своей книге «Прекрасная свиначка» я мимоходом затронул весьма ценную и интересную область американских исследований, касающихся измерения нижней части спины у мужчин в свете новейших методов науки. После выхода книги эти исследования продвигались вперед исполинскими шагами.

Предмет исследования играет настолько важную роль в политике, культурной и экономической жизни, что наличие его немыслимо более обходить молчанием или пренебрежительным пожатием плечами. Дабы читатели смогли уяснить себе масштабы исследований и важность их для человечества, я вынужден буду повторить — во всяком случае в основных чертах — то, что я уже ранее изложил в своем вышеупомянутом произведении.

Не так давно в Калифорнии было основано новое общество — «Общество борьбы против господства женщин», за которым стояли мужчины. Лозунгом общества был принят вопль о помощи: «Мы требуем равенства! Мужчины Америки, боритесь против верховной власти женщин!». Заботы мужчин начались с того, что женщинам принадлежит более 85 процентов собственности Соединенных Штатов Америки и что эта цифра непрерывно растет. Другим обстоятельством, вдохновившим американских мужчин на доблестную борьбу за свободу, явилось научное исследование о продолжении роста нижней части спины у амери-

канских мужчин, проведенное по инициативе некоторых женских организаций. Исследования показали, что американские женщины наращивали себе мозг, в то время как у мужчин полнело нечто другое.

Мисс Рашель Турнак (баснословно богатая наследница, которая, говорят, в темноте выглядела красивой) наняла к себе в концерн четырех известных ученых, единственной задачей которых было ведение статистики. С точки зрения блага человечества наиболее ценную статистику составил доктор Дик Ламберт, потративший на свою исследовательскую работу свыше трех лет. Годами он изучал сиденья амфитеатров Древней Греции и Рима, установив, наконец, что их средняя ширина равнялась 19 дюймам; сиденья некоторых театров Древней Греции оказались еще уже. На основе этого он пришел к выводу, что еще 1500 лет назад средняя ширина сидячего места равнялась 15 дюймам.

То же место американца в 1905 году было равно 17 дюймам, а сорок лет спустя — 19,5. Для ширины сиденья американской машины в 1925 году было достаточно 20 дюймов, в модели 1957 года она равнялась 25, а в моделях последующих лет — 26 дюймам. Чем же это объясняется? Весьма компетентный ответ дает нам доктор Ламберт: «Американские мужчины слишком много сидят и охотнее всего с ногами на столе. Они настолько любят свою работу, что порой целыми днями сидят и смотрят вокруг, ничего не делая. Это в общем и понятно, ведь удобнее заставлять работать другого, чем работать самому, особенно, когда можно заставлять работать тех, у кого черный цвет кожи».

Мисс Турнак, стремясь придать «обмеру» международный характер, основала фонд под названием «Рашель энд Брус Турнак Фаундейшн», который приступил к оказанию помощи так называемым отсталым странам. Стипендии для этой исследовательской работы были предложены и финским деятелям науки, дабы они смогли поехать в Соединенные Штаты для пополнения своих знаний в знаменитом институте концерна Турнаков. Однако исследование такого рода в отношении мужчин в Финляндии успеха не имело. Оказалось, что предмет исследования оставался одной ширины или же сузился в тесных трамваях и линейных автобусах, в которых царил вечная давка. Исключение составили только ловкие коммерсанты да некоторые политики. Не удивительно поэтому, что они не-

прерывно ухитряются сидеть на двух стульях. И все же пришлось с сожалением констатировать, что маленькая Финляндия не смогла принять участия в исследовательской деятельности, возглавляемой доктором Ламбертом.

Доктор Ламберт сумел абсолютно убедительно доказать, что сидячая работа не для американских мужчин, несмотря на то, что их всегда пытались сажать на руководящие места в мире. Разве только в конгрессе да сенате работали седалищными мускулами.

Недавно из США поступили сенсационные вести. Речь шла о совершенно новом использовании данных измерений некоей части тела. Наконец-то бескорыстная и кропотливая исследовательская работа приносит плоды, которыми сможет наслаждаться все человечество! Любого читателя, несомненно, порадует весть о том, что сиденья в новом концертном здании Нью-Йорка на 3 дюйма шире, чем где-либо в мире. Теперь, когда для друзей современной музыки слушание «высокохудожественных» произведений становится нестерпимым, сердце американца согревает одно сознание: во всяком случае его седалищным мышцам не будет докучать чрезмерная теснота. Что ни говорите, а проведенное исследование и его практические результаты расширяют индивидуальную свободу человека.

Не все имеют автомашины, не все в состоянии купить концертные билеты, стоящие баснословных денег. Но зато каждый человек имеет штаны — либо новые, либо старые и заплатаемые. Целый ряд международных организаций, не щадя своих сил, трудится над тем, чтобы снабдить штанами даже жителей самых жарких тропиков. При этом, конечно, предпочитают штаны американского типа — с двумя карманами для пистолетов и одним задним — для молитвенника. Но одних штанов мало; в придачу к ним необходимо получить некое приспособление, являющееся сейчас темой дня на всем западном полушарии. В связи с тем, что это приспособление тесно связано с современной наукой исследования вышеупомянутого предмета, я коротко изложу его пленительную историю.

Поэты часто бывают ясновидцами. Иногда они загнут такое, что и сами не поймут. Поэтому нужны материалы исследования, которые могут внести хоть какую-то ясность в темные измышления поэтов. Когда великий советский поэт Владимир Маяковский в двадцатых годах опубликовал свою поэму «Облако в штанах», он вряд ли пред-

видел, что в 60-х годах приступят к реализации его предсказаний: в штаны монтируется облако. Возможно, настоящее, грозное, освежающее воодух.

Дело в следующем. Недавно Соединенные Штаты приступили к производству своеобразных вентиляторов, спрос на которые будет, несомненно, столь же большим, как и на жевательную резинку, лекарство по омолаживанию и пистолеты, снабженные глушителем. По сведениям, полученным мною из весьма достоверных источников, через несколько лет одежда и особенно штаны каждого американца будут снабжены специальными установками искусственного климата. Военно-морские силы Соединенных Штатов заключили недавно договор с концерном Вестингауз о значительных поставках этой новинки.

Речь идет об использовании в самом ближайшем будущем климатических установок, работающих на электричестве, для обогрева и охлаждения солдатского обмундирования. Электропитание будет поступать через небольшие специальные шарики, расположенные повсюду в костюме. Весьма просто, не правда ли?

Я всегда считал, что мир больше прежнего нуждается в проветривании. Затхлый и неприятный воздух ударяет навстречу нам отовсюду: со страниц желтой печати, из трущоб многих городов, из многочисленных международных комитетов, ресторанов и общественных уборных.

Размышляя над этой новой климатической установкой, я призадумался и, что вы скажете: тут только я смекнул, о каком великом изобретении в действительности идет речь. Я вполне сознаю, что проветривание штанов будет первым внедрено в американской армии. Летчики частенько попадают в столь жаркие дела, что вынуждены охлаждать свои штаны. Если им в слепом рвении к делу придется совершить вынужденную посадку в чужой стране, то тогда их спину и ее изнеженное продолжение прошибет леденящая дрожь. Как просто будет тогда нажать на маленькую кнопку, и гениальный вентилятор дыхнет согревающим воздухом на сморщенную мурашками кожу. В связи с тем, что климатические установки производятся серийно, фабрикант должен иметь точные сведения о средних размерах той части солдатского тела, для коей предназначаются штаны. Вот почему необходимы измерения, предпринятые мисс Турнак и компаний.

Когда спрос армии будет удовлетворен, то и граждан-

ское население сможет насладиться прелестями климатических установок.

Через несколько лет со складов американской армии начнут сбывать в слаборазвитые страны вентиляционные устройства устаревшего типа. Это, естественно, предусматривает, что жители страны, которым будет оказана помощь, имеют на себе столько одежды, чтобы ее можно было проветривать. В виде ответного дара они могли бы предоставить часть территории своей страны, необходимую для того, чтобы «благодетель» смог построить себе аэродром, резиденцию или что-нибудь другое маленькое, но модное.

Миллионы людей остро нуждаются, особенно в холодное время года, в обогреве своей одежды. Продавец газет, зябнувший на улице, полицейский, регулирующий движение, ребенок и бездомный бродяга, несомненно, были бы счастливы изведать сладостный поток тепла между тонкой одеждой и зябнущей кожей. Но кто больше всех жаждет прохладного, свежего воздуха — это болельщики, кинорецензенты и, конечно, те, кому приходится сидеть в тюрьме, если они не способны выпустить себя на свободу за деньги. Словом, не будем относиться с подозрением или пренебрежением к указанным исследованиям, способствующим развитию благосостояния на всем земном шаре. К тому же теплое погожее облако в штанах всегда лучше, чем грозовое облако на небе.

Я всегда с удовлетворением встречаю все новые изобретения, облегчающие условия жизни человека. С радостью приветствую я и американские вентиляторы. Правда, они, как и жевательная резинка, не наполнят желудок голодающих людей, но как-никак увеличат веру людей в небесные блага «преуспевающего государства». И если учесть, что много людей продолжает жить в нереалистичных иллюзиях, то стоит ли снимать пелену с их глаз? Коль кто-то чувствует, что он обретает человеческое достоинство и права только после того, как обмерена нижняя часть спины (психическое исследование излишне!) и в штанах находится вентилятор, работающий на электричестве, — ну, что же, разрешим ему это без спора и издевок. Не будем забывать пословицу, отражающую горькую прелесть иллюзий:

— Есть и за мной деньги, — сказал нищий, прислонившись к стене банка...

И гроб в придачу

Возраст американки миссис Купер не поддается определению. Но поскольку она занимается бизнесом уже 41 год, можно предположить, что ей по крайней мере за сорок... Она владелица предприятия, производящего косметику, и десятка-другого магазинов.

Недели две назад миссис Купер вошла в оружейный магазин мистера Сандерса и сказала приказчику:

— Можно ли посмотреть револьверы?

— Вы хотите купить револьвер? — спросил тот с отеческой улыбкой.

— Хочу. И такой, который умещается в сумочке.

Голос миссис Купер долетел до конторы, где дремал за столом сам хозяин. Мистер Сандерс вскочил из-за стола и поспешил в лавку. Он вытаращил глаза на клиентку, подошел совсем близко и воскликнул:

— Боже мой, да ведь это миссис Купер! Я не узнал вас! С каждым годом вы выглядите все моложе. Чем могу служить?

— Дайте мне револьвер.

И мистер Сандерс продал клиентке револьвер с двадцатью патронами.

На следующий день миссис Купер снова появилась в оружейной лавке Сандерса. Цвет ее волос превратился за ночь из светло-золотистого в красный, и они отсвечивали адским пламенем. Не обращая внимания на приказчика,

она направилась прямо в контору, достала из сумочки револьвер и сказала хозяину:

— Могу ли я получить деньги назад?

— Но, дорогая миссис Купер, разве товар оказался с браком?

— Я не испробовала его, но он больше мне не нужен. Мой муж попал вчера под машину и умер.

— Сочувствую вам. Примите мои соболезнования.

— Что вы имеете в виду? Разделите лучше мою радость, ведь теперь я смогу по крайней мере снова выйти замуж. Вот ваш револьвер, верните мне деньги.

Лицо мистера Сандерса вытянулось. Он забормотал что-то о финансовом крахе. Год назад он приобрел по дешевке шесть тысяч таких револьверов со склада разорившейся оружейной фабрики. Он вложил в эти револьверы весь свой капитал, однако товар так и лежит на складе, так как мода на оружие изменилась девять месяцев назад. Мужчины подарили свои револьверы детям, а сами начали вооружаться автоматами. Для женщин стали изготавливать оформленные в виде губной помады ручные гранаты, которые легко носить в сумочке.

Закончив этот печальный рассказ, мистер Сандерс воскликнул:

— Дорогая миссис Купер! Не требуйте назад своих денег! Я уже на пороге банкротства, будь проклята эта конкуренция!

— Да, конкуренты наступают на пятки,— согласилась миссис Купер.— Все труднее становится продавать и изделия моей фабрики, хотя они и лучшие в мире.

— То, что они лучшие в мире, я вижу по вашему лицу. Но ведь и мои револьверы неплохи.

— Попробуйте их рекламировать.

— Это не поможет, я испробовал все средства, снижал цены, продавал в рассрочку на год. Но эта проклятая конкуренция...

Когда дело касалось бизнеса, сердце миссис Купер смягчалось. Ей захотелось помочь торговцу оружием, и она решила дать ему бесплатный совет.

— Мистер Сандерс, вам следует придумать для покупателей какую-нибудь премию.

— У меня нет на это средств.

— Но вы сказали, что на складе имеется шесть тысяч револьверов. Вы продадите их за неделю, если последуете

моему совету. Повысьте цену на каждый на пять долларов и обещайте покупателю в придачу бесплатный подарок, который обойдется вам всего в один доллар. Люди всегда покупают что угодно и платят сколько угодно, лишь бы получить в придачу что-нибудь бесплатно. Если не возражаете, я вступлю в долю.

Мистер Сандерс согласился. На следующий день в городских газетах появилось объявление на полстраницы:

«Револьвер — в сумочку каждой женщине! Каждая клиентка, которая купит у Сандерса револьвер, получает бесплатно две баночки лучших в мире румян! Женщины! Помните, что наша конституция дала каждому право носить огнестрельное оружие. Стреляй или застрелят тебя! Покупай револьвер и оставайся молодой!».

Двумя днями позже во всех газетах появилось объявление уже на целую страницу:

«Купер и компания» изготавливает лучшие в мире кремы для кожи и румяна! Богатый выбор на все вкусы! Каждой, кто купит десять баночек лучшей в мире косметики, дается в подарок револьвер, который умещается в дамской сумочке. Женщины! Косметика Купер сохранит вашу молодость, а револьверы Сандерса защитят вашу жизнь».

Еще через три дня мистеру Сандерсу пришлось нанять дополнительно четырех продавцов и одного человека для того, чтобы регулировать очередь. Он попытался встретиться с миссис Купер, чтобы поблагодарить ее за помощь, но та уже укатила в свадебное путешествие на Гавайские острова.

Пример был заразительным. Все торговцы и фабриканты города начали давать что-нибудь клиентам в придачу. Цены поднимались вверх подобно мини-юбкам, но это не огорчало покупателей. Они были рады получить что-нибудь бесплатно. Благотворительностью занялась даже известная нефтяная компания, опубликовавшая объявление: «Только государство подлинного благоденствия может предложить своим гражданам такие выгоды: если купите десять галлонов бензина, получите бесплатно две бутылки томатного сока». Фабрикант томатного сока обещал галлон бензина каждому, кто купит двадцать бутылок его продукции. Торговец велосипедами давал каждому покупателю бесплатно двадцать пачек стирального порошка. Одна запасливая вдова тут же купила шесть велосипедов, чтобы получить бесплатно 120 пачек химикалий для стирки.

Число филантропов росло. В дело включились автомобильные компании. Повысив цены на автомобили, они получили возможность давать бесплатно в придачу пять пакетов жевательной резинки или роликовые коньки, или парфюмированную туалетную бумагу и апельсины. Чтобы получить бесплатно эти «дары», многие тут же покупали автомашины, а затем закладывали все свое остальное имущество, чтобы внести за них очередной взнос. Верх коммерческой выдумки показала автомобильная фирма, поместившая аршинными буквами следующее объявление: «Самое выгодное и восхитительное предложение нашего века: продаем в рассрочку на два года последнюю новинку, которая удовлетворит самых требовательных джентльменов,— автомобиль «Рекс-603». Каждый, купивший его у нас, получит бесплатно в придачу молодую и прекрасную женщину!».

Эта реклама имела самое неожиданное последствие. Прочитав ее, один из автомобильных королей был так взволнован, что откликнулся на нее объявлением: «Я собираюсь разводиться. Если кто-нибудь захочет взять мою жену, я дам в придачу бесплатно три роскошных автомобиля и двадцать запасных колес».

А наш знакомый мистер Сандерс сидит сейчас на тахте у себя дома и просматривает рекламные страницы газет, на которых покупателю предлагают бесплатно в придачу любые товары, от детской коляски до гроба включительно. Он глубоко благодарен миссис Купер, которая все еще проводит медовый месяц на Гавайях. Мистер Сандерс чувствует себя большим филантропом, он уже подарил женщинам города 12 тысяч баночек лучших в мире румян, продав одновременно за хорошую цену 6 тысяч револьверов.

Богу — душу, фирме — деньги

Когда английский писатель Эвелин Во несколько лет назад выпустил в свет свой роман «Любимый», в котором описываются погребальные обычаи калифорнийцев, в некоторых кругах это сочли оскорбительным для американского образа жизни. Правда, как видно, — жестокий бич. Теперь, когда я берусь за этот бич, я делаю это не с целью бичевать покойников или их родню, да и вообще кого бы то ни было. Я человек миролюбивый, хотя и ненавижу спекуляцию и отношусь с определенным недоверием к некоторым бизнесменам. Человек, как известно, — единственное в мире существо, которое живет еще и после того, как с него сдерут шкуру. Если бы не эта живучесть, от населения Америки за пятьдесят лет не осталось бы и следа. Но, собственно, чего это ради я буду наводить тоску, когда с таким же успехом могу рассказать небольшую историю, вспомнившуюся мне при чтении журнала, в котором задают вопрос: «Достаточно ли вы богаты, чтобы позволить себе умереть?».

Мистер Норман Джонсон отдал богу душу в кабаке. Его отправил на тот свет закадычный приятель. Как только отгремел выстрел, в кабаке была выдержана минута молчания. Четверо профессиональных шулеров, истосковавшихся по тюрьме, отложили ненадолго карты, прервав игру в покер. Остальные посетители кабака выдержали полминутную паузу в выпивке. Хозяин притона осенил

себя крестным знаменем и дважды прочел «Аве Мария». Убийца, удостоверившись в том, что Норман Джонсон приказал долго жить, осушил свой стакан и отправился на явку к шерифу. По пути он заодно купил себе свободу, так как дня за два до этого совершил удачный грабеж и получил возможность беззаботно распорядиться деньгами.

Врач, осмотревший тело Нормана Джонсона, выдал свидетельство в такой редакции: «Причина смерти естественная».

Когда жена Нормана Джонсона получила известие о смерти мужа, она разрыдалась. Причина слез в том, что жизнь ее мужа не была застрахована. В остальном женщина была, конечно, счастлива, так как наконец-то освободилась от своего креста — мужа, который пятнадцать лет был без работы, если не считать тех четырех, которые он провел на каторге за ограбление банка.

Кроме жены, Норман Джонсон оставил еще трех малолетних наследников, которые находились в детском доме. Миссис Джонсон кормила себя и мужа побочной работой и разноской утренних газет.

Спустя полчаса после того, как Нормана Джонсона постигла смерть, к вдове покойного, что естественно для великого Запада, явился с выражением соболезнования мистер Койн. Он поднес женщине букет роз и сказал:

— Смерть — незваный гость, миссис Джонсон. Вы, конечно, сильно любили своего мужа?

— Что вы! — испуганно воскликнула женщина. — Он был отъявленным гангстером.

— Не кощунствуйте перед величием смерти, миссис Джонсон! Ваш супруг переселился в вечность и полностью искупил все свои преступления. Христос принял смерть на кресте и за грехи вашего мужа. И теперь ваш любимый Норман уподобился невинному и непорочному ангелу небесному, память которого должны чтить все.

Лицо миссис Джонсон приняло серьезное выражение, потому что она никогда не утрачивала своей веры. Она посмотрела в глаза мистеру Койну и, всхлипывая, сказала, что у Нормана были и хорошие качества: он исключительно ловко заключал пари, был непревзойденным картежником, великолепно танцевал и превосходно подделывал подписи. Кроме того, он обладал незаурядным голосом, красивыми глазами и смелым характером.

— Он здорово дрался на кулаках,— продолжала миссис Джонсон.— Однажды он спшиб двух мужчин зараз, пробовавших обжулить его в карточной игре. Правда, он пьянствовал, но никогда не ломал мебели, не пинал собак и не избивал меня.

— Смерть его была для вас поистине незаменимой утратой! — воскликнул мистер Койн.— Я знаю, вы убиты горем. Но я берусь часть его взять на себя. Цель моей жизни — утешение скорбящих родственников.

Мистер Койн не был ни попом, ни доктором, а всего только известным в городе похоронным подрядчиком, владельцем погребальной фирмы «Вильям Койн и сыновья». Два раза в неделю он давал в городской газете объявления размером на полполосы под заголовком величиной с кошачью голову: «В стране высокого жизненного уровня и стоимость смерти находится на солидном уровне, но, несмотря на это, мы хороним до смешного дешево».

После двадцатиминутных переговоров миссис Джонсон подписала контракт, по которому поручила погребение мужа фирме «Вильям Койн и сыновья».

Через два дня миссис Джонсон была приглашена в контору Койна для выбора гроба.

— Добро пожаловать, миссис Джонсон,— произнес гробовой подрядчик.— Разрешите предложить стаканчик виски?

— Нет. Спасибо,— ответила вдова.— Я выпью лучше кока-кола.

Мистер Койн позвал своего помощника и шепнул ему.

— Принеси-ка бутылочку кока-кола да включи попутно электроорган. Выбери одно из грустных танго.

— О'кей, босс! — ответил помощник и бросился исполнять распоряжение.

Когда миссис Джонсон выпила кока-кола и выкурила пару сигарет, подрядчик взял ее под руку. Они под звуки электрооргана, наигрывавшего «Танго-ноктюрн», перешли в выставочный зал выбирать гроб.

— Я хочу самый дешевый и простой гроб,— сказала миссис Джонсон.— Вы же знаете, у меня нет средств.

Мистер Койн пыхнул сигаретой и ответил:

— Когда речь идет о последней услуге любимому, никогда не следует думать о стоимости ее. Не так ли, милый друг? Как вам нравится вот этот гроб? Он с пружинным матрацем, обит изнутри натуральным шелком, металли-

ческие части в нем из нержавеющей стали, у изголовья радиоприемник. Как видите: гроб сделан из сандалового дерева, оборудован установкой для кондиционирования воздуха. Акустика изумительная. Цена — какая-нибудь тысяча долларов.

— Тысяча долларов! — воскликнула миссис Джонсон в ужасе. — Ведь это же мой годовой заработок!

— Перестаньте наконец думать о стоимости, когда вопрос идет о погребении тела дорогого существа.

В промежутке мистер Койн забежал в боковую комнату переключить музыку. Немного погодя из громкоговорителя полились звуки печальной мелодии «Смерть не разлучит нас, дорогая» знаменитого композитора Роберта Хавена, автора рекламных песен, премированных на конкурсе похоронных бюро Америки два года назад. Мелодия возымела действие. Миссис Джонсон приобрела для покойного супруга дубовый гроб стоимостью в 800 долларов с пружинным матрацем, отделанный изнутри искусственным шелком. И даже крест на крышке гроба был выложен из серебряных долларовых монет. Сделку спрыснули стаканчиком виски, от которого миссис Джонсон уже не отказалась. Между тем гроб являлся лишь первой частью похоронного ритуала...

Миссис Джонсон была убеждена, что видит кошмарный сон. Она воздела обе руки кверху и напоследок согласилась с условиями. С мрачным лицом она поднялась и устало проговорила:

— Делайте что хотите, но похороны не должны стоить слишком дорого. Мои доходы невелики, а имущества у меня очень мало.

— Милый друг, вы опять о деньгах, — с отеческим упреком заметил подрядчик. — Зблизки смерти следует забывать всякую мирскую суету. Когда вы однажды повстречаетесь с мужем на небесах...

— Не желаю я встречаться с ним никогда, — закричала женщина и, горько рыдая, вышла из коридора.

На следующий день в газетах было огромное объявление, приглашавшее всех родных, друзей, знакомых и соседей Нормана Джонсона в бюро фирмы «Вильям Койн и сыновья» для прощания с покойным, где у него были свои приемные часы два дня подряд с восьми до двадцати часов... Под звуки органа в приемную первыми вошла вдова

Нормана Джонсона и те четыре картежника, что присутствовали при его смерти.

— Черт подери, до чего же здорово ему заштопали лоб, — заметил Револьвер Том.

Могила стояла безусловно дорого, потому что была расположена на южном склоне, откуда открывался замечательный вид на близлежащее шоссе. Мистер Койн при вручении вдове счета придерживался мнения: за пейзаж всегда стоит заплатить, и окончательная сумма выразилась в 2200 долларов.

Мистер Койн был отзывчивым человеком, и, когда миссис Джонсон оказалась не в состоянии уплатить ему наличными, похоронный подрядчик предоставил ей полугодовую шестипроцентную рассрочку. Вдова пожаловалась на спекуляцию смертью, но мистер Койн со знанием дела поучал ее, что американцы ежегодно расходуют на похороны больше денег, чем на лечение в больницах, и что в стране высокого уровня жизни похоронные издержки всегда составляют наибольшую расходную статью семьи.

Миссис Джонсон пришлось расстаться с большей частью своего имущества, так как она родила всех своих детей в кредит, а за двоих последних все еще платила ежемесячно по двадцать долларов в больницу. В кредит она починила и свои зубы, оперировала аппендикс и задолжала, таким образом, еще дантисту и хирургу, а тут — похоронный счет!

Миссис Джонсон была героиней. С пяти утра она разносила газеты, а затем шла убирать уборные автобусной станции. Ей приходилось содержать своих детей в детском доме и платить за умершего мужа. Если она порой и жаловалась своим знакомым на тяготы жизни и дороговизну смерти, то последние раздраженно отвечали:

— Милейшая миссис Джонсон! Как это у вас поворачивается язык? Говорить это — не по-американски. Неужели вам невдомек, что вы живете в стране, где самый высокий в мире уровень жизни?

— Люблю эту страну, — с грустью отвечала миссис Джонсон. — Грустно только, что здесь же приходится рождаться, болеть и умирать.

Реалистический театр

Как-то я возвращался самолетом из Стокгольма в Хельсинки. Я уже застегивал привязные ремни, когда рядом со мной уселся запыхавшийся мужчина, который ворвался в самолет в самый последний момент. Он был неопределенного возраста, среднего роста и хорошо одет. Его серое лицо напоминало высушенную треску, а напomaженные волосы — черную, лакированную жесть. В ответ на многочисленные просьбы бортпроводницы застегнуть пояс, он лишь пожал своими костлявыми плечами и по-английски с явным заокеанским акцентом — заявил:

— Никогда не застегивал, не буду застегивать и сейчас. Хочу всегда чувствовать себя свободным человеком.

Затем он повернулся ко мне и пожелал узнать мою фамилию, профессию, возраст, семейное положение, домашний адрес, размер обуви, состояние здоровья и сколько я зарабатываю. Я сообщил ему свою фамилию, профессию и номер обуви, но ничего более. Он скорчил недовольную мину и заявил, что презирает людей, которые умышленно утаивают подробности о себе. Сам он, например, не имеет от меня никаких секретов.

— Вы из Хельсинки? — спросил он у меня.

— Более того — коренной житель.

— Отлично. Стало бы, вы можете проинформировать меня немножко о столице вашей страны, в которой я никогда ранее не бывал. В Хельсинки есть театры?

— Да, более десяти.

— А опера?

— Есть и опера.

— Хорошо. Но надо полагать, что в Хельсинки есть и тюрьмы?

— Да, к сожалению, две. Тюрьма предварительного заключения и тюрьма, где отбывают наказание.

— А чего сожалеть-то. Я, наоборот, радуюсь, что в Хельсинки есть и театры и тюрьмы. Это означает, что Финляндия не является слаборазвитой страной. Хоть вы и не очень красноречивы, тем не менее не могли бы вы кратко ответить мне на несколько вопросов?

— По-моему, я уже сообщил вам номер своих ботинок.

— Верно, и фамилию, и профессию тоже. Фамилия ваша мне ничего не говорит, а по профессии я могу догадаться, сколько вы зарабатываете в месяц. Ваш заработок настолько мал, что вызывает жалость. Мужчина, существующий на столь мизерные средства, не может иметь семьи, не говоря уже о собственной квартире. Как, правильный я сделал вывод?

— Судите сами. Вы, по-видимому, ясновидящий?

— Берите выше, намного выше. Вижу, я отчетливо и, кроме того, далеко, куда дальше, чем многие мои подчиненные. Вижу я и вас насквозь. Вы опарашены, но вы не человеконенавистник. Вы готовы оказать помощь ближнему своему. Поэтому я прошу вашей помощи.

— Если вы думаете, что сможете одолжить у меня денег, то ошибаетесь, — решительно ответил я. — Если же вам нужен парашют, то обратитесь к штурману или борпроводнице.

— Да, вы просто на редкость красноречивы, — воскликнул будущий гость Хельсинки, фамильярно хлопнув меня по плечу. — Вы романтик или реалист?

— Во сне романтик, наяву реалист.

— Очень хорошо! Только вам не следует никогда спать. А поскольку вы считаете себя реалистом, вы должны понять меня — настоящего реалиста. С надеждой на это я и прошу вашей помощи.

— Я уже сказал, что не дам ни копейки.

— Речь пойдет не о деньгах. Мне нужна помощь другого рода. Вот вам блокнот и карандаш. Пишите адреса всех хельсинкских театров и тюрем. Учтите, может случиться так, что я пробуду в Хельсинки всего два дня.

Я выполнил просьбу своего попутчика и записал в его блокнот адреса одиннадцати театров, двух тюрем и на всякий случай двух психиатрических лечебниц. Вернув ему блокнот, я полюбопытствовал, чем он вообще-то занимается. Тут он поведал мне следующую историю:

— Я поборник нового реалистического театра. Путешествую по свету, выступаю с докладами, учу. Моя страна финансирует эти поездки в благодарность за честь и славу, которую я приношу ей на протяжении многих лет. Мое представление о театре исходит из того, что реалистическая пьеса должна быть по-настоящему реалистичной. Если драматург в своем произведении рисует проститутку, то женщина, играющая эту роль, должна быть настоящей проституткой. Я бы разрешил эту проблему просто: при домах терпимости должны быть созданы театральные училища.

Театральные школы должны быть созданы и при тюрьмах. Ведь вы знаете, что, например, в шекспировских драмах злодеи и герои умирают, пронзенные мечом или заколотые кинжалом. Смешно, когда эти актеры, погибшие в ходе драмы, возвращаются после спектакля на сцену, чтобы принять цветы и овалы публики. Этакое шутовство уже не реалистический театр, потому что оно лишает зрителя его иллюзий. Зритель требует, чтобы зрелище полностью возмещало ему стоимость билета, а посему трупы убитых во время спектакля должны быть по окончании представления свалены в кучу на авансцене. Трагедии в наши дни исключительно популярны, и недостатка в актерах нет. В камерах смертников наших тюрем не переводятся люди, которые боятся электрического стула, газовых камер и виселицы. Но если им дать роль в пьесе, они с честью сложат голову на сцене, веря в то, что они поистине корифеи мировой истории. Когда смертные приговоры будут приводиться в исполнение таким образом, они будут окружены ореолом, а зритель убежден в том, что видит современный реализм.

Театральные училища при тюрьмах будут величайшим достижением артистической деятельности нашего века. При училищах должны существовать также классы киноискусства, готовящие смертников — индейцев и негров, — для нужд нашей кинопромышленности. От них требуется сыграть всего одну роль, так как в фильме, который является по-настоящему реалистичным, стреляют не деревян-

ными пулями, а чистым свинцом. Да и нет нужды играть убитого в этих фильмах, потому что убивают по-настоящему. И раз и навсегда.

Реалистический театр обладает и большим моральным воздействием. Зритель должен постепенно научиться понимать, какая честь — умереть от удара сабли или от пули. Тем самым реалистический театр воспитывает в гражданах здоровую волю к обороне страны и презрение к смерти. Грудь театрального героя, умирающего от раны, нанесенной кинжалом, уже не понадобится пачкать красным вином или малиновым вареньем, это сделает его собственная кровь. Итак, зачем приводить в исполнение приговоры смертникам, когда они бесконечно нужны нам для театральных драм? Таким образом, следует срочно создавать театральные училища при тюрьмах всего мира для заключенных, приговоренных к смертной казни. Если возникнет перепроизводство актеров, то проблему можно будет разрешить, организовав где-нибудь в отдаленной стране войну и направив приговоренных к смерти на передовую. Тогда они сложат головы не как преступники, а как великие герои своей отчизны...

— Погасите сигареты и застегните привязные ремни! — прозвучал голос бортпроводницы.

Мой собеседник опять не согласился застегнуть пояс, твердя, что он свободный человек. Самолет приземлился, и он первым выбрался из машины. Он горел желанием познакомиться с театрами и тюрьмами. И хотя этот человек несколько раз подчеркивал, что у него нет от меня секретов, он тем не менее скрыл свою фамилию, гражданство и адрес. Со времени нашей встречи прошла уже неделя, но я ничего не видел и не слышал о его пребывании в Финляндии. Ни на полосах газет, ни в передачах радиовещания. И я начинаю опасаться, не выбрал ли он в блокноте первым тот адрес, по которому расположена известная больница для психопатов. Я, видите ли, тоже реалист.

Жестокое наказание

Техас, как утверждается в одном путеводителе, — часть света, где царит беспрецедентная свобода. Каждый, кто здесь жаждет ею наслаждаться, должен лишь обзавестись револьвером. И чем раньше, тем лучше.

Джим же был исключением, поскольку ему пришлось раньше научиться ходить, чем стрелять. Другими словами, детство у него было безотрадное. Будучи обреченным играть луком и стрелами, в то время как его сверстники давным-давно имели красиво поблескивающее огнестрельное оружие, он уже начал почти всерьез страдать от комплекса неполноценности. К счастью, в самый последний момент отец помог Джиму избежать дома для душевнобольных детей, подарив сыну ко дню его семилетия револьвер.

После этого мальчик стал развиваться нормально и мог теперь спокойно каждое воскресенье ходить в церковь, хотя он вряд ли бы отдал предпочтение аромату ладана перед запахом пороховой гари. В восемь лет Джим уже проявил первые признаки зрелости: застрелил соседскую собаку, выбил стекла передних фар у полицейской машины, продырявил кошку местного шерифа и перебил все поголовье индюшек у одного фермера.

— Из тебя выйдет толк, — с гордостью сказал отец сыну.

Но однажды малыш допустил серьезную ошибку.

— Джим, я сбегаю в кабачок повидаться с друзьями, — сказал как-то отец. — Одолжи мне на время свою игрушку — моя в ремонте.

— У меня нет больше револьвера, — робко ответил мальчик.

— То есть как это нет? Ты, что потерял своего лучшего друга?

— Нет... Я променял его на карманные часы...

Мальчик вынул из кармана часы и протянул их отцу. Тот брезгливо взглянул на них и таким же брезгливым взглядом окинул своего любимого сына.

— Так говоришь, променял свой пистолет на карманные ходики? Ну что же, если теперь кто-нибудь из приятелей смажет тебе по физиономии, сможешь хоть точно установить по ним, когда это произойдет...

Сказав это, родитель с насупленным видом отправился в бар.

Недели две спустя Джим смог убедиться в правоте упреков своего отца: По дороге в школу он попал в драку, и его изрядно поколотили. Ко всему прочему, какой-то мальчуган постарше прострелил ему кепку в двух местах. Джима опять стало терзать сознание своей неполноценности, и это болезненное чувство не проходило до тех пор, пока отец не купил ему новый револьвер.

Джим продолжал регулярно посещать церковь. Осеня себя крестным знаменем одной рукой, другой он ощупывал в кармане холодный металл. А разносившись под сводами храма слова пасторской проповеди прямо-таки врезались в детскую память: «С божьей помощью и силой оружия мы завоюем весь мир».

Однажды Джим явился в церковь в необычное для него время. Блюстителем душ человеческих сразу смекнул, что с мальчиком что-то неладно. Оказалось, что тот пришел на исповедь. Заглянув ему в лицо, пастор елейным голосом произнес:

— Ты поступил правильно, дитя мое, решив исповедаться. Но как ты, наверное, знаешь, за это тоже платят деньги. Они у тебя с собой?

— Да, у меня есть доллар...

Мальчонка вытащил из кармана долларовую ассигнацию и протянул ее пастору. Купюра была новенькая, словно только что вышедшая из-под печатного пресса. К Джиму она попала из маминой сумки.

— Ну, Джим, теперь можешь покаяться — сказал пастор, сунув деньги в бумажник. — Что у тебя на душе?

— Я так грешен...

— Ну, рассказывай, что ты там натворил?

— На прошлой неделе я пустил пулю в окно шерифа... Позавчера уложил кобылу и жеребенка у фермера Эванса... Потом прошил задние покрышки в машине нашего учителя...

Пастор сделал нетерпеливый жест рукой и обратился к мальчику со следующими серьезными словами:

— Кончишь ты, наконец, этот свой никчемный перечень? Переходи к главному. Ну-ка, выкладывай свои основные грешки.

Джим сник, и на глазах у него проступили слезы:

— Я вот уже скоро полгода, как в школу не хожу...

— А родители знают об этом?

— Нет, не знают. Еще только вчера папа грозился пристрелить этого учителя за то, что я до сих пор не научился читать и писать.

— Самоуправство нужно предупредить! — вскричал пастор. — Твой отец — порядочный человек. Он дважды в год жертвует по пятерке в благотворительный фонд нашего храма. И я не хочу, чтобы у него были какие-то неприятности из-за твоего учителя. Это все я улажу сам. Еще будешь в чем-нибудь каяться?

— Нет...

— Ну, тогда отправляйся домой и принимайся за уроки. Я сегодня же поговорю с твоим учителем.

Джим решил переменить свой образ жизни. На следующее утро он явился в школу. Писать объяснение по поводу отсутствия на занятиях его никто не заставлял. Пастор позаботился о всех этих мелочах.

На первом же уроке Джим углубился в свои занятия. Он принялся чистить оружие.

— Джим! Спрячь револьвер в парту! — строго прикрикнул на него учитель.

Джим сделал вид, что не слышит. Учитель повторил еще более суровым тоном:

— Если ты немедленно не спрячешь эту игрушку, я сообщу твоему отцу. А заодно скажу ему, что тебя полгода не было в школе.

Эти слова учителя привели Джима в такое негодование, что он выстрелил в учителя. Пуля оцарапала учителю ухо.

— Ах ты, негодяй этакий! — в бешенстве заорал он.— Сию же минуту поди сюда и встань перед классом. В наказание напишешь десять раз на доске: «Я никудышный стрелок».

Более жестокое наказание для Джима вряд ли можно было придумать. Ведь он еще не умел писать.

Собачья жизнь

Если человека обозвать собакой, то он рассердится, несколько не считаясь с мнениями и чувствами собаки. И тем не менее мы должны радоваться, если кто-нибудь назовет нас собакой, особенно комнатной, служащей в наше время олицетворением благополучия. Другое дело — бродячие собаки, точно так же, как и бездомные люди, которых равняют с бродячими собаками.

Служебные собаки бескорыстно служат человеку: стерегут стада, таскают ноши и помогают полиции вылавливать воров. Впрочем, и среди служебных собак попадаются отдельные экземпляры, заимствовавшие у человека людские повадки — прежде всего гениальную систему подкупа и манеру лаять в самых неподходящих местах.

И несмотря на то, что собака не столь податлива коррупции, как человек, она порой может быть всецело на нас похожей. В Германии, точнее говоря в Брауншвейге, только что произошел случай, когда полиция преследовала вора, стянувшего с витрины магазина колбасу. Собака настигла вора, но, будучи слаба на подкуп, оставила его в покое за кусок колбасы. Когда полицейский догнал собаку, она с аппетитом уплетала колбасу, а вор преспокойно продолжал убежать. Собака, говорят, получила отличное воспитание. Она умела ходить в ногу с полицейским, стоять смирно и мыслить, как человек.

Полиция и охотники продолжают испытывать нужду в ищейках. Им и поныне обязана римско-католическая церковь. «Domini canes», или «Псы господни», относятся к разряду монашеской братии, которую Доминик де Гусман основал в 1215 году. На гербе «Псов господних» изображена собака с факелом в зубах. В 1232 году в руки этих двуногих псов была вверена инквизиция. Эти монашеские ищейки, облаченные в белые рясы и черные капюшоны, были завезены и в Финляндию, где для них заготовили собачьи конуры. Итак, начало церковному собаководству было положено в этом отдаленном северном уголке несколько столетий назад. Словом, нет ничего необычного в том, что многие люди и поныне злятся у нас, когда их называют собаками.

Жаль, что нет в живых Диогена, а то он мог бы увидеть, как теперь современный мир обходится со своими учеными собаками. Когда ученик Сократа — Антисфен основал свою философскую школу, члены которой собирались на афинской площади Киносарг, консерваторы того времени стали называть эту школу собачьей конурой, а учеников — киниками, или циниками (собачниками). Циники почитают за честь для себя жить как можно проще, не считаясь несколько с требованиями мещанской морали. Диоген возразил как-то своим обидчикам:

— Чем больше я смотрю на людей, вам подобных, тем горячее люблю собак.

Диоген не мог тогда предвидеть, что в наши дни масса людей будет завидовать псам богачей. Просто непостижимо, что сумма человеческих страданий увеличивается пропорционально росту благополучия. Это не какой-нибудь парадокс, а факт, который я способен доказать. В то же время, когда во многих уголках земли льется кровь, половина человечества голодает, некоторые борники свободы и человеколюбия посвящают свою жизнь собакам. Такой цинизм, пожалуй, был невдомек и греку Диогену. Но перейдем к злободневному тексту дня!

В Мэдисон Сквэр Гарден в Нью-Йорке состоялась крупнейшая выставка мод. Манекены исчислялись тысячами, и весеннее увеселительное мероприятие вызвало огромный интерес. Каждому хотелось взглянуть, какой же будет весенняя великосветская мода.

К модным нарядам в данный момент относится розовая ночная сорочка с постелью и одеялом такого же цве-

та. Пальто цвета бостон или фиолетовое стоимостью от 25 до 100 долларов — в зависимости от размера. Чулки светлые, капроновые или из естественного шелка.

Во избежание недоразумений мне, вероятно, следует сказать, что речь идет о выставке мод для собак нью-йоркской знати. Магазины собачьего платья наряду с готовой одеждой демонстрировали также тапочки для собак стоимостью 20 долларов за две пары, ибо у псов пока еще по четыре лапы. Собачьи поводки и ошейники на этой выставке были отделаны позолотой и бриллиантами.

В США работают триста пищевых предприятий, производящих собачий корм, который продается в закупочных банках. Однако такая стандартная пища не котируется у подлинной собачьей аристократии. Впрочем, и этот недостаток был устранен, когда некая авторитетная фирма объявила на выставке, что ею начато производство собачьего корма под названием «кадиллак» для тех собак, которые разъезжают на «кадиллаках». В рекламном плакате фабрики ставили в известность, что собачья еда изготовлена из лучшего филе, телячьей печени и яиц и что в ней не употреблялись кости или мясные остатки.

Я несколько не сомневаюсь, что фабрики не использовали какие-либо остатки или низкопробное сырье, ибо они необходимы для консервных заводов, производящих пищу для людей. Итак, цинизм одержал верх над человеколюбием. Поэтому нет более лестной клички человеку, чем — собака.

Тот, кто считает меня собаконенавистником, глубоко заблуждается. Я — большой друг собак, но не собачий шут. Особенно я люблю бродячих собак, не имеющих одежды. Собаки потеют и без штанов и рубахи. Но как знать, быть может, мораль определенных людей настолько строга, что они натягивают штаны и на собак?

В сообщении из Нью-Йорка рассказывают, что преобладающая часть владельцев комнатных собак — обладательницы крупных состояний и крайне редких друзей. Так вот и моя соседка, барышня в чудесном среднем возрасте, Улпукка как-то в один прекрасный день стала присматривать себе верного друга — собаку. Выбор был большой.

У барышни Улпукки были свои определенные требования: друг жизни должен был быть кротким, чистошерстным, отпрыском порядочной семьи, умным, послушным

и такого размера, чтобы, взяв его на руки, можно было помечтать. Такое существо нашлось. Звали его Бен фон Гравенштейн, и у него была аристократическая родословная, в которой заверяли, что в роду Бена никогда не было помеси и что даже блохи, обитающие в его шерсти, занесены в племенную книгу.

Барышня Улпукка любила своего Бена и понимала его слабости. Бен в первый же день проявил свои раздражительные замашки. Отпрыск знатного и несколько дегенерирующего рода, он измывался над любой формальностью, точь-в-точь как великий Гаргантюа, которого ограниченная схоластика средневековья наталкивала на небольшие безумства. Бен, подобно Гаргантюа, следовал заповеди циников: естественные вещи не постыдны! У Бена была особенно непреодолимая страсть поливать все вокруг себя. С очаровательным блеском в своих карих глазах он поливал ночные туфли, подушки, пуфы, ковры, боты, пороги, низ дивана и ветхую иллюстрированную библию, лежавшую на нижнем ряду книжной полки его деликатной подруги жизни.

С течением времени Бен фон Гравенштейн стал обладателем своего собственного фонарного столба, подле которого он задерживался раза два в день. Три года он пользовался этой привилегией залогоплательщика, а затем отцы города в сто первый раз изменили планировку Хельсинки: столб был убран, а на его месте поставили киоск, где продавались сосиски. Бен был подавлен. Задержанная условная реакция в такой мере сказалась на его благополучии, что барышня Улпукка встревожилась не на шутку: как бы дорогой друг жизни не впал в болезненную депрессию. Барышня Улпукка обратилась к муниципальному совету города Хельсинки с просьбой приобрести ненужный фонарный столб. Просьба ее была удовлетворена с условием, что она не водрузит его перед зданием парламента или возле памятника маршалу Маннергейму, а где-нибудь в парке и лучше всего — поближе к детским песочным ящикам, где и другие четвероногие города отдавали дань природе.

Вчера, когда я рассказывал барышне Улпукке о том, что в Нью-Йорке в марте состоялась гигантская выставка платяя благородных комнатных собак, она крайне заинтересовалась:

— Такую выставку следовало бы устроить и нам в

Хельсинки. Просто позор, что в Финляндии не следят за развитием моды большого света...

Около нас появилась маленькая девчурка, которая стала гладить взъерошенную голову Бена фон Гравенштейна. Но барышня Улпукка отстранила ее, раздраженно воскликнув:

— Не тронь ее грязными руками! Тебя не воспитывали, что ли?

Затем барышня Улпукка снова повернулась ко мне и продолжала:

— Не находите ли вы, что родителям следует лучше воспитывать своих детей?

Голоса петухов

Туристы, а отнюдь не природа, создали климат Флориды. Когда в северных штатах наступали заморозки, под солнцем Флориды появлялись первые туристы. Были среди них и такие, кто нахватал больше, чем был способен промотать, однако преобладающую часть составлял честный народ, оплачивавший свою поездку и двухмесячное пребывание в каком-нибудь туристическом отеле в кредит. Жизнь без забот требует, чтобы у человека было долгов больше, чем денег. Сладкая иллюзия всегда больше по душе, чем горькая действительность.

Профессор Сэм Харрисон прибыл во Флориду не спастись от зимы, а руководить кафедрой. Будучи естествоведом, он крайне редко уделял внимание переменам погоды и людям. Следовательно, туристы не нарушали его душевного покоя, хотя и вызывали некоторые нарушения в гармонии самой природы: вспугивали птиц и бабочек — обитателей чащ и зарослей, превращали заповедники в закусочные под открытым небом. Скамейки в парках становились кафедрами любви, а песчаные отмели — шумными базарами.

Сэм Харрисон был плутишкой среднего возраста, который верил в человечность, но, однако, больше доверял животным. Редкая шевелюра обрамляла его лысый череп, подобно венку, сплетенному из конского волоса; глаза его были маленькими и живыми, рот широким и скептическим.

ским, в верхней челюсти торчали вставные зубы. Современная типология, несомненно, отнесла бы его к лептосомам или астеникам. Все в нем чудилось вытянутым, туловище и ноги были тощими, плечи покатыми, руки тонкими и костлявыми, грудная клетка продолговатой и плоской. Он был несколько робким, временами нервозно-взвинченным, большим любителем природы и книг.

Столь тщательные приметы могут показаться читателю лишними. Однако перечень их необходим, так как если вам когда-нибудь доведется застать его в вашем саду, ловащим полевых мышей, или в зоопарке, беседующим с животными, то, ради бога, не зовите полицию или врачей. Сэм Харрисон абсолютно безвреден. Он не страдает ни шизофренией, ни kleптоманией, не склонен к насилию и не пристаёт к замужним женщинам. Если он окажется чуть хромым, то это объясняется чересчур тесной обувью, если же он будет нервно подергивать ресницами, то это лишь признак застенчивости. Если он попросит вас подать ему несколько монет на еду, не отказывайте, ибо значит, он действительно голоден, а если скажет, что погода прекрасная, то поддакните ему, даже если идет дождь, ибо уже одно ваше согласие отвлечет его от противоречий внешнего мира.

Итак, Сэм Харрисон прибыл во Флориду не для развлечения, а ради честного труда. Его избрали профессором университета Плантана, существовавшего на пожертвования и на доходы с благотворительных базаров. Его специальностью была речь животных, и особенно фонетика птиц, о которой он написал немало научных трудов. Будучи единственным соискателем, он был принят, но, прежде чем верить ему благородную миссию преподавателя, ректор университета Микс пожелал побеседовать с ним наедине.

— Мистер Харрисон, как прикажете величать вас — профессором или доктором? — поинтересовался ректор, который был обязан своим постом тому, что его отцу принадлежало несколько нефтяных источников в Техасе.

Сэм Харрисон взглянул в глаза своему молодому начальнику и сухо ответил:

— Называйте как угодно. Жена, бросившая меня с полгода тому назад, обычно звала меня «идиотиком».

— Но я еще не знаком с вами настолько близко, — откровенно и, как обычно, невпопад ответил ректор.

— Называйте пока хоть доктором,— усмехнулся Сэм Харрисон, углубившись в слушание птичьих голосов, доносившихся из открытого окна.

— Гуси! — воскликнул он вдруг.

— Ошибаетесь,— возразил ректор.— Это наш попугай. Он пытается подражать пению моей жены.

— Прошу прощения,— смущенно пробормотал Сэм Харрисон.— Ваш попугай заинтриговал меня. У него своеобразный голос. Как вы, наверное, заметили, я мгновенно определяю разницу между музыкальной и логически-грамматической структурами языка. Язык вашего попугая — выразитель душевных переживаний. Уже в этом отношении обе функции языка проявляются по-разному...

Ректор Микс шагнул к окну, так как снаружи вновь послышалось пение. Внезапно захлопнув его, он сказал:

— Я в свою очередь прошу извинить меня. Я ошибся... Это пела моя жена...

Чтобы выйти из неловкого положения, он предложил естествоведу сигарету и переменял тему разговора.

— Вы сказали недавно, что жена бросила вас. Значит, вы разведены?

— Да, разведен.

— Каким по счету был этот ваш брак?

— Первым.

Ректор сделал пометку в своей черной записной книжке и продолжал:

— Стало быть, первым. Что послужило причиной развода: измена, душевная черствость, взаимные претензии или любовь к разнообразию?

Сэм Харрисон был поражен и ничего не ответил. Ректор продолжал:

— Мои вопросы могут показаться странными, но по уставу нашего университета я обязан составить доскональную картотеку о прошлом преподавателей. Итак, говорите прямо, что было причиной вашего развода?

— Это долгая история,— ответил упавшим голосом профессор. Он углубился в свои невеселые воспоминания и, не торопясь, рассказал следующую историю, которая обыденна до слез:

— Три года назад я ведал кафедрой речи животных и анимальной фонетики во всемирно известном частном университете Кингстаун, на учебу в котором принимали только тех студентов, кто не был годен на что-либо иное.

Будучи холостяком, я проводил свой досуг за штопкой носков, стиркой белья и приготовлением пищи, пока не смекнул, что нет смысла утруждать себя тем, что можно вывезти на другом. Так я нанял домработницу, молодую, здоровую деревенскую девушку Розу Питт, зубы и прошлое которой были безукоризненны. Она успела прослужить у меня полгода, пока ее не приметил один мой коллега, который начал восхищаться ее редкой красотой, в полной мере возмещавшей ее неграмотность. Во мне проснулись инстинкты собственника. Я научил Розу читать, писать и кормить рыбок в аквариуме. Года два назад на пляже нашего города был проведен конкурс красавиц, на котором Роза взяла первый приз. В тот же день нас повенчали, а спустя неделю Роза — Петронелла Гаффар (это был ее псевдоним) отправилась в Нью-Йорк совершенствовать свою красоту в самом знаменитом институте красоты. Потребовалось три месяца, чтобы сделать из нее совершенство, чьи формы удовлетворяли самым изысканным требованиям. Началось ее триумфальное шествие по жизни. Она выходила победительницей многих национальных и международных конкурсов красоты, с ее прекрасного бюста были сняты гипсовые слепки, и один корабль, груженный ими, был отправлен в Европу, а второй — в слаборазвитые страны Африки. Ее фотографии продавались в аптекарских магазинах, в пассажирских самолетах, на благотворительных церковных базарах. Ежедневно она получала пять тысяч писем от своих поклонников и две тысячи от завистников. Кинокомпании жали на нее, как сапог на большую мозоль, а парфюмерные фабрики наполнили все мои аквариумы духами. Но затем начались неудачи. В один прекрасный день некий специалист по красоте заявил, что Роза — Петронелла чересчур полна. В Голливуде пошла мода на худеньких женщин, и женская грудь была заново нормирована. Мы спешным порядком уехали в Калифорнию купаться, и там-то нас постигло несчастье: Роза — Петронелла забыла надеть пляжные туфли, и дамы и мужчины высшего света могли наблюдать ее обнаженные ступни. И — о боже! — на левой ноге Розы — Петронеллы с рождения не хватало одного пальца: их было всего четыре. Правда, на другой ноге их было общепринятое количество, но каждый из них украшала бесформенная мозоль — детище чересчур тесной обуви.

Сэм Харрисон вытер со лба пот и со слезами на глазах продолжал:

— Мистер Микс, вы, несомненно, знаете людей столь же хорошо, как я животных, и вам ведомо, сколь велика власть зависти. Миллионы женщин питали зависть к Розе — Петронелле и, подметив ее недостаток, сделали из него сенсацию. Вся мировая печать оповестила о нехватке пальца на ноге моей жены. Некоторые газеты Чикаго и Нью-Йорка обвинили жену и меня в гадком подлоге, поколебавшем веру человечества в прекрасное. Меня, как гражданина, не заслуживающего доверия, лишили должности профессора, мною занялась комиссия по расследованию антиамериканской деятельности. Наконец, жена потребовала развода, получив его крайне легко, ибо присяжные заседатели единодушно констатировали, что виновным являюсь я...

— Вы? — недоумевал ректор Микс.

— Вот именно. Меня обвинили в грубом пренебрежении к жене. Суд придерживался того мнения, что мне следовало иногда заглядывать жене не только в глаза, особенно когда она, как рассказывали, ложилась каждый день в постель без чулок. Такое пренебрежение могло быть приравнено к душевной жесткости, ранящей даже холодных женщин...

Профессор Харрисон закончил свое невеселое повествование и ждал приговора. Ректор выводил закорючки в черной записной книжке, бормоча про себя: «Всегда смотрел жене в глаза и не видел недостающего пальца...».

— За вами не числится никаких других преступлений или противозаконных действий? — спросил он у профессора анимальной фонетики.

— Нет.

— Почему же вас допрашивало ФБР?

— Меня заподозрили в том, что я агент какой-то иностранной державы, потому что я часто повязываю красный галстук и ношу с собой магнитофон, когда удаляюсь на лоно природы слушать голоса животных.

После непродолжительного раздумья ректор университета разрешил профессору Харрисону приступить к чтению своих лекций. Он сообщил, что профессору отводится квартира и вменяется в обязанность соблюдение некоторых правил приличия: запрещается обольщение замуж-

них женщин и общение на пляже без купальника с незамужними.

Преподавателей лишали также права будить студентов, засыпающих на лекциях, если только храп их не мешал занятиям. Учащимся предоставлялось право курить в лектории.

— Необходимо особенно тщательно следить за моралью, — закончил ректор. — Сейчас мораль в моде.

— В часы досуга я занимаюсь только животными, — откровенно признался Сэм Харрисон.

— Неплохо, но и в этом надо знать меру.

Итак, профессор Сэм Харрисон приступил к созданию новой главы в истории университета Плантана. На его лекции записалось двадцать молодых студентов, которых в жизни влекло к себе все животное. Звуки, издаваемые животными, служили: средством устрашения в борьбе, воплем о помощи в беде, средством завлечения в любовной интрижке. Уже после первой лекции юноши и девушки стали подражать звукам, издаваемым животными: влюбленные мяукали или ржали, скучающие блеяли или мычали, а пьяные кукарекали или куковали.

Научной отрасли, представляемой Харрисоном, придавали крайне важное значение, и результаты его исследований распространялись по всему миру. Но в то же время за ним тайно наблюдали, ибо он продолжал носить красный галстук и всегда имел при себе портативный магнитофон. В один прекрасный февральский день он направил свои стопы в безлюдную чащу, чтобы записать пение птиц. Он присел на кочке, жуя яблоко и прислушиваясь, как вдруг его окружили ректор университета и четверо полицейских в штатском, тайно наблюдавшие за его прогулкой.

— Теперь-то мы застали вас на месте преступления, господин профессор, — скрежеща зубами, сказал один из полисменов, показывая свой полицейский значок. — Так вот, оказывается, какие у вас интересы... А ведь вы призваны воспитывать молодежь.

— О чем вы? — спросил Сэм Харрисон. — Я никому не причинил зла.

— Чего же вам тогда здесь надо? Вы что, читать не умеете, что ли?

Полицейский показал на большой рекламный плакат, на котором огромными буквами, размером с фут, было

написано: «Лагерь nudистов. Только для супружеских пар. Посторонним вход строго воспрещен».

Итак, профессор Сэм Харрисон был вновь уволен с занимаемого им поста, а в его квартиру для проведения обыска была приглашена полиция.

— Что у вас в этой кассете? — спросил молодой сыщик, роясь в гардеробе профессора.

— Запись пения разноязычных петухов, — искренне признался Харрисон, так как он вообще не привык скрывать что-либо.

— Не издевайся, — вспыхнул полицейский, — а не то я сверну тебе нос на сторону. Говори без утайки, что в этой кассете.

— Пение петухов, — повторил невозмутимо ученый. — Если вас интересует опыт моих исследований, то я готов продемонстрировать вам запись.

Он вынул из кассеты ленту с записью, вставил ее в магнитофон и продолжил:

— Как я уже говорил, я изучаю речь животных. Я собирался через пару месяцев опубликовать большой труд, в котором, в частности, имеется неплохое собрание голосов и фонетических схем разноязычных петухов. Вот как поет американский петух: коок-а даадл-кок. А в других странах так:

Во Франции — кок-эрико.

В Финляндии — кукко киекуу.

В Японии — Ку-ка-хо-ка-ку-ка-хоо.

В Греции — кокорико.

В Дании — кюккеликику.

В Германии — киккеряки.

— Кончите ли вы, черт побери, это кукареканье! — вскричал теперь в свою очередь второй полицейский.

Однако другой полицейский, все время не спускавший глаз с лица профессора, неожиданно спросил:

— А запись пения русского петуха у вас имеется?

— Конечно, — с энтузиазмом откликнулся Сэм Харрисон. — Вот так поет русский: ку-ка-ре-ку.

— Все ясно, — сказал полицейский. — Одевайтесь и следуйте за нами. Вы арестованы.

Допрос профессора Сэма Харрисона продолжался три дня. Из протокола допроса явствовало, что отец и мать Сэма Харрисона, а также их отцы и матери родились в Америке. Однако родители Харрисона, Натал Харрисон и

его жена Ребекка Харрисон, летом 1911 года в течение трех месяцев гостили в Финляндии. Здесь у брачной четы родился сын, названный Самуэлем Дональдом, или коротко Сэмом. Таким образом, профессор Сэм Харрисон не был урожденным американцем, и, стало быть, его можно было выслать из страны на следующих основаниях:

а) он вместе со своей женой Розой — Петронеллой, с которой он в данное время разведен, участвовал в мошенничестве грандиозных масштабов, известном всему миру под названием «Операции нехватки пальца»;

б) будучи профессором зоологии, а также анимальной филологии и фонетики университета Плантана, он прививал молодым, невинным студентам животные нормы поведения, и теперь десятки молодых людей ведут себя антиамерикански;

в) он проник в частный лагерь нудистов для того, чтобы из-за кустов подсматривать за нагими женщинами и мужчинами и при подходящей возможности фотографировать их;

г) собирая пение петухов, он занимался шпионажем в пользу какого-то или каких-то чужих государств; крайне отягчающим обстоятельством следует считать то, что он не сумел объяснить, откуда им получен голос русского петуха.

Сэм Харрисон был поражен, услышав, что его высылают в Финляндию только из-за того, что он родился в Финляндии и прибыл оттуда с родителями в США в трехнедельном возрасте.

— Я протестую! — вскричал он.

Пустые хлопоты.

В одном пиджачке, без багажа, его выбросили из-под солнца Флориды на лютый северный мороз. Если вам случится встретить его на улице Хельсинки голодным и нелюдимым, сгорбленным и обтрепанным, то приветствуйте его радостным лаем, мяуканьем или кукареканьем. Он, понимаете ли, верит животным больше, чем людям, хотя еще и верит в человечность.

Божьи угодники

В один прекрасный день Поэт почувствовал в ногах странный зуд. Он сменил носки и только тогда заметил, что наступило лето. Короткое, светлое и обычно холодное финское лето. Но во всяком случае сегодня тепло — так объявило радио.

Профессия Поэта — стихотворство, но сейчас распорядок его жизни не предусматривал лирической дани лету. Дело в том, что он был вынужден жить по своему графику. Летом он (по заказу редакторов) писал для десятка журналов стихи об осени, осенью сочинял новогодние стихи, в конце года — о весне, а весной — о летнем зное. Среди издателей и редакторов газет бытует мнение, что поэты должны жить, опережая свое время, и в нужный момент убраться на тот свет для того, чтобы вознестись к славе.

Но вернемся к лету, наступление которого заметил и наш рифмошлет, придумывая стихи о багряной осени, буре, перелетных птицах и остальном реквизите. И в тот момент, когда портняжный мастер лирики строчил строфу «... и первые осенние заморозки несут погибель слабым насекомым...», в комнату залетела муха и села Поэту на нос.

В нем проснулся атавистический инстинкт охотника. Он стал гоняться за мухой. Но последняя, зная коварство и жестокость человеческой природы, проникла сквозь двер-

ную щель в шкаф с продуктами. Она была обычной комнатной мухой, чувствующей себя лучше всего среди людей, потому что и к ней на протяжении тысячелетий прилипли какие-то крохи человеческого познания.

Поэт закрыл окно и несколько изменил свое осеннее стихотворение: «...и первые осенние заморозки загонят слабых насекомых в уютное тепло моей комнаты...».

Сделав необходимые добавления к стиху о черной страсти, просыпающейся возле каминов, поцелуях и горячей любви к родине, он сунул бумагу в карман и понес работу заказчику. А мушка вонзила свой гибкий хоботок в говядину, глубокомысленно раздумывая о том, что будущее принадлежит мухам, ибо люди только и делают, что замышляют, как бы уничтожить друг друга, а мух щадят. Чем больше атомных бомб, тем меньше мухобоек.

Поэт отнес свою осеннюю лирику редактору журнала и возвращался домой с новым заказом. У него была готова уже и тема: перелетные птицы оставляют Финляндию. Бродя по улицам летнего Хельсинки, он убеждался, что перелетные птицы еще только прилетают в Финляндию. Но разница между их прибытием и отлетом в конце концов не так уж и велика, да и кто разберется в направлениях полета. Поэт присел на скамейку, вынул блокнот и карандаш и с головой ушел в сочинение оды для октябрьского номера журнала «Друзья птиц».

Он лишился вдохновения только тогда, когда с ближайшей улицы донеслась звучная мелодия, передаваемая громкоговорителем рекламной автомашины: чудесные вирши — «пришла любимая пора и лето золотое...».

Поэт поднялся и стал читать огромные плакаты рекламной машины: «Вместе с перелетными птицами в нашу страну залетел посланец божий! Приходите все в парк слушать проповедь».

Поэт отправился слушать, ибо он страдал человеческим любопытством. Ему не терпелось воочию увидеть нового необычайного посла, о котором динамик сообщал:

«Приходите и смотрите Аса Алонцо Аллена, обладающего чудодейственной силой, прибывшего в нашу страну по просьбе широкой публики с далекого Запада. Он творит чудеса во всех частях света. Его шатер — крупнейший в мире».

Шатер Аса Алонцо Аллена не был цирковым шатром, да и сам Аса Алонцо Аллен не был циркачом. Он был

американским проповедником, которого финские братья во Христе выписали в нашу страну для проповеди нового евангелия.

Снаружи шатра стояли двадцать мужчин-зазывал, которые во всю силу своих богатырских легких приглашали публику. И она шла: кто же откажется побывать в самом большом в мире шатре, да еще приветствовать небесного посланца! Когда все расселись по местам, на помосте появился Бенни Замбах, в прошлом боксер-тяжеловес, первым делом заявивший, что в нем 130 килограммов веса. Он продемонстрировал свою могучую мускулатуру и на раскатистом западном диалекте сказал:

— Видите эти железные руки. Скольким они свернули нос, выбили глаза, пригвоздили диафрагму к позвонкам! Но больше мы не бьем. Я «прозрел» и теперь веду кулачные бои только с Сатаной. Я свидетель Божий и сопровождаю Аса Алонцо Аллена в его турне вокруг света. У Аса налажен прямой контакт с небом. Недаром он всюду творит чудеса. Заставляет калек плясать, глухих — слышать, слепых — прозревать. Скоро и вы познакомитесь с божественным исцелителем Аса Алонцо Алленом.

Сводный оркестр из шестидесяти музыкантов грянул торжественными фанфарами, а затем исполнил «Марш тореадора» и «Под звездным знаменем», которые публика выслушала стоя. Под звуки марша на помост вышел сам Аса Алонцо Аллен. Он вяло поднял руку, бросил воздушный поцелуй женщинам первого ряда и сказал, что счастлив познакомиться со столицей Финляндии. Он скрестил свои руки, и тотчас же хор, предусмотрительно записанный на пленку, прошел за кулисами: «Аминь!».

Аса Алонцо Аллен скинул пиджак, завернул обшлага брюк и одарил присутствующих улыбкой кинозвезды, рекламирующей зубную пасту. Потом он попросил публику повернуться к сидящим сзади и поздороваться с ними следующими словами: «Здравствуй, дорогой друг. Сегодня мы отлупим Сатану!».

Публика повернулась и повторила сказанные слова, а Аса, кокетливо мигнув, продолжал:

— Неправда ли, братья и сестры, разделяем нечистого!

За кулисами хор опять прогудел: «Аминь!».

Присутствующие сели, и Аса начал проповедь. Он говорил о том, как американским исследователям косми-

ческого пространства удалось установить, что небеса значительно больше, чем полагали. Там хватит места всем, кто, следуя примеру его, Аса, объявит войну Сатане. И даже негры имеют шанс быть принятыми на небо, но перед этим их нужно избавить от лукавого. Проповедник провозгласил трехкратную здравицу во славу неба. А затем был проведен сбор денег на богоугодные дела. Их собирали тридцать красавиц в купальных костюмах в посуду, в которой обычно ставят шампанское на лед. В связи с инфляцией сбор денег был повторен, а затем проведен еще и в третий раз для приобретения атомной бомбы. Аса считал, что против Сатаны в ход должны быть пущены все средства, включая атомные бомбы. Последние, на его взгляд, наиболее подходящи, так как могут низвергнуть Сатану, а заодно отворить людям врата небесного царства.

За кулисами опять послышалось «Аминь!». После этого Аса стал творить чудеса. На помост внесли женщину в кровати. Аса приказал нечистому оставить больную. Нечистый, по-видимому, убрался, потому что убралась и женщина, спеша к запасному выходу шатра, радостно крича: «Я выздоровела!».

Спектакль продолжался. За полчаса Аса «исцелил» около сотни немощных, избавив их от Дьявола и денег тоже, потому что исцеление стоило 500 марок с носа.

В промежутке на помосте снова появился менеджер Асы, Бенни Замбах, чтобы дать небольшую передышку божественному посланцу доброй воли. Аса поспешил в фургон-квартиру, где у него была своя закусочная, и пропустил подряд три стаканчика виски. Он был доволен выручкой, на которую можно было не один раз кутнуть в ночном кабаре в веселой компании девиц — сборщиц пожертвований.

А тем временем, пока Аса Алонцо Аллен сосал виски в своем фургоне, Бенни Замбах поведал пастве волнующую историю своей жизни. Однажды на золотом Западе он мчался на собственной машине. Он был так пьян, что не заметил красного сигнала светофора и переехал двух пешеходов. Когда полиция настигла его, он был способен выговорить лишь одно слово — «аллилуя». Полисмены, приняв Бенни за духовного пастыря, разрешили ему продолжить путь.

— С тех пор я все гоняюсь за Сатаной, — сказал серь-

езво Бенни Замбах.— Как в пьяном угаре, так и в трезвом виде.

Верующая братия восторженно приветствовала Бенни — его окружили фотокорреспонденты. Финские проповедники вручили сильному духом служителю божьему дополнительные дары — бутылку финской водки, серебряный нательный крест, большую финку и молитвенник. Один состоятельный делец, которого тоже укусила религиозная муха, поспешил на помост и заявил:

— Вот это действительно верный способ изгнать Сатану в преисподнюю. Предлагаю провести национальный сбор средств в пользу Аса Алонцо Аллена и Бенни Замбаха. Они настоящие перелетные птицы, которые принесли нам весну. Наш долг помочь им и в приобретении атомных бомб, потому что иначе черта с два мы попадем в райский сад...

За кулисами хор гремел: «Аминь!».

Публика постепенно входила в раж, а наш служитель музы незаметно бочком выбрался из балагана и понуро побрел прочь. Придя домой и усевшись за рабочий стол, он заметил на окне безобидную комнатную мушку, которая искала выход. Поэт распахнул ставни и выпустил ее на свободу. А затем он едва слышно выдохнул:

«Да здравствует царствие насекомых...»

Специалист

Нью-Джонсон был небольшим идиллическим городком, в котором никогда не рождались великие люди. Там появлялись на свет только младенцы. В городке насчитывалось десять тысяч жителей, тридцать церквей и полсотни кабачков. Добрая половина населения городка родилась пешеходами — им не хватило мест для парковки автомашин. Нью-Джонсон не привлекал к себе туристов, хотя путеводитель превозносил его прекрасные виды и, особенно, его экзотических женщин, обладательниц самых широких бедер и тончайших в мире талий. По официальной статистике, в городе обитали только богатые и только бедные. Одну половину своей жизни бедный люд проводил в одалживании денег, другую — в выплачивании долгов. Доходы богатых шли на покрытие четырех основных статей: налогов, платы психиатрам и адвокатам, а также на содержание прежних жен.

Нью-Джонсон славился своим прекрасным климатом, типичным для западного побережья, который поэты сравнивали с мордой молодой лошади: «такой же бархатный, теплый и влажный». Летом жители ходили под зонтами от солнца, зимой от дождя, или же прозябали в вечной тени, подобно кротам и летучим мышам. В городке не было ни одного небоскреба или ресторана со стриптизом, не было в нем и лагеря nudистов или книжного магази-

на. Мужчины ходили в рубашках, а женщины в прекрасных платьях размером с мужской галстук. Самый известный филателист города одевал свою супругу в бальный наряд из трех почтовых марок, а мэр города потчевал гостей избитыми анекдотами. Итак, Нью-Джонсон был местом поистине прекрасным для всех его обитателей, кроме почтальонов. Дело в том, что каждый, кто имел собственный дом и сад, имел и собаку. Для сбора неуплаченного собачьего налога городу пришлось учредить пять дополнительных должностей сборщиков налога, форма которых ошибочно напоминала одежду почтальонов. Поэтому-то у последних и была самая опасная в городе профессия. Ежедневно на прием к доктору Фордхему являлось несколько из них с разорванными штанами и следами собачьих клыков на икрах.

В общем, случаи не были тяжелыми. Время залечивало раны, а доктору шел гонорар. Других пациентов у доктора Фордхема почти не было, поскольку он был узкий специалист по собачьим укусам и зуду, вызываемому укусами комаров. Поэтому, естественно, доктор Фордхем любил собак, которые продолжали поставлять ему пациентов.

Однажды жены почтальонов провели совещание, на котором единодушно постановили: а) что их мужья должны сами чинить свои штаны, б) что злых собак должны держать на привязи и в) что почтальонов следует одеть в новую форму — такую, которая не напоминала бы одежду сборщиков собачьего налога, приводящую собак в состояние бешенства. Собрание избрало депутацию из трех дам во главе с г-жей Сандерс, муж которой подвергался нападению собак одиннадцать раз. Депутация нанесла визит вежливости городскому шерифу. Когда разговор коснулся разорванных брюк почтальонов, шериф нашел нужные слова:

— Уважаемые дамы! Ваши жалобы вполне уместны. Обязанности жен заключаются не только в том, чтобы латать мужнины штаны или втирать мазь, прописанную д-ром Фордхемом, в седалищные мускулы своих супругов. Только одинокие мужчины вправе утверждать, что мужчина — глава семьи. Брак напоминает штаны: в верхнем конце они в единственном числе, а книзу уже во множественном, а множественное как раз и правит семейными делами.

— Но не у нас,— заметила г-жа Уайт, которой, говорят, всегда приходилось мириться с волей супруга.— Мой муж презирает демократию. К тому же он всегда так спешит... Ему некогда даже помыть посуду, поэтому он предпочитает есть прямо из котла. Но если он разносит почту, то тут уж он не спешит. Три собачьих укуса — вот сумма его приключений. Надеюсь, что этот счет больше не будет расти.

— Успокойтесь, дорогие дамы,— промолвил шериф.— Обещаю вам при первой же возможности позаботиться о том, чтобы ваших мужей могли впредь только обляять, но не укусить. Итак, дорогие дамы, я предлагаю, чтобы собак отныне держали либо внутри помещения, либо на привязи на улице. Что касается униформы почтальонов, то вопрос будет передан на рассмотрение сената и обсуждение его продлится по крайней мере семь месяцев...

— Семь месяцев! — воскликнула г-жа Уайт.— Мир и то был создан за семь дней.

— Извините,— перебила ее г-жа Сандерс,— мир был создан всего за шесть дней. Седьмой был выходным.

Между женщинами чуть было не завязалась милая перебранка, но шериф возвысил голос и продолжал:

— Уважаемые дамы! Не могли бы мы с вами договориться о том, что мир был создан по меньшей мере второпях, поэтому все время нужны ремонтные рабочие? Я намерен предложить законодательной комиссии, чтобы в Нью-Джонсоне больше не разрешали держать собак на свободе. Если закон пройдет, тогда не потребуется и новой униформы для почтальонов, и отпадет потребность в латании мужских брюк.

— А д-р Фордхем лишится своих пациентов! — злоратно встала г-жа Сандерс.

Через неделю небольшой городок Нью-Джонсон был объявлен демилитаризованной зоной, или, говоря по-простому, девятьсот двадцать собак города было запрещено спускать с цепи. Болонку надлежало носить в авоське, а более рослых собак водить на поводке. Всем злым собакам полагался намордник.

Это была единственная социальная льгота, которую общество предоставило почтальонам. Но одновременно эта мера лишала доктора Фордхема его практики. Для него жители города вдруг превратились в музейные экспонаты: ими разрешалось любоваться, но трогать их было

нельзя. Это был жестокий удар по источнику доходов врача-специалиста. Собакам запретили кусать, а укусы комаров уже не действовали на жертв. По данным медицинской службы, вся мелкая мошкара постепенно гибла от алкоголизма, если ей случалось сосать человеческую кровь. Настали дни, когда на приеме у доктора Фордхема присутствовало не больше двух пациентов. Их болезни были ему не известны, и он отправлял их к другим специалистам.

Но вот недели через три после запрета спускать собаку с цепи на прием к доктору Фордхему пожаловал, хромая и охая, почтальон Сандерс. Он жаловался на головную боль, бессонницу, отсутствие аппетита, а также повышенную восприимчивость к свету и шуму. В правом седалищном мускуле он чувствовал нестерпимую боль и вся правая нога была словно разбита параличом.

— Опустите брюки и поднимите рубашку,— приказал врач.

Пациент повиновался, и доктор приступил к изучению причин боли.

— У вас тут воспаленный шрам. Явный след собачьего укуса.

— Верно. Сюда приложилась одна шавка. Но с той поры прошло уже недели четыре.

Врач покачал головой:

— Дела плохи. Собака заразила вас опасным вирусом, инкубационный период которого тянется до десяти и даже до двенадцати недель. У вас не было судорог или припадков бешенства?

— Да... Живот сводило... А сегодня я пришел в ярость, когда жена призналась, что подрезала мозоли лезвием моей бритвы... А мне бриться нечем было.

— Сильно потеете, и слюны выделяется больше обычного?

— Потею, как котелок с водой, который женка ставит на электрическую плитку... А слюны набирается во рту столько, что и проглотить не успеваешь.

По лицу врача пробежала тень.

— Случай серьезный... Очень даже серьезный. Г-н Сандерс, вы болеете бешенством или водобоязнью — «рабик», как ее называют по-латыни.

— От этого умирают?..

— Одни умирают, другие становятся еще бешенее.

Почтальон вынул из кармана карандаш, схватил со стола блокнот и принялся что-то записывать.

— Г-н Сандерс, если вы намерены писать завещание, то вам лучше обратиться к помощи какого-нибудь юриста.

— Это не завещание, я записываю адреса. Меня кусали одиннадцать собак, а теперь я в свою очередь кусаю их владельцев.

— Что вы, г-н Сандерс,— испуганно произнес врач.— Вы же будете распространять водобоязнь.

— Именно это я и собираюсь сделать.

На лице пациента появилось собачье выражение, он угрожающе приблизился к врачу и зарычал:

— Коновал! Скоро два года, как вы лечите меня, а в результате у меня теперь водобоязнь! Вот они, ваши излечивающие мази! Смажьте ими петли ворот вашего дома, чтобы скрип их не мешал людям спать по ночам. Прощайте!

Не расплатившись с врачом, почтальон Сандерс опроремью выскочил из кабинета.

— Люди — странные существа,— думал врач.— Достаточно укусить их в ягодицы, и они теряют рассудок.

Д-р Фордхем был уверен, что теряет выгодного пациента. Он собрался было вызвать полицию, но во время поисков телефонного справочника его всего словно передернуло от страха. Человек не знает, что он собой представляет, до тех пор, пока не предстанет перед судом. Доктор Фордхем любил собак, но боялся полиции. Он передумал звонить. Постепенно страх его улегся, он стал рассуждать о своем благополучии и своей молодой жене, которая пускала деньги на ветер быстрее, чем муж успевал добывать их. И тут лицо его расплылось в довольной усмешке. Он бессердечно пожелал, чтобы почтальон Сандерс как можно скорее совершил свой «обход», в результате которого у него появится одиннадцать новых пациентов...

Но надеждам врача не было суждено сбыться. Сандерс успел укусить лишь одну старую деву за ухо. Сандерса тотчас же задержали и доставили в лечебницу. Исследовав его, специалисты по различным болезням, наконец, установили, что он страдает тяжелым воспалением седалищного нерва. Симптомы ишиаса действительно сильно напоминали симптомы бешенства у собаки. Больной ощущал нестерпимую боль в бедре, страдал бессонни-

цей, отсутствием аппетита, повышенной чувствительностью. К тому же он мгновенно впадал в ярость.

На д-ра Фордхема обрушились и другие напасти. В местной газете сообщили, что всем собакам Нью-Джонсона, когда они были еще щенками, сделали прививки от чумы и водобоязни, поэтому диагнозы д-ра Фордхема были одной болтовней, а как известно, «только болтун и верит в свою болтовню». В этой же статье рекомендовали всем болеющим ишиасом обращаться только к «настоящим» специалистам.

В общем, д-р Фордхем почти полностью лишился практики, ибо для нее больше не было основы.

— Плюнь ты на свою практику, у тебя от нее только больше морщин становится,— убеждала г-жа Фордхем своего мужа, который впал в беспредельный пессимизм.— Уедем из этого паршивого городишки. Я уверена, что в другом месте тебя ждет большое будущее. Ну, милый, выше голову! Ты же полон энергии и к тому же у тебя такой волевой подбородок...

— Подбородок, подбородок, волевой подбородок! — сердито огрызнулся специалист.— У Муссолини тоже был подбородок, но это не помогло ему обеспечить себе великое будущее.

На протяжении двух недель на прием к д-ру Фордхему не явился ни один пациент. Охота на сборщиков собачьего налога и почтальонов была запрещена. Если же какая-то сердитая собачонка и кусала своего владельца, тот сам зализывал свои раны и помалкивал. Но затем небо над д-ром Фордхемом немного просветлело. Национальный союз собаководов направил правительству обращение, в котором содержались следующие положения:

1. В нашей свободной стране каждый волен делать все, что ему вздумается. Собаки тоже должны иметь полную свободу собраний и передвижения, особенно в период собачьих свадеб, поскольку это способствует преодолению сегрегации, о которой сейчас так много говорят.

2. Бесчеловечно и противозаконно заставлять собак носить намордники, не дающие им возможности обнюхать друг друга не только в период собачьих свадеб, но и в обычное время.

3. Почтальоны и сборщики собачьего налога должны быть одеты в такую форму, которая была бы не по зубам собакам.

4. Шерифа Нью-Джонсона следует немедленно отстранить от должности ввиду его действий, оскорбляющих всю нацию и особенно друзей собак, а вместо него избрать человека, который уважал бы свободу всех налогоплательщиков.

5. Если нынешний запрет не будет немедленно отменен, мы, избиратели, на следующих выборах больше не проголосуем за членов законодательной комиссии. Ограничение свободы граничит с национальным позором, особенно если оно направлено против собак — гордости нашей страны.

Благородный призыв в защиту такого прекрасного дела привел к великолепным результатам. Через неделю собаки Нью-Джонсона получили свободу лаять и кусать, причем не только сборщиков собачьего налога и почтальонов.

Однако пострадавшие больше не являлись на прием к доктору Фордхему. Неверный диагноз, поставленный им Сандерсу, навлек на него сперва подозрения, а затем явился причиной специального расследования. Шериф, которого не только не отстранили от должности, а напротив, облекли дополнительными полномочиями, пригласил д-ра Фордхема сперва к себе в гости, а на следующий день в участок. На продолжительном перекрестном допросе выяснилось, что д-р Фордхем по профессии был собаководом. Титул доктора медицины он купил у своего близкого родственника — ректора двух малоизвестных частных университетов.

После трехлетней врачебной практики в идиллическом городке Нью-Джонсоне г-ну Фордхему пришлось убедиться в том, что, кроме могильщиков, остальным вновь приходится начинать свою работу с самых низов.

Г-жа Фордхем горевала не столько о муже-неудачнике, сколько о том, как бы побыстрее найти себе нового супруга. О прочих ее добродетелях можно было бы рассказывать долго, но они вряд ли интересуют кого-либо. Кроме того, самые смачные сплетни рассказывают всегда шепотом.

Мой незнакомый собеседник

Мы, финны, пользуемся за рубежом несколько сомнительной репутацией. В этом мне довелось убедиться недавно в ресторане московского аэровокзала, где я дожидался самолета на Хельсинки. Время ожидания, как известно, тянется томительно и пролетает незаметно лишь в том случае, если вам подвернется собеседник. Мне подвернулся. Им оказался молодежавый на вид брюнет, который подсел ко мне за столик и разоткровенничался о своем далеком турне. Месяц тому назад он отправился из ФРГ в Грецию, а оттуда далее через Турцию в Югославию и Румынию и намеревался теперь посетить Хельсинки. Речь его пестрила немецкими, французскими и английскими словами. Но мне не представляло особых затруднений понять его, так как я в юности увлекался эсперанто. Зато мне было значительно труднее самому изъясняться на чужом языке, несмотря на то, что у меня в придачу имеется пара здоровых рук. Но я на редкость талантливый слушатель, что объясняется многолетним опытом супружеской жизни. Во избежание недоразумений должен тут же заметить, что дома у нас царит полная демократия. Все члены семьи пользуются равным правом голоса, но в придачу к этому жена обладает громким голосом. Временами она журит меня за то, что я немногословен. Что ж, быть может, это так, но все лишь потому, что мне так редко удается вставить словечко.

Будучи отлично вымуштрованным слушателем, я ни разу не перебил своего собеседника, речь которого лилась сплошным потоком без точек или запятых, вопросительных или восклицательных знаков. Он позволил себе небольшую паузу и спросил.

— Вы не спешите?

— Нет.

— Дождитесь кого-нибудь?

— Да!

— Жену, брата, сына, любовницу?

— Нет.

— Чего же вы в таком случае дожидаетесь?

— Самолета на Хельсинки.

— Вы летите в Хельсинки? Так это ж великолепно! Я тоже направляюсь туда. Правда, я никогда не бывал в Финляндии, но много слышал об этой стране. Насколько мне известно, финны больше всего на свете любят выпить и подраться. А пьют они, говорят, любую жидкость и даже русскую водку. Из достоверных источников мне известно, что в Финляндии находится несколько тысяч русских солдат, которые следят за порядком и безопасностью туристов. Русские солдаты снабжают финнов бесплатной водкой...

— Бесплатной?

— Да, бесплатной. Это единственный способ ограждения туристов от неприятностей. Когда финны напиваются, они не отличают иностранцев от своих соотечественников.

— Т-а-а-к, а затем что они делают?

— Ну, конечно, дерутся между собой. Но как только они начинают трезветь, иностранцу разумнее маскироваться под финна. Не так давно в Хельсинки состоялся крупный международный конгресс, на котором присутствовал и премьер моей страны. И хотя у него много друзей в Финляндии, ему тем не менее пришлось приехать инкогнито. А знаете, как ему удалось незаметно прошмыгнуть из Хельсинки через Северную Финляндию в Швецию?

— Может быть, он переоделся женщиной?

— Вы сумели отгадать. Премьер-министр моей страны — женщина. Попробуйте отгадать еще раз.

— Ну, может быть, она подделалась под финку?

— Верно. Именно так она и поступила, прикинулась неразговорчивой и вполне сошла за финку. А теперь она

в безопасности у себя на родине. Да, опасная страна Финляндия.

— Вы так считаете?

— Считаю. Почти столь же опасная, как и ее великий сосед. В обеих этих странах царит ужасная расовая дискриминация.

— Что-то я не слышал об этом.

— Зато я слышал, причем из самых достоверных источников. Финляндия стремится помочь своему великому восточному соседу в расовых гонениях. Но попадают в Финляндии и кое-какие исключения. Из других, не менее достоверных источников мне стало известно, что в парламенте Финляндии есть добрые друзья моей преследуемой страны и ее народа. И они делают все, что в их силах, дабы помочь вернуть моей родине те границы, которые она имела пять тысяч лет назад, в период созидания мира.

— Но мир-то был создан куда раньше.

— Моя религия этого не признает, а она единственно правильная. Наш народ — избранник господина бога — родился в Эдеме, первоначальные карты которого еще сохранились. Простите, вы не торопитесь?

— Пока нет.

— Тогда ничто не мешает нам продолжить нашу беседу. С нетерпением жду знакомства с Финляндией. Я еду туда по важным коммерческим делам. А вы бывали в Финляндии?

— Бывал.

— Есть там нынче какой-нибудь другой язык в ходу, кроме русского?

— Есть.

— А в финском паспортном бюро вымеряют носы иностранцам?

— Только в тех случаях, если они суют свой нос куда не следует.

— Много автомашин в Финляндии?

— Много.

— А ослы есть?

— Есть несколько, но они заседают в парламенте, привлекая всеобщее любопытство, поскольку они не обладают даром молчания...

— Простите, сэр, я вас что-то не понимаю. Вы сами откуда будете, больно уж вы немногословны?

— Я финн, любитель выпить и подраться...

Тут мой собеседник вскочил из-за стола, схватил свой портфель и вихрем помчался в зал ожидания, хотя до отхода самолета была еще уйма времени. Я позвал официанта, заказал бутылку «Боржоми», а про себя подумал: действительно у нас, финнов, дурная слава за границей. Мы напиваемся, деремся и ко всему прочему преследуем тех, кто жаждет расширять границы своего государства в соответствии с картами, составленными в период создания мира...

Сапоги и статистика

Существует столько же подходов к статистике и статистикам, сколько, скажем, к браку и мужьям. При этом слишком часто видна лишь обратная сторона медали. Я просто умилен американскими статистическими данными, согласно которым 50 процентов американцев, состоящих в браке, — мужчины. Недавно газеты «Лос-Анджелес таймс» и «Вашингтон пост» предоставили свои страницы под забавные статистические выкладки, где цифры кружатся в карусели фантазии. И эту самую потешную историю века, в которой финансовая наука и наука об экономике поставлены с ног на голову и ходят на руках, написал некий джентльмен по имени Анатолий Шуб. Я раз пять прочел его статью, и она подтолкнула меня поиграть цифрами. В этой связи отмечу лишний раз, сколь важной цифрой является пудль, ибо его можно поставить индексом к фамилиям многих джентльменов.

Анатолий Шуб пишет о финансовом кризисе Запада, говорит о валютах восточноевропейских стран и приходит с серьезным видом к такого рода констатации: «Социалистические деньги — это всего лишь игрушечные деньги», и начинает игру в рубли. Его статистика основывается на уровне цен в Советском Союзе, в качестве примера ему служат высокие кожаные сапоги. Других примеров он не знает. Опирируя этими сапогами, он начинает доказывать, будто рубль стоит всего лишь 25 центов. Этакая эквилибристика!

Сапоги пользуются у меня большим почетом, однако не настолько большим, чтобы я считал возможным измерить ими уровень жизни в целом. Человеку для жизни нужно, кроме высоких сапог, многое другое. Правда, многие умирают в сапогах, но в таких случаях или один сапог, видимо, слишком сильно жал на педаль акселератора, или их владелец щеголял в них на войне.

Я открыто признаю, что американцу высокие сапоги обходятся дешевле, чем советскому человеку. Но коль уж мы занимаемся цифрами, давайте заглянем немножко и в американскую статистику. В качестве беспристрастного свидетеля мы можем взять норвежскую газету «Нордиск тиденде», опубликовавшую статью, в которой констатируется, что в Америке человеку не по карману ни родиться, ни болеть, ни умирать. А затем дадим слово статистике.

Операция по удалению аппендицита и пятидневный уход обойдется в «золотой стране» Запада по валютному курсу, изобретенному Анатолом Шубом, в 1000 рублей. Роды, совершенно нормальные роды, которые проходят без участия хирурга и врача-анестезиолога, обходятся в среднем в 500 долларов, или 2000 рублей. Правда, матери предоставляется возможность заплатить за свои родовые боли в рассрочку. Поэтому многие несостоятельные роженицы продолжают выплачивать задолженность больнице за первого ребенка и тогда, когда рожают второго.

Вырезать гланды стоит 200 долларов, или 800 рублей. Но если операцию проводит «специалист», она обходится по меньшей мере в 300 долларов, или 1200 рублей. Операция по удалению камней в печени и 14-дневный больничный уход стоит всего лишь 1000 долларов, или по курсу Анатоля Шуба 4000 рублей. На редкость дешевая процедура! Но кто знает, может быть, врачи верят в то, что они в желчном пузыре найдут драгоценные камни, подобно тому, как находят жемчуг в раковинах?

Газета «Нордиск тиденде» рассказывает об одном норвежском рабочем, переселившемся в США. Он две недели пролежал в больнице и за это время израсходовал все сбережения, накопленные за годы. Расходы составили 1000 долларов, или 4000 рублей. Жалостливые родственники выписали его обратно на родину, где человек пока еще может позволить себе и поболеть. Другой норвежец — рабочий, когда-то переселившийся из Ставангера в «золотую страну», — страдает раком кожи на лице. По словам

специалистов, с болезнью можно бороться, сделав операцию. Но у рабочего нет 2000 долларов, или 8000 рублей, которых она потребует.

В США больницы — частная собственность. Они являются доходными коммерческими предприятиями, и попасть в эти больницы стоит не одну и не две пары высоких сапог.

Если рождение и болезнь влетают в копеечку в стране высокого уровня жизни, то недешево в ней и умирать. Все кладбища и похоронные бюро находятся в руках частных предпринимателей. Покойников обязаны бальзамировать перед погребением или сжиганием. Самые дешевые похороны стоят 1100 долларов, или 4400 рублей, но лучше заранее приготовить себя к тому, что расходы по погребению обойдутся в 2000 долларов, или 8000 рублей. Вот какой красноречивой может быть статистика! Эта же статистика повествует и об уровне квартирной платы в Нью-Йорке. Плата за двухкомнатную квартиру с кухней составляет 65 долларов, или 260 рублей в месяц.

Если продолжать игру в статистику и, в соответствии с арифметикой Шуба, определить стоимость одного доллара в четыре рубля, то хотелось бы спросить: разве вы найдете граждан в Советском Союзе, которые платили бы за удаление гланд 800 рублей или за роды 2000 рублей? Анатолий Шуб утверждает, что высокие сапоги стоят в Советском Союзе 70 долларов, или 280 рублей. Но он забывает, что человек не может ни родиться, ни болеть в сапоге, каким бы огромным он ни был.

Я не хочу ставить под сомнение компетентность экономистов «Лос-Анджелес таймс» и «Вашингтон пост» в определении уровня жизни. Однако, пробыв около двадцати лет на посту главного редактора экономическо-политического журнала, я все-таки усвоил, что при подсчетах уровня жизни необходимо учитывать те социальные льготы, которыми общество обеспечивает своих граждан. Мерклом цен и услуг, приводимых мною, служит валютная котировка, введенная господином Шубом. Если она не соответствует действительности, то виновата в этом математика Шуба, которая основывается не на арифметике, анализе, или современной статистике, а на высоких сапогах.

Мне вспоминается старая народная сказка о коте в сапогах, который купил себе сапоги, чтобы не промочить лапы, но споткнулся на первой же луже и вымок до ушей.

Лига защиты лысых

Мне в жизни на редкость везло на оригинальных людей. В их числе были факиры, пожиратели змей, спириты, дальтоники и люди, окончательно выжившие из ума. Оригинального субъекта я встретил пару недель назад, когда возвращался пароходом из Стокгольма в Хельсинки. Это был небольшого роста мужчина средних лет, с черными, как смоль, волосами и усиками-ресничками под носом, напоминавшими мышьи хвосты. В кают-компании он подсел ко мне на диван и по-английски спросил:

— Вы куда направляетесь?

— Домой, в Хельсинки,— ответил я.

— Вы финн?

— Да.

— А ведь не скажешь. Похожи на вполне нормального человека.

— Спасибо... Вы крайне любезны.

— Я гражданин Вселенной, а все граждане Вселенной — вежливый народ. Разве можно скрыть свою интеллигентность. Кстати, меня зовут Арон Давидзон.

Тут он принялся бесцеремонно разглядывать мою шевелюру и неожиданно спросил.

— У вас свои волосы или парик?

— Свои...

— Но вы уже начинаете лысеть.

— Да. Скоро моя макушка будет напоминать сплошную лунную сонату.

— Я вам сочувствую. У вас впереди суровые времена.

Мистер Давидзон одарил меня своим сочувствующим взглядом и шепотом спросил:

— А в Финляндии наблюдается расовая дискриминация?

— Нет. Она запрещена.

— Значит, лысых не преследуют?

— Ну, конечно, нет. У нас и глава республики лысый.

— Отлично, отлично! В таком случае я могу быть вполне спокойным.

У меня возникло серьезное подозрение, что мистер Давидзон страдает манией преследования. И я почти не ошибся, ибо через какое-то мгновение он доверился мне и шепотом поведал следующий секрет.

— В Нью-Йорке, где я живу, недавно была создана «международная лига защиты лысых». Лига ставит задачей защиту прав лысых повсюду в мире. Наш союз имеет в своем распоряжении большие средства, так как многие плешивые миллионеры являются членами нашего союза. Год тому назад меня назначили агентом союза в Скандинавию со специальным заданием основать филиал «международной лиги защиты лысых». Неделю назад я получил из штаб-квартиры приказ ознакомиться с обстановкой в Финляндии, а ведь Финляндия...

Тут мистер Давидзон прервал свою речь, оглянулся по сторонам, прикинул затем своими толстыми губами к моему уху и зашептал:

— Поскольку Финляндия является соседом Советского Союза и пользуется его доверием, здесь, надо полагать, знают, что творится у соседа...

— А что же там должно твориться? — с любопытством спросил я.

— Там занимаются ужасной расовой дискриминацией по отношению к миллионам лысых. Если человек лысый, он не может найти ни работу, ни квартиру. Семья его прозябает в нищете...

Мистер Давидзон не выдержал и зарыдал. Я старался, как мог, успокоить его.

— Кто это вам рассказывает такие сказки? — серьезно спросил я.

— Сказки? «Международная лига защиты лысых» каждый день получает достоверные сведения разведслужбы США, имеющей агентов повсюду.

— Сами-то вы бывали в Советском Союзе? — спросил я.

— Нет, и не вижу в этом необходимости. Наши тайные агенты, которые в соседней с вами стране ходят в париках, шлют в мой штаб достаточно сообщений о расовой дискриминации. Мы должны спасти наших угнетенных братьев.

— А каким образом их угнетают?

— Я вам уже говорил, что они лишены работы и крова. Им запрещен доступ в театры, кино на том основании, будто их сверкающая лысина слепит сзади сидящих. Купаться их тоже не пускают, потому что пляжному стражу трудно догадаться, каким концом они плавают на поверхности. Их всячески преследуют. В одном из рапортов разведслужбы, не вызывающем никаких сомнений, отмечается, что лысые подвергаются теперь нападкам и со стороны биологов. Утверждают, будто мелкие насекомые — особенно мухи — ломают ножки, поскользнувшись на зеркально гладкой лысине. Разве все это не расовая дискриминация?

— Мм-мм...

— Ну вот. А вы говорите, будто я сказки рассказываю. Вы-то бывали в СССР?

— Бывал. И не раз.

— Замечательно, замечательно! В таком случае я могу узнать через вас из первых рук о господствующей там расовой дискриминации.

— С удовольствием. У меня в Советском Союзе немало добрых друзей, макушка у которых может поспорить с любым катком, но из-за этого они не подвергаются дискриминации.

— Это все пропаганда! — закричал мистер Давидзон. — «Международная лига защиты лысых» больше полагается на свою разведку. А за деньгами у нас дело не станет!

— В этом я и не сомневался, однако, что же вы намерены предпринять?

— Мы организуем всемирный конгресс лысых в защиту прав плешивых.

— Где?

— Возможно, в Нью-Йорке, но предпочтительнее, конечно, в Европе. По мнению нашей штаб-квартиры, столица какой-нибудь из стран НАТО была бы наиболее подходящим местом. Я со своей стороны предлагаю Брюс-

сель. Или, может быть, вы полагаете, что конгресс можно было бы провести в Хельсинки?

— Не думаю, ибо у финнов медленно отрастают волосы. Кстати, на каком основании вы представляете лысых? У вас такая густая шевелюра.

Мистер Давидзон сорвал с головы парик, обнажив сверкающую лысину.

Я собираюсь в недалеком будущем посетить Советский Союз и повидать друзей, в числе которых есть также лысые. И, конечно, провести вечер-другой в театре. Любопытно будет посмотреть, ослепит ли моя небольшая лысина кого-нибудь из сидящих сзади...

Попугай дядюшки Нико

Если твое воображение, дорогой читатель, рисует образ греческого философа Сократа, тогда тебе будет знакома и внешность Нико Дроссоса.

Нико Дроссос был владельцем небольшого кабачка, расположенного на самой окраине города Тессалоники. Он был грамотным, умел читать и писать, так же, как и его великовозрастный сын, вместе с которым он содержал свой кабачок. Нико не стремился соперничать с шикарными ресторанами. В его заведении клиентов кормили только солеными оливками, супами из осьминогов, хлебом и, уж, конечно, подавали анисовый ликер, канифольную водку и великолепные вина Тессалии. Внук Дроссоса заботился о рекламе кабачка. На стенах заведения были выведены следующие житейские мудрости:

«Если вы пьете для того, чтобы забыться, то оплатите ваш счет вперед!», «...Если комната вдруг закружится у вас перед глазами, то скорее присядьте!», «Если вы перестаете узнавать себя, обратитесь за справкой к Нико!», «Если на вас нашла усталость, отправляйтесь выспаться домой!», «Помните, Нико никогда не подведет своих клиентов: ваша жена никогда не узнает, что вы проматываете здесь свои деньги»...

С потолка кабачка свисала клетка, в которой обитал попугай. Нико выучил попугая выкрикивать приветствия

клиентам, заходящим в кабачок: «Добро пожаловать!» и «Раздави еще одну!».

Нико Дроссос был известен своим исключительно острым языком. Его макушка могла служить не только вешалкой для шляпы. Клиенты любили его за это, и даже приходский поп иногда заходил к нему пропустить стаканчик вина. Их сближала общность интересов. Дело в том, что у попа тоже был попугай, напоминавший попугая Нико. Правда, поповская птица никогда не позволяла себе неканонических фраз, так как ее воспитали в страхе божьем.

В числе постоянных посетителей кабачка был также племянник Нико, полковник Лерос, ярый поклонник Адольфа Гитлера, что отчасти было вызвано тем, что он был таким же неудачником: тоже плохо учился в школе, из него тоже не вышел хороший маляр, и он тоже верил, что представляет чистую расу. Не удивительно поэтому, что Нико Дроссос и полковник Лерос каждый день расставались врагами. Нико подавлял своего противника словами:

— Послушай, парень. Сходил бы ты к психиатру провериться, а то случится с тобой то же, что с Адольфом.

Года два назад Нико Дроссос потерял свой дар красноречия. К власти в стране пришла хунта полковников, и племянник Нико предупреждал своего дядю:

— Будешь болтать много — посадим в концлагерь.

Нико ничего не ответил, но за него выкрикнул попугай, сидящий в клетке:

— Долой диктатуру! На виселицу полковников!

— Вот как, — усмехнулся полковник Лерос. — Ты, значит, научил попугая отвечать за себя. А ты знаешь, чем это пахнет?

— Попку посадят в концлагерь, — понуро ответил Нико.

Тут в кабачок ввалились два иноземных солдата. Нико решил вначале, что они болтают между собой на каком-то беззвучном языке, но потом выяснилось, что оба жуют жвачку. Солдаты, делавшие вид, что не замечают греческого полковника, с надменным видом расселись за столом и принялись изучать меню. Один из них бросил в сторону Нико:

— Эй ты, дед! У тебя пожрать найдется?

— Желаете суп с осьминогами?

— Тащи, да поживей.

Нико поспешно удалился на кухню и принес своим клиентам две порции дымящегося супа. Солдаты понюхали и попробовали суп. И тут один из них крикнул Нико:

— Это что за помой? У нас таким супом свиней кормят.

— У нас тоже,— сухо ответил Нико.

Солдаты многозначительно посмотрели на полковника Лероса и вышли из кабачка, не уплатив по счету. Племянник Нико подошел к своему дяде, схватил его за грудки и прошипел:

— Если бы ты не был братом моего отца, я приказал бы расстрелять тебя. Тебе невдомек, что ли, что эти иноземные солдаты — наши друзья? Они помогают правительству нашей страны.

— Разве оно иначе не устоит? — с невинным видом спросил Нико.

— Устоит, но такие, как ты, пытаются свалить его. Предупреждаю тебя в последний раз: если ты не прекратишь клеветать на правительство, тебя сошлют в Затоуну собирать птичий помет. Там уже находятся два твоих старших сына. Понял?

— Понял,— покорно ответил Нико.— Если открою рот, меня сошлют собирать правительству птичий помет.

Полковник махнул рукой, стиснул зубы и направился к выходу. Дойдя до двери, он услышал, как попугай крикнул в клетке:

— Долой диктатуру! На виселицу полковников!

Старик сочувствующим взглядом посмотрел на своего пернатого друга и тихо пробормотал:

— Ты хоть и в темнице, а рот свой все-таки открываешь...

После этого Нико Дроссос стал еще более неразговорчивым. Его внук из соображений безопасности начал расклеивать по стенам кабачка новые лозунги и рекламные тексты:

«Пейте настоящую американскую водку, избегайте русских подделок!», «Наслаждайтесь настоящими натовскими коктейлями и забудьте бедствия вашей жизни!», «У Греции великолепное правительство, а у Нико — честный попугай!»...

Несмотря на многочисленные патриотические лозунги,

верховному военному руководству то и дело поступали жалобы и доносы на кабачок Нико. Кто-то прослышал, как Нико сказал одному рабочему, что нынешняя правительственная система является никуда не годной и что в каждом слове Нико повторяется слово «негодный». Жаловались и на то, что попугай Нико находится на службе какой-то чужой страны и что птица повторяет одну лишь низкую пропаганду гадких социалистов.

Полковник Лерос посоветовал своему дяде избавиться от попугая. Так и случилось. Постоянный клиент кабачка — приходский поп согласился обменять попугая Нико на своего. Он горел любопытством узнать, что говорит народ, когда нет рядом священника.

Полковник тоже дал свое согласие на обмен и, наконец, поверил, что его дядя отказался от критики правительства и будет остерегаться употреблять слово «негодный». Но надежды его не оправдались. Леросу не переставали поступать жалобы на то, что его дядя — настоящий смутьян, который расклеивает на стенах своего кабачка самые отвратительные плакаты.

Лерос решил проучить своего дядюшку и навсегда покончить с его шпильками в адрес правительства и утверждениями о «негодности» армии. Он приказал арестовать дядю и расстрелять.

Приходский поп послал прошение о помиловании Нико, но оно было отвергнуто. Дроссоса отвели на окраину города, туда, где жили бедные, бедствующие и неграмотные, и поставили к стенке. Взвод солдат встал напротив и по команде дал залп. Нико упал. Полковник перепугался: ведь он приказал, чтобы залп был сделан холостыми зарядами.

— Бедный дядя, бедный дядя... Он, наверное, умер от страха, — подавленно твердил полковник, подбегая к лежащему на земле старику и наклоняясь над ним.

Нико Дроссос приоткрыл глаза, медленно сел, оглянулся вокруг и презрительно сказал своему племяннику: — Теперь веришь, что все в этой стране нынче негодное — даже боеприпасы в армии.

Однако суровый урок полковника Лероса заставил Нико утихомириться. Он снял со стен своего кабачка все плакаты и лозунги, поручил внуку обслуживание клиентов, а сам стал работать на кухне.

Как-то раз полковник зашел проведать своего дядю и

сообщил ему на прощание, что очень доволен сдержанным поведением старика. Дело в том, что старик не обмолвился с ним ни словом. Уходя от дяди, он остановился около клетки попугая, едко усмехнулся и сказал:

— Ну, попка! Ты что-то больно тихим стал. Поп-то разве не учил тебя говорить?

Попугай молчал, смотрел в упор на полковника, потом отвернул голову в сторону. Полковник продолжал заговаривать с ним:

— Может быть, и ты считаешь, что диктатуру следует низложить, а полковников повесить?

Тут попугай разинул клюв и с серьезным видом ответил:

— Да сбудется воля божья!

Опознавательный жетон

Солдатам НАТО, расквартированным в Греции, на всякий случай были розданы личные опознавательные жетоны. И скоро солдаты стали дарить их в качестве сувениров своим подругам. Эти железки котировались как драгоценные реликвии, обменная цена их была значительно выше цены жевательной резинки.

Прошло немного времени, и на шее у подруг Эвномии, 16-летней дочери трактирщика Пандиона, уже висели подарки молодых янки. Эвномии тоже очень хотелось иметь подобное украшение. В конце концов получила и она...

Было это так. Однажды Пандион послал дочь в Афины, он поручил ей купить национальные флажки США, которыми хотел украсить столы в трактире. На стоянке рейсового автобуса в Афинах к Эвномии подошел молодой солдат и представился:

— Меня зовут Том Гувер. Я зарабатываю сто долларов в месяц. Хочешь жевательную резинку? У меня есть своя комната в гостинице. Я безумно люблю тебя.

Эвномия вернулась домой за полночь. Она покорно приняла наказание и редела почти счастливая — ведь под блузкой ее согрел металлический жетон.

Том Гувер не встречался после этого с Эвномией. Через месяц он был переведен на другую базу, а потом вообще

стал гражданским человеком и поехал в свой родной город Даллас.

Прошли месяцы. В семье Пандиона наступили времена горя и ожидания. Родственники порвали с ним все связи, трактирщик пробовал утопить горе в анисовом ликере. Лишь Эвномия сохраняла полное спокойствие. В дополнение к подаренному Томом личному знаку у нее появился красивый мальчонка. По совету родителей, она как-то с ребенком на руках направилась к военным властям янки. Эвномия потребовала разыскать отца мальчика, этого бессердечного солдата Тома Гувера, обещавшего жениться на ней.

— В войсках НАТО много мужчин с такой фамилией, — сказал молодой капитан. — Вините лишь себя.

Тогда Эвномия протянула капитану личный знак и застенчиво промолвила:

— Том дал мне это — на всякий случай...

Капитан взял жетон и обещал проверить солдатскую картотеку. И через пару недель из штаба военной базы на имя старика Пандиона пришел пакет, в котором был официальный ответ Эвномии.

«Личный опознавательный жетон С 444—63 принадлежит Долорес. Это ослица. Родилась в Фессалии в 1954 году. Призвана на службу в НАТО в связи с миролюбивым характером. По нашему мнению, она не может быть отцом вашего ребенка».

Дело в том, что солдат Гувер служил в горных частях НАТО погонщиком ослов. А опознавательные жетоны имели не только солдаты, но и их ослы. Его-то — ослиный жетон — и подарил Том Эвномии. Жетон как жетон.

Старик Пандион стал всхлипывать. За столом в трактире сидело трое греков. Никто не сказал ни слова. Потом один из мужчин глубоко вздохнул и перекрестился. Через минуту вздохнул другой, вздохнул еще тяжелей. Третий член компании встал и сказал серьезно:

— Я ухожу, так как не желаю слушать ваши политические разговоры...

Когда историю ставят в угол

Когда немецкий писатель Эмиль Людвиг опубликовал в свое время исторический роман «Наполеон», известный французский критик воскликнул: «Эта книга — искажающий историю плод воображения!». Бесспорно, при создании романа не обойтись без силы воображения, оживляющей и расцветивающей сухие факты, однако создать сами эти факты с помощью воображения нельзя.

Исторический опыт убеждает нас в том, что историю не раз фальсифицировали, встречаются подобные попытки и в наше время. Нетрудно разоблачить откровенную ложь, но если она рядится в одежды художественной литературы, это придает ей нередко печать достоверности. Иной писатель обладает даром так обращаться с фактами, что черное легко меняется местами с белым. Если у такого писателя, например, аллергия к солнечным лучам, то он изображает солнце, как исчадие ада. А ночь и темнота, наоборот, покрыты для него романтической дымкой...

Повод для этих размышлений дал мне новый роман Александра Солженицына «Август Четырнадцатого».

Общепринято, что писатели публикуют свои книги в своей стране и на своем родном языке. Если произведение обладает художественными достоинствами и критика отнесется к нему благосклонно, оно нередко переводится на иностранные языки и издается за рубежом. Солженицын же представляет собой исключение из общего правила. Он сразу передал рукопись своего романа за границу

со всеми правами на публикацию. «Август Четырнадцатого» вышел не так давно в одном западногерманском издательстве и произвел на Западе в некотором роде сенсацию: еще бы, наконец-то мир получил «подлинную картину русского образа жизни»! Хотя роман повествует о событиях 1914 года, некоторые западные критики отождествляют его с современностью, усматривая основания для этого в самом произведении. Скандально известный корреспондент «Вашингтон пост» Анатолий Шуб, который в свое время передавал из Москвы в США разного рода измышления, щекотавшие нервы обывателя, теперь загнипнотизирован романом Солженицына. По его мнению, «Август Четырнадцатого» — обвинение, предъявленное Советскому Союзу и его общественному строю...

Враги Советского Союза искали и нашли в романе Солженицына четырех тузов для своего политического покера: царская Россия была просто идеальным государством; Октябрьская революция — большая трагическая ошибка; следствием революции явилось унижение нации; русские утратили чувство патриотизма. Этим четырех тузов Шуб и другие профессиональные карточные шулеры от политики прячут до поры до времени в рукаве, а в нужный момент выбрасывают их на стол, чтобы доказать «всемерную слабость» Советского Союза. Бедная история, которую Солженицын вкупе с шубами загоняет в угол, как провинившегося школьника!..

Очернители Советского Союза считают, что события 1917 года означали несчастье для русского народа. Но русский народ думал и думает по-другому. Он не хотел рабства, царского самодержавия и всеобщей неграмотности. Крестьяне не хотели больше пахать помещичьи поля. Они предпочли обрабатывать свою землю современными орудиями, которые дала им новая общественная система.

«Революция — это безумное, затаянное разрушение», — говорится в романе. Что ж, в известном смысле я готов присоединиться к этим словам. Если принять во внимание, что в СССР уничтожены неграмотность, социальное неравенство, сословные привилегии, то можно полностью одобрить такое «разрушение»...

Анализируя далее роман, западные критики разделяют и вытекающее из него мнение, что поражение русских войск при Танненберге открыло дорогу Октябрьской революции, во время которой «безответственная и неуравно-

вешенная интеллигенция» захватила власть. Бедная, бедная история, снова неудержимо краснеющая в своем углу! В действительности же Октябрьская революция уходит своими корнями в завершающие годы XIX века. Уже в 1905 году в стране проявилось всеобщее педовольство царской властью. В разных частях империи вспыхнули солдатские волнения, начались забастовки, вооруженные выступления рабочих и крестьян. Их организатором была отнюдь не «безответственная и неуравновешенная интеллигенция», а сам народ — крестьяне и рабочие. Революция совершилась по воле народа, который желал коренного изменения общественного строя. Несмотря на то, что в 1861 году была провозглашена отмена крепостного права, оно фактически существовало в разных проявлениях до 1917 года. В 1864 году было официально положено начало основанию народных училищ, но еще в 1914 году в стране было больше церквей, часовен и монастырей, чем школ. Царское правительство считало, что свет из окон монастырей и церквей вполне компенсирует неграмотность и недостаток образования.

Все это лишний раз показывает, что по меньшей мере наивно считать поражение при Танненберге «единственной причиной» Октябрьской революции.

Мы уже ссылались на то, что в романе говорится о «разрушительном, уничтожающем» характере революции. Однако причину разрушений и уничтожения, которые она с собой принесла, следует искать отнюдь не в революционной России и ее людях, а в тех силах, которые пытались восстановить власть царя. Именно они сеяли смерть и разрушения повсюду в России. Несмотря на заключенный в Брест-Литовске мир, военные действия продолжались. Англия, Франция, Соединенные Штаты Америки посылали войска в Мурманск, Архангельск и другие города. Омский правитель Колчак поставил своей целью завоевание всей России. Деникинская армия двигалась к Москве с юга. Барон Врангель овладел Крымом. В то же время продолжались атаки на Советскую Россию из Туркестана и с Кавказа, из Польши и Прибалтики... Все это еще раз показывает, что танненбергское сражение было лишь эпизодом первой мировой войны...

Если танненбергское сражение «сломило дух нации», как утверждают досточтимые истолкователи романа Солженицына, то как в таком случае объяснить само существование

вание нынешнего Советского Союза? Каким чудом этот «неграмотный мужик» и эта «безответственная интеллигенция», «не знавшая своей страны», смогли противостоять четверть века спустя фашистской Германии и победить ее?

В своем романе Солженицын восхищается высоким уровнем образования немцев и их военным искусством. Внимательный читатель может из некоторых намеков заключить, что автор был бы не прочь видеть немцев победителями в войне. Разумеется, этого хотели и сами немцы, которые намеревались превратить Россию в колонию милитаристской Германии. То же желание погнало нацистские армии в Советский Союз в 1941 году, когда Гитлер обещал за несколько дней повергнуть наземь «колосса на глиняных ногах».

В мировой литературе было немало случаев, когда писатель, описывая события одной эпохи, имел в виду другую, чаще всего ему современную... Относя события своего романа к дореволюционным временам, Солженицын пытается провести параллели с нашими днями. Однако внимательный читатель, хоть сколько-нибудь знакомый с историей Европы, быстро разберется, где зарыта собака. Если «Август Четырнадцатого» намеренно направлен против Советского Союза (а так утверждает, ссылаясь на роман, Анатолий Шуб), то именно про самого автора можно сказать, что он принадлежит к той «безродной интеллигенции», которая не знает свою страну и ее историю и которая не любит свой народ.

Разбираемый нами случай — не единственный в своем роде. Несколько лет назад один советский писатель, также не любивший свою страну и народ, отправился искать счастья в чуждой стране. Он сменил имя, провозгласил себя «гражданином мира» и... растворился в лондонском тумане.

Какова же мораль сей басни? — спрашивал часто дедушка Крылов. Может быть, в том, что человек эгоцентричный, с детства вскормленный, как говорят у нас в Финляндии, уксусом, желчный и асоциальный, который в припадке самолюбования не видит дальше собственного тула, такой человек или запутывается в своих умозрительных построениях и созданных собственным воображением исторических фактах, или бесследно исчезает в чужеземном тумане...

Весна и обувь

Зима прошла, оставив после себя грязные следы, а вместе с ней прошло и время коньков, шуб и шерстяных рейтуз. У газет появилась тема для первых полос: весна пришла! Весна, а с ней и радостные перелеты. Моль с купальников перебралась на шерстяное белье, ласточки из дальних теплых краев — в Финляндию, а астрологи от знака Овна к знаку Тельца!

Долгожданное солнышко, по которому все истосковались, засияло в полную силу; осветив лоснящиеся сзади брюки, немытые окна, тропы, проторенные через газоны парков, ухабы на дорогах, улыбки, исчезнувшие с человеческих лиц, и некоторые другие «секреты». Крестьяне начали разбрасывать на полях навоз, а поэты наносить приметы весны на бумагу.

К весенней теме обратилась и абстрактная лирика: к жучку, роющему проход в протухшей селедке, влюбленному кузнечнику, шепчущему на ухо мушке, одичавшему теленку, взгромоздившемуся на макушку березы, и человеку, возводящему высотные здания на обложке учебника психологии. Такая тематика отдает полоумием. Пожалуй. Во всяком случае в ней отражается прелестная мелодрама современности, в которой пристыженный разум загнан в угол, а безрассудство водворено в будку суфлера.

Все, что тупо и бестолково, — все абстрактно. На небе появилось странное световое явление. Человек с абстрактными взглядами решил, что это реклама мыла, а некий

великовозрастный философ считал, что это солнце. Философа упрятали в больницу для сумасшедших. На верхушке сосны трепыхалось какое-то удивительное крылатое животное. Обыватель-абстракционист окрестил его мыслью человека, а известный орнитолог клялся всеми фибрами своей души, именем старой жабы, что это существо — самая обыкновенная ворона. Орнитолога тоже заточили в лечебницу.

В парке сидел сердитый юноша и созерцал природу. Он имел все основания быть сердитым, так как купил себе слишком тесные ботинки. Попробуйте-ка вообразить, какой должна представляться жизнь, если нога 45-го размера втиснута в ботинок 42-го. Это нечто, граничащее с небольшим адом, заставляющим человека возненавидеть общество.

Сердитый молодой человек был последователем модных течений эпохи. Нога должна выглядеть маленькой. Такая мода была придумана в Китае еще тысячи лет назад. Но, поскольку расстояние от Китая до Финляндии велико, мода дошла до Хельсинки только нынешней весной. Она предназначалась для женщин. Однако фабриканты обуви сумели приспособить ее и для мужчин. Превосходный бизнес. Маленький узкий ботинок, острым концом которого можно гарпунировать комара или пробить дыру в щиколотке своего врага, напоминает об ограниченности эпохи, а следовательно, он преследует возвышенную моральную цель: почувствовать свою ограниченность.

Человеку мудро постичь свою духовную ограниченность, но тем острее воспринимают ее мозоли на ногах, которым лучшие энциклопедии мира дают такое торжественное определение:

«Мозоль (по-латыни каллоситас, по-гречески тилосис) ограниченное плотное разрастание верхнего слоя кожи, развивается при длительном давлении или трении чаще всего на пальцах ног, особенно у женщин, превращая порою жизнь в невыносимые страдания. Единственно верное средство лечения — перемена моды на обувь или сокращение количества пальцев на ногах до четырех или трех. В последнее время мозоли стали частым явлением и у мужчин, особенно наглядно это проявляется на торжественных и дипломатических приемах, обстановка натянутости которых скорее всего вызвана тесной обувью, чем политическими разногласиями».

Сердитый юноша явно страдал. Отвратительная, невыносимая весна, птичий свист на деревьях напоминает рев пожарных сирен. Солнце обжигает словно головешка, жужжание мух заглушает рокот автомобильных моторов, а газоны парка подобны колючему ложу индийских факиров. Все выглядело до раздражения тоскливым и тягостным. Почему? Так ведь мы уже говорили почему — из-за чересчур тесных ботинок.

И вот тогда в голове сердитого молодого человека уже забрезжили анархистские планы. Мимо по песчаной дорожке пробежала босоногая детвора. Сердитый юноша метнул на нее убийственный взгляд. Но постепенно гнев его остыл и мысль испытала превращение. Он снял ботинки, носки и на мгновение закрыл глаза. Инквизиция прекратилась. Он встал и подошел к газону, возле которого стояла обычная запретная дощечка с лирическим текстом, обращенным к финнам:

«Газон не попирай.

Труды природы уважай».

Двустипшие показалось ему плохим, сочинить такое способны только городские садовники, престарелые составители виршей, да одуревшие от весны школьницы. Сердитый молодой человек засеменял по травке. Ах, до чего же чудесно!

Сердитый юноша заметил, что две минуты назад в Финляндию пришла весна. Теперь он был веселым молодым человеком, готовым позволить жить даже старикам.

Но земные восторги человека не долги, а небесные под замком. У газона вырос полицейский, который предъявил юноше обвинение в бесчинстве, топтании газона и языческой пляске.

— Наслаждаюсь весной, — возразил сердитый молодой человек.

— Лжете! — сказал блюститель порядка. — Вы бесчинствуете. Будто читать не умеете.

— Слабенький стишок, рифма сейчас не в почете.

— Обувайтесь и следуйте за мной!

— Куда?

— В участок на допрос.

— Отлично! — сказал сердитый юноша.

— А что именно?

— Да то, что меня допросят. Хочу поделиться всем, что только знаю о весне.

— Надеть ботинки!

Сердитый молодой человек сел на скамью и стал покорно выполнять приказ. Но природа взбунтовалась — слишком малы. Еле перевел дух сердитый юноша.

— Я так и знал, что вы их стащили.

— Простите, я купил их два часа назад.

— Ладно, одевайтесь.

— Не лезут.

— А без носков?

— И без носков не лезут. Ноги распухли.

— Или обувь села?

— А босиком нельзя дойти? Как-никак весна сейчас.

— Прекратите зубоскальство. Пошли.

И сердитый молодой человек под конвоем отправился в участок. Он шел, весело мурлыкая, бодрое настроение передавалось с ног на голову. Его ботинки нес полицейский, а сам он весело топал, помахивая носками встречным прохожим.

— Топтал газон в парке? — спросил комиссар, снимающий допрос.

— Топтал, господин комиссар, — отвечает юноша. — Упоительное ощущение. Словно кончиками пальцев гладить щеку молодой девушки.

— Ближе к делу! Не пытайтесь обмануть правосудие. Итак, вы признаете, что намеренно топтали газон в парке? Вы сделали это умышленно или не умышленно? Ответьте!

— Намеренно! Намеренно! Эх, господин комиссар! Вот бы вам тоже попробовать. Сняли бы вы свои тесные сапожищи, расправились со своими предрассудками и айда на травку, отдающую свежестью, послушали бы пение птиц и вообразили бы себя ребенком...

— К делу! Ваше душевное состояние проверялось когда-нибудь? Вы не подвергались ранее наказанию?

— Никогда! Да, а затем прошлись бы по газону, открыли бы пошире рот и ноздри и дали бы весне проникнуть в свои затхлые легкие... Ах!

— Довольно! Хватит! Не пытайтесь изобразить ненормального. Ваша профессия?

— Я поэт, поэт-модернист.

Комиссар посмотрел на полицейского и шепнул ему:

— Безнадежное дело. Отпустите его. А обувь придержите для расследования.

Не посягай на репу ближнего своего...

Она была уже старушкой: ей было скорее под семьдесят, чем за шестьдесят. Она обожала строгость, боялась перевода на пенсию и ненавидела упрямую детвору. Тропа ее жизни была куда прямее пробора на ее убеленной сединой голове: на ней не было следов каких-либо извилин подъемов или спусков. Она была также и требовательна, внушала к себе уважение и страх. Более того: учащиеся должны были величать ее нейти*. Вся жизнь этой особы напоминала существование раковины: она жила только для себя одной и, как ей самой казалось, готовясь к жизни грядущей.

На стезе ее ристаний то и дело появлялись препятствия: жалкая изуродованная детвора, в которой селился порок. Однако она с достоинством переносила невзгоды, обламывала зубки духа, прорезавшиеся у крохотных агрессоров, и заглушала их протесты под прессом воспитательной работы.

В поселке проживала семья, на протяжении восемнадцати лет докучавшая и продолжавшая докучать нейти. Семья батрака в полном составе: одиннадцать ребят. Вечно кто-нибудь из них да бегал в школу. Это казалось нескончаемым, а порой и бессмысленным. Одиннадцать ребят!

Нейти — барышня.— *Прим. переводчика.*

Нейти ловко обращалась со счетами. Мысли ее бывали всегда поглощены ими. Когда ученики писали в тетради умные слова и в классе стояла нравственная тишина, нейти позволяла себе развлечься счетами. Это была ее лира, однообразие которой рождало набожное томление в невинной душе старой девицы. Впрочем, сегодня она снизошла к скучным будням народной школы, решив несложную задачку. В семье батрака Руоттила было одиннадцать детей, каждому из них предстояло шесть лет топтать сквозь узкую школьную калитку. Получалось 66 лет, что уже приближалось к возрасту нейти. И все как один: чумазые, пугливые и своевольные.

Нейти отложила счета в сторону и с высоты своей учительской кафедры окинула класс изучающим взором. В нем было свыше сорока юных человеческих душ. Кашляющих и шмыгающих. И посреди всего этого одиннадцатый Руоттила, второгодник третьего класса.

Мальчонка сидел за первой партой. Лицо у него было неопределенное: когда он щурился и морщил лоб, то совсем походил на старуху; когда же взгляд его глубоко посаженных глаз был устремлен вдаль, он напоминал Христа-младенца, выхваченного с престольного образа. Восковой худенький мальчик.

Нейти паренек внашал неприязнь. Почему, она сама не знала. Возможно, потому, что, оставшись на второй год, он добавил еще одно звено к школьной цепи семьи Руоттила. Теперь она насчитывала уже 67 лет. Чтобы убедиться в этом, не нужно было счетов. Бывает ведь в жизни что-то само собой разумеющееся и не поддающееся сомнениям.

— Урок окончен!

В голосе нейти слышались нотки некоторой усталости и пресыщенности. Ученики собрали тетради и отнесли их на стол к учительнице. Сборник мудрости третьего класса, сочинение на тему, заданную преподавательницей: «Что для меня всего дороже дома?». Любовь принудительная: не меньше двухсот слов. Своего рода минимум любви, минимум общинной народной школы. Но младшего Руоттила любовь сторонилась — он подал учительнице чистую тетрадь. Атмосфера в классе сгустилась, как небо, предвещающее явление отца-громовержца.

— А у тебя почему не написано?

Мальчонка зашепелявил, точно в рот ему набилось сухое толокно:

— Не получилось... Не сумел...

— Так ты и не старался...

— Нет, я старался, но у меня пичего не вышло... Очень уж трудно было...

У нейти зачесались руки. Она схватила указку и постучала ею о край стола.

— Тихо.

И тишина наступила. Укоризненная тишина. Перед классом стояли, глядя в упор друг на друга, беспомощная юность и беспощадная старость.

— Вот вам пример плохого ученика, — начала старая преподавательница. — Уроки не выучены, в тетради для сочинений — ни слова. А ну, ответьте: правильно это?

Никто не ответил, и наставница продолжала:

— Нет, неправильно. В наказание Аапо Руоттила всю перемену простоят за доской. А теперь ответьте снова: заслужил он это?

В классе стояла тишина, как в церковной ризнице. Преподавательница сама же ответила:

— Заслужил.

Затем она показала Аапо на доску, на которой четким почерком были выведены слова: «Что для меня всего дороже дома?» — и промолвила:

— Ступай-ка за доску да подумай там.

Мальчик повиновался. Он выглядел жалким, беспомощным мямлей. Чересчур большая блуза и длинные штаны дополняли безрадостную картину — Аапо Руоттила напоминал нищего, тянущего свою лямку.

Как только ненавистная курточка, прятанная внутри себя мальчонку, скрылась за доской, нежно предоставившей ему убежище, нейти повысила голос:

— Следующим будет урок рисования. Рисовать будете с натуры. Да, да, с натуры. Лена Тупала, ты принесла с собой репу? Ага. Отлично. Положи ее сюда на стол. Именно такую я имела в виду. Настоящая полевая репа с ботвой. Ну ладно, а сейчас ступайте на перемену!

Классная комната опустела, и в нее устремились струи кислорода. Он был общим достоянием, и его хватило и за доску.

Урок начался под знаком репы. И тут вдруг обнаружили, что репа пропала. Она исчезла с учительского стола

во время перемены. Взоры всех искали виновного. Но ни у кого щеки не покрылись краской виновности и краешки губ не сводила дрожь признания. Пришлось приступить к допросу. Это была китайская пытка, которой первым подвергся Аапо Руоттила. Волоча ноги, он вышел из-за доски и встал перед классом.

— Ты взял? Сознавайся! — прозвучал первый вопрос.

— Не-а...

— Ты видел кого-нибудь в классной комнате во время перемены?

— Не-а... Кого ж из-за доски-то увидишь?

— Что у тебя в карманах?

— Там ее нет.

— А ну, выверни сейчас же!

Последовало гробовое молчание, словно справляли поминки по усопшему. А затем по классу пронесся, подобно порыву ветра, шепот удивления. В кармане мальчонки оказалась половинка очищенной репы. Это рассеяло туман жалости и согнало строгость с насеста. Сочувствия как не бывало; оно потерялось в общем гомоне и шквале новых вопросов.

— Признавайся без уверток, ты украл репу со стола? Где кожица и ботва?

— Не крал я. Это репа, припасенная мною на завтрак. Я грыз ее за доской.

— Ты украл ее? Припасенная на завтрак, вот еще чего?

— Да-а. Мамка утром с собой дала. Но я еще не проголодался и малость оставил на обратный путь...

— И ты думаешь, тебе кто-нибудь верит? А ну-ка скажи седьмую заповедь.

— Седьмую?

— Да, седьмую!

Во взглядах мальчонки, которые он бросал на своих товарищей, были недоумение и беспомощность.

— Она кажется, начинается «Не посягай...».

— Что?

— Да, то есть «Не посягай на ближнего своего...».

— Замолчи! Что ты несешь?

— Не знаю...

— Как тебе не стыдно, ступай обратно за доску!

Яакко Вехвиляйнен ответит.

Синеглазый мальчик в последнем ряду поднялся и сказал:

— Нейти, наверное, имеет в виду: не посягай на репу ближнего своего...

— Вон из класса!..

Маленький, тщедушный похититель кислорода удалился из класса. Из-за доски послышался всхлип. Это была мольба о помощи, постепенно перешедшая в ожесточение: еще наступит день, когда и у меня будет чем перекусить, а не только одной репой...

И тут словно незримая фея явилась в класс, проплыла над партами, остановившись возле маленькой ученицы, пробудив и ободрив ее. Ученица подняла руку и, получив разрешение, сказала:

— Разве нейти...

— Что? Говори, раз уж ты собралась говорить!

— Я только... Да я ничего. Я хотела только спросить: разве нейти не убрала недавно репу в книжный шкаф?..

Душа, всхлипывавшая за доской, была услышана. Всклипывания прекратились. Волна жалости и сострадания всколыхнула класс. Репа нашлась в книжном шкафу. Учительница как-то сразу посерела. До ее сознания дошла печальная неизбежность: предстояло сделать шаг, решающий шаг — не по пути унижительного извинения, нет, еще дальше, — уйти на пенсию. Судьба ее решалась под знаком репы.

— Аапо, сядь на место, — сказала она надтреснутым голосом.

Мальчонка поплелся к парте, а мысль его была занята тем, как бы откусить кусочек репы. Он неожиданно для себя проголодался. А седая девица, вдыхая, села за кафедру, потеряла виски и устало промолвила:

— Сегодня у нас не будет рисования. Можете отправляться по домам.

Она выдержала небольшую паузу, а затем добавила более решительным тоном:

— И помните, чтоб больше не было реп на завтрак!

Жертва эпидемии

За последние дни я научился невероятно многому. Вот что значит проводить время в обществе умных людей. Народ они непрактичный, а потому хотят поучать меня, известного своей сверхпрактичностью. Практичного человека, говорят, считают наивно простоватым, а я не хочу прослыть простачком, так как это уже немодно. Модернист любит безумие, поэтому привычнее всего он чувствует себя перед зеркалом. Не исключено, что и мне придется обзавестись новым блестящим зеркалом. Старо стало брить голову или любоваться своим отражением в оконном стекле. Модернист бороды не бреет, он расчесывает ее. Для этого ему и нужно зеркало.

Я оптимист и твердо верю, что общение с умными людьми поможет мне осмыслить безумие. А когда я сам достаточно обалдею, то смогу напустить на себя и бестолковость. В наши дни это тоже модно. Как я уже говорил, я хочу прослыть модернистом — современным человеком. И, следовательно, если я начну городить чушь и бессмыслицу, то, предупреждаю, виноват в этом буду не я, поскольку это и для меня будет непонятным. Да и нет надобности понимать. В абстрактной живописи и литературе понимание, смысл — проданы с молотка. Однако до того, как знакомить вас с моими неудобопонятными фразами (сознательное мышление устарело!), я кратко расскажу, чему научили меня за неделю мои мудрые учителя.

Если вы позаимствуете абзац из чьего-нибудь произведения, вас обвинят в плагиате, если же вы присвоите абзацы из нескольких произведений, вас будут превозносить как литератора-модерниста, значит, всего умнее присвоить как можно больше, ничуть не беспокоясь о том, что счет когда-нибудь будет предъявлен к оплате. Модернисту незнакомы заботы. Для него любое утро — то самое завтра, которое так заставляет волноваться некоторых людей. Жить нужно в воздушных замках, потому что к преимуществам их относятся низкая квартирная плата и право вести себя, как кретин. Вчера мне захотелось познакомиться с этой дешевой обителью. Удобный случай представился для этого, когда мой приятель — критик, покровительствующий мне, пригласил меня на открытие выставки одного известного художника.

На ней было что посмотреть. Дамы демонстрировали новые моды на головные уборы, жена Z — свои уникальные серьги, художники и рецензенты-абстракционисты — свои аккуратно расчесанные бороды, а супруга министра X — своего карликового пуделя, выходной туалет которого был сделан на заказ в Париже, в салоне мод Диора. Все были восхищены выставкой. Мероприятие увековечили на кинолентку.

После вступительной речи было подано шампанское. А затем гости стали расходиться. Я тоже собрался уходить, да мой друг критик, неприятной обязанностью которого было дать в газету рецензию на выставку, уговорил меня остаться.

— Взглянем мельком на картины, — сказал он.

— В самом деле, здесь есть картины? — удивленно спросил я.

— Двадцать работ, — сказал мой приятель.

— Представьте, а я не заметил, столько всего было выставлено напоказ. Итак, гм... картины. А это что? По-видимому, забыл кто-то из гостей, а сторож повесил на стену.

— Это самый ценный экспонат выставки, — восхищенно заметил мой друг. — Посмотрим по каталогу. Называется он «Экстаз». Какой шедевр! Ты только взгляни на этот калейдоскопический сверкающий хаос. Художник окунулся в безвоздушную сферу абстрактики. Хобот слона вылезает из женского ушка, рождая иллюзию солнц, скитающихся в просторах звездных туманностей. Эта голова

селетки на крышке самовара — символ неугасимой жажды жизни — абстрактного движения. Змеи (прости, пожалуйста, это, как видно, кишки кашалота) напоминают бурю в кабаке, где одноглазый бык играет на трубе, а хромой ангел доит восьминогие козлы для пилки дров. Какая ослепительная дисгармония красок и форм! Черные папоротники, серая половинка яблока и клык кабана на борту космического корабля на пути в авторемонтную мастерскую.

Галлюцинации художника передают нам ощущение возбуждающего волнения. Посмотри на эти переливающиеся краски! Открытая раковина в бороде святого Петра; дуло пулемета, в котором цветет орхидея; мизинчик ноги младенца с подвешенной к нему цветной капустой. О, боже! Какое богатство в одной картине. Могу сказать тебе, что «Экстаз» — лучшая картина века. Она драматизирует, потрясает, воодушевляет, рождает мистицизм, создает ритм, подчеркивает человечность, сближает людей...

Отдышавшись, мой друг собрался продолжить анализ картины, но сторож снял шедевр со стены и, извиняясь, промолвил:

— Забыл рабочий халат, прошу, не сердитесь на мою оплошность. Надеюсь, она не испортила вашего эстетического настроения.

Но это небольшое происшествие не смутило моего приятеля. Под его руководством я познакомился с другими экспонатами выставки и невероятно поумнел. Мой друг, критик, нашел во мне послушного и старательного ученика. Он был восхищен моей непредвзятостью и смелостью и увещевал меня не терять из виду современных мастеров.

— Забудь старые догмы! Будь абсурдистом!

— Прощай, умишко! В похмелье свидимся, — ликуя ответил я, словно ребенок, заметивший, что ползунки вполне сойдут за соску.

— Как писатель будь тоже непредвзятым по примеру художников, — продолжал мой друг, когда мы покидали выставку, направляясь перекусить в небольшой ресторан. — Бессмертные творения создаются только сумасшедшими и пьяницами.

— Что господам угодно? — спросил подошедший официант.

— Что-нибудь абстрактное, — сумничал я, стараясь показать себя достойным учеником. — Принесите на пер-

вое кусочек слоновьего хобота в анилиновом соусе с галлюцинациями, немножко монфигуративной колбасы, выдержанной в подсознании и зажаренной в дантовском аду, с гарниром из вязальных спиц... Пить будем молоко ангела или два метра мороженой динамики в дадаистском саксофоне...

Официант принял заказ, извиняясь и сетуя на то, что окончил всего два класса начальной школы. Он бросился за метрдотелем и поваром.

— Недалекий человек,— бросил мой приятель.— Наверное, вовсе лишен дара юмора. Ну, как не понять твоей невинной шутки!

Официант вернулся к столику, сопровождаемый метрдотелем и поваром.

— Пьяных запрещено обслуживать,— заявил он.

Я попытался объяснить, что я писатель и всегда, проголодавшись, выражаюсь путано, что мой приятель рецензент и обещает оплатить наш завтрак. Объяснения не помогли. Меня препроводили к врачу, а моего приятеля — в редакцию газеты писать рецензию на выставку. Врач определил меня в больницу, а мой друг остался на свободе. Наутро в моей комнате появился крупнейший специалист-психиатр, который принялся задавать хитрые вопросы.

— Когда у вас появились галлюцинации?

— Вчера.

— Где?

— На художественной выставке.

— Гм... гм... вот как. А вы кто будете по специальности?

— Писатель.

— Ага, значит, пишете книги? Какие?

— Старомодные. Но сейчас я решил стать писателем-абсурдистом.

Врач пристально наблюдал за моим лицом, проверял рефлексы суставов и вдруг спросил:

— Вы грамотны? Я хочу сказать, вы умеете читать?

— Я без труда читаю: чужие мысли, сокровенные чаяния людей, цвета, формы, все...

— А газеты?

— Тоже.

Врач раскрыл передо мной газету.

— Читайте.

— Что?

— Что хотите, только из этой газеты.

Я принялся читать: «Выставка передает нам новые, еще неизведанные ощущения. Просто поразительно, с какой безошибочной интуицией художник паходит динамичную эротику под хвостом у мыши, с каким зажигающим великолепным гротесковым ориентизмом он передает ту всемирную боль, которая вколочена сковородкой в глаз упившегося осьминога в подсознании бескрылой мухи...».

— Довольно! Хватит!

Врач выхватил у меня из рук газету и принялся читать сам. Он кусал губы, грыз ногти и карандаш. Наконец, успокоившись, он произнес:

— Вы жертва эпидемии. Ступайте домой, примите холодный душ и избегайте общества умных людей. И всегда помните, что огонь обжигает, лед холодит, а полутьма ведет к сумасшествию.

Часа два назад мне стало известно, что мой приятель критик назначен членом Академии художеств и профессором кафедры абстрактного искусства при университете. Когда я обмолвился о случившемся со мной одному из друзей-писателей, тот ухмыльнулся:

— У него природный дар для такой работы: он от рождения дальтоник, и в глазах у него дефект преломления.

Поэты №№ 20, 25 и 26

Мое самолюбие в последнее время сильно ущемлено: некоторые друзья начали называть меня консерватором. А ведь еще каких-нибудь два месяца назад меня почитали за радикала, излюбленным занятием которого является снабжение общества вентиляционными устройствами. И вдруг мне самому предлагают проветриться.

Все началось с того, что неодолимое любопытство привело меня на прошлой неделе в один из скверов родного Хельсинки, где собралось свыше тысячи налогоплательщиков. В сквере шло несколько необычное строительство. Посредине стояла отлитая из бетона плита, на которую водружали ржавый камин. Труба от него уходила ввысь, а к концу был прикреплен старый таз, самый обычный таз, в котором мать семьи имеет обыкновение ополаскивать личико своего малыша и то, чем кончается его спинка. Внизу к камину были приварены печные конфорки, дверцы, велосипедная рама, железный ломик, три подковы, всевозможная кухонная утварь, а также добрый десяток метров металлической цепи. Трое в комбинезонах суетились возле него со сварочными аппаратами. Их усилия направлял молодой человек.

Я обратился к одному из присутствующих:

— Что это за чудо-штуковину они мастерят?

Мужчина смерил меня уничтожающим взглядом и повернулся спиной. Но любопытство все сильнее разбирало

меня. У фантазии выросли крылья. Воображение уже рисовало передо мной чуть ли не современный домашний универсальный агрегат, подогревающий воздух и воду, поджаривающий хлеб и рыбу, споласкивающий белье и ребятишек, выводящий собаку и приковывающий на ночь к кровати супруга, привыкшего к ночным шатаниям. Очевидно, я выражал свои мысли вслух, так как мой друг ущипнул меня за руку, раздраженно заметив:

— Какой позор! Какая отсталость! Ведь эта скульптура — творение нашего знаменитого молодого дарования Петтери Пухкунена, которого в большом свете называют не иначе, как Микеланджело XX века.

Я стал заикаться:

— Да, но... но... какая же это скульптура?..

— Это абстрактная скульптура! — зло оборвал меня друг.

Я позволил себе заметить что-то такое, от чего толпа присутствующих едва не растоптала меня. Сознание вернулось ко мне на краю скверика. По-видимому, меня попотчевали резиновой дубинкой.

Шагая в людском потоке, удрученный мыслями о своем консерватизме, я вдруг вспомнил, что в актовом зале университета вот-вот должен начаться вечер: «Час поэзии для народа». Поэзия — это словесный опиум, утверждают бизнесмены и политики. Памятуя о том, что когда-то и я сам был рабом этого порока, я решил выкурить трубочку. Все билеты оказались проданными. Но, предъявив членский билет союза писателей, журналистскую карточку, пачку больничных счетов и налоговую книжку в придачу, я протиснулся в зал. Как раз конференсье знакомил аудиторию с бородатыми лириками, только что удостоенными государственной премии и права появляться в обществе в нетрезвом виде. Поэты готовились порадовать благодарную аудиторию своими новыми стихотворениями.

На трибуну поднялся поэт № 20. Скрестив руки на груди, он трижды издал страшный вопль. Наступило молчание. Поэт удалился. Его сменил литературовед, растолковавший аудитории содержание стихотворения:

— Вы, конечно, вздрогнули? — сказал он. — Так реагируют все почитатели поэзии на истинную лирику. Поэт № 20 прочитал вам свое стихотворение «Мука человеческая». Желающие могут приобрести грампластинку с записью этого стихотворения и прослушать его на дому.

На трибуну взошел поэт № 25. Пожаловавшись на хрипоту, он «продекламировал» свое творение с грамзаписи. Среди множества посторонних звуковых эффектов мне удалось уловить следующие строфы:

Браво, immaculata-мелас,
Хигляндс,
Бурнус, Бюро Верита —
бизнес, —
Траума, траинг-айне Райзе,
виши, водка.
Хювя, файн, хороший, а ля мод.

— Что за чертовщина? — спросил я у стоявшего рядом эстета.

— Шш... Поосторожней выражайся. Это интернациональная международная абстрактная лирика. Купишь поэму — получишь в придачу словарь иностранных слов и необходимые пояснения.

Но вот на трибуну поднялся поэт № 26, волоча за собой огромное зеркало. Укрепив его, он принялся что было сил дышать на гладкое стекло. Спустя минуту поверхность слегка запотела. Поэт вывел на зеркале пальцем два слова «Все исчезает» и... исчез с глаз аудитории. На сцену снова выплыл литературовед-комментатор.

— Поэт № 26 — один из наиболее абстрактных представителей нашей абстрактной поэзии. Он имеет обыкновение оставлять свои стихи на льду или торте из мороженого, ну, а сейчас, разнообразия ради, воспользовался стеклом. Вы спросите — почему? Ну, разумеется, потому что ничто не вечно под луной. Вы сами были свидетелями исчезновения его шедевра. Поэт № 26 считает, что чем больше поэты будут создавать мгновенно исчезающих стихов, тем больше поэм и поэтов будет способен вместить наш мир. Гениально, не правда ли?

— Черта с два! — вырвалось у меня вслух. Тут меня снова стукнули. Очнулся я уже на лестнице университета. Эстет растирал мне виски одеколоном и отечески журил:

— Ну, чем ты не Платон, который готов был изгнать всех поэтов из своего государства?

Меня сравнили с Платоном! Это придало мне столько свежих сил и смелости духа, что я тут же направил свои стопы в ближайший ресторан «Лукулл», решив разобрать-

ся в проблемах своего консерватизма за рюмкой водки. Ресторан был еще пуст, ибо посетители имеют привычку появляться только тогда, когда на эстраде начинает играть оркестр. Хорошенькая официантка принесла за мой стол скромную закуску и порцию водки. Но не успел я прикоснуться к еде, как рядом, из кабинета вдруг раздался страшный шум и треск. Какая-то женщина пронзительно кричала о помощи, послышался собачий лай, падение мебели, застрекотал пулемет. Я бросился в фойе, чтобы вызвать полицию и пожарных, но швейцар ресторана в бешенстве гаркнул:

— Постой, дурень! Оркестр разучивает в эти часы новые западные танцевальные мелодии.

— Прошу прощения... Я, наверное, нездоров... Мне чудились вопли о помощи, перестрелка...

— В этом-то и состоит соль конкретной музыки. Жаль-жаль, что слух и вкусы у тебя отсталые.

Так я стал консерватором.

Жалуясь домашнему врачу на житейские невзгоды, я услышал от него утешительный совет:

— Не впадай в отчаяние. Рекомендую тебе на время забросить все свои литературные занятия и попытаться в других областях искусства: начинай сваривать печенье конфорки, попробуй выводить слова на ледяных катках — и почему бы тебе, собственно, не заняться изучением стрельбы из пулемета?..

В самом деле — почему?

Улов

На страницах газет западного мира в последнее время усиленно обсуждается сложная проблема: как быть дальше с водоемами. Дело в том, что отходами промышленных предприятий уже загрязнены тысячи озер и рек. Теперь на очереди океаны. В Финляндии насчитывается свыше 60 тысяч озер, многие из которых уже до такой степени загрязнены, что на берегах появились предупредительные щиты: «Жупаться запрещено!». Если какой-нибудь упрямец ринется в воду, несмотря на запрет, то он очень скоро выскочит на сушу и побежит искать ближайшую баню или хотя бы горячий душ, чтобы отмыться. Если же он, наплевав на гигиену, поплавав, оденется и покажется на людях, то все тотчас узнают, что он купался в запрещенном месте. Предательский запах выдаст его. Аромат этих вод сильнее мускуса и амбры, пристаёт к телу крепче пластыря.

Но не только промышленные предприятия портят воду в наших водоемах. С ними успешно соревнуются населенные центры. В старые добрые времена, когда еще жива была романтика, воды озер и рек были светлы и прозрачны, а пляжи сияли первозданной чистотой. За аккуратными домиками, на прелестных задних двориках едва виднелись меж кустов симпатичные дощатые строения с прорезанными в дверях окошечками. Здесь жители домиков проводили часть своего времени, перечитывая старые газеты и задумываясь над явлениями жизни. Труженики полей, садоводы и огородники относились к этим приютам уединения с большим уважением.

Стремительный технический прогресс двадцатого века давно унес прочь всю романтику. Среди некогда тихих пейзажей поднялись многоэтажные каменные дома. Все то, что прежде рачительные земледельцы берегли и ценили на вес золота, ныне ринулось в жерла чугунных труб и понеслось неудержимым потоком в озера и реки. И вода в водоемах побурела, как пиво. В своей страсти к чистоте человек изгадил природу. Влюбленные теперь уже не катаются на лодочке. И любители-рыболовы по воскресеньям не рассаживаются на бережку, чтобы на приволье закусить и перекинуться в картишки. Романтике нанесли тяжелый удар. Седовласые лимнологи злорадствуют: «Мы ведь предупреждали!..».

Минувшим летом я почувствовал неодолимое желание навестить милые моему сердцу места, где провел детские годы. Особенно хотелось увидеть красивое озеро, на берегу которого я мальчишкой удил, бывало, окуней. Меня ждало горькое разочарование. Берега озера теперь сплошь застроены новыми домами. На пристани, у схода к воде, красуется вывеска: «Купаться и стирать белье запрещается!».

На набережной я встретил нашего старого деревенского кузнеца, который некогда слыл заядлым рыболовом. Ему недавно перевалило за восемьдесят.

— И вы по-прежнему рыбачите? — спросил я у него.

— А как же, — ответил он. — Вот только недавно вернулся с озера.

— И много наловили?

— А то как же? Здоровенный улов. Выловил тридцать две винные бутылки и четыре заплатанные автомобильные шины. На спиннинг поймал разбитую детскую коляску, ведро и птичью клетку. А потом на обычную удочку выудил два ботинка, четыре банки из-под сардин, а потом...

— Ну, а рыба?

— Рыба?

— Ну да, рыба.

Старик покачал головой и со вздохом сказал:

— Никакой рыбы в этом озере нет. Вся перевелась. Как построили на том берегу бумажную фабрику, а тут кругом эти большие дома, так ей и конец.. ни живиночки не осталось.

— Для чего же вы тогда рыбачите? — подивился я.

Старик усмехнулся:

— Для очистки вод. Ну, и как-никак все же улов.

Знакомлюсь с Израилем

1. От Адама до «фантома»

Вступив семи лет от роду на тернистый путь познания, я сразу окунулся в удивительный мир священной истории. Религия была тогда обязательным предметом начальной школы, а десять заповедей — бестселлером дня. С первых же уроков нас просвещали, что женщина создана из ребра мужчины, а первая в мире брачная чета обитала в саду Эдемском. Попутно откуда-то забрасывалась мысль: «Если существует книга книг библия, если есть библейский народ-избранник, нет ли и современного варианта библейской страны?..»

С возрастом, вытесняя закон божий, приходили подлиннее знания. К пятнадцати годам для меня уже поблекла красочность мифов Ветхого завета о возникновении мира и народе, пользуемся протекцией небес.

Но что это? Сегодня я слышу в эфире знакомые псалмы из моего детства. Радиоголос Тель-Авива уверяет, будто нынешнее израильское государство является прямым преемником «библейского Израиля» с его лозунгами «мира и любви». Последнее замечание заинтриговало меня. Мир да любовь были всегда близки моему сердцу. Поразмыс-

лив, я решил оставить дома свои политические предубеждения и отправиться в двухнедельное турне, чтобы лично познакомиться с сегодняшними обитателями «святой земли». Не исключая грешников, разумеется.

Готовясь к поездке, освежил в памяти события 1948 года. Гуманным актом представителей многих стран мира было создано тогда государство Израиль. В то время предполагалось, что еврейское государство будет создано в Палестине таким образом, чтобы не нанести ущерба гражданским и религиозным правам местных нееврейских общин, не ущемить их политического положения.

«Если бы это было так!» — не раз говорил я себе, колеся по провинции и городам Израиля. За окном автомашины проплывало другое: страна, где на каждом шагу культивируется идея расового превосходства народа, которому якобы обещана роль пастыря человечества. На пропаганду идеи «богоизбранности» тратятся миллионы израильских фунтов. Какие сдвиги в человеческом сознании куплены на эти деньги, показывает вот этот короткий диалог из моей израильской записной книжки.

Французский турист:

— В чем все-таки причина существования в Израиле трущоб?

Израильтянин:

— Ленивые арабы отлынивают от работы.

И так на каждом шагу, в большом и малом сквозит привитое официальной пропагандой высокомерное презрение к другим нациям и народам. Божественная избранность евреев — главная тема учебных программ в Израиле, основное содержание здешних религиозных проповедей.

В зале заседаний израильского парламента — кнессета — меня сурово рассматривал с портрета отец сионизма Теодор Герцль. Это он обронил в минуту откровения: «Для пропаганды наших идей нам незачем созывать собрания с их неизбежной болтовней. Эта пропаганда войдет как составная часть в богослужение».

Под молитвы и свершает Тель-Авив свои пропагандистские чудеса. Агрессия Израиля против арабских народов выдается за «патриотическую войну». Соответственно,

резолюция Совета Безопасности ООН, призывающая Израиль вернуть захваченные земли, клеймится как «унижительная и несправедливая», поскольку, мол, вся Палестина издавна принадлежит Израилю. Под Палестиной тут подразумевается ее библейский вариант — территория, охватывающая помимо нынешнего Израиля Иорданию и район Газы. Отсюда рукой подать до бредовой сионистской идеи создания «великого Израиля от Нила до Евфрата».

Еще один диалог из путевого блокнота. Норвежский пастор любопытствует в беседе с депутатом кнессета:

— Каким же образом Израиль намерен вселиться в эти новые границы?

— Мы следуем завету пророка: «Огнем и мечом ты завоюешь землю, которая принадлежит тебе».

— Так вещали пророки, а что говорят политики?

— То же самое. Наш первый президент Хаим Вейцман встретил переселенцев в порту Хайфы словами: «Как хорошо, что дети Израиля через две тысячи лет вернулись домой. Теперь их уже не изгнать со своей земли». Президент был прав — сегодня за нашей спиной стоят три могучие силы.

— А именно?

— Господь бог, сионизм и США.

Итак, ангелы небесные парят здесь в кабинах «фантомов». Можно только поражаться цинизму этого тель-авивского симбиоза религии с военным разбоем. Да попутно и с бизнесом различного калибра.

Израиль семидесятых годов усиленно превращают в туристическую достопримечательность для верующих. Официальные гиды просвещают толпы пилигримов историями из Ветхого завета примерно в таком духе:

— Вот здесь Авраам собирался принести в жертву господу сына своего Исаака. Место жертвоприношения свято. Тут неподалеку был сад Эдемский, где резвились Адам и Ева. Место это свято...

И так до бесконечности. «Святое место» стало верстаком, где делают не только политику — попросту делают деньги. Броские проспекты рекомендуют туристам запастись в дорогу круглой суммой на сувениры и местные редкости. В одном из магазинов мне пытались чуть ли не силой всучить этакий подарок для жены со «святой зем-

ли» — ожерелье, изготовленное будто бы из ракушек Генисаретского озера. Рассмотрев сувенир, я заметил на его цепочке крохотный ярлычок: «Сделано в Калифорнии».

Ох, уж это тщеславие! Одна из трех «могучих сил» все-таки не удержалась от автографа!..

2. Эти дорогие дешевые апельсины

Солнце заходит за крыши синагог в Яффе, пригороде Тель-Авива. Бьет час любопытных вечерних сходок, именуемых «собраниями прозрения» — их пунктуально проводят здесь каждый второй вторник.

На первый взгляд кажется, будто идет чисто религиозное действие. Эксперты-текстологи разъясняют желающим чудеса из Ветхого завета. Демонстрируются кинокартины, в цвете и стереозвуке прославляющие «святую землю» с неизбежными экскурсами в библейскую историю. В титрах фильмов, как правило, стоит уже знакомое «сделано в США».

По-прежнему приносит немалые сборы лента «Его земля», съемки которой финансировал небезызвестный американский евангелист Билли Грехэм. Этот деятель сколотил огромное состояние за счет подобных сборищ «прозрения», устраиваемых им в разных частях земного шара. На постоянной службе у бизнесмена от религии состоят одиннадцать секретарей. Они-то и пишут за своего «пророка» проповеди, низвергающие громы и молнии на иноверцев. Не покидают здешнюю киноафишу и «Сухие мощи», созданные Ш. Линдсеем — другим видным западным специалистом стричь купоны с библии.

Но вот в тоге религии вползает официальная пропаганда. Быстро начинаешь понимать, что истинная цель вечерних «собраний прозрения» в Яффе — укрепить у новых иммигрантов веру в принципы сионизма. Эта миссия возложена на так называемых свидетелей. Фамилии свидетелей замалчиваются. Они для присутствующих лишь братья и сестры, которых господь спас от ада для счастья и блаженства на «святой земле».

На трибуне — брат Михай:

— Я перенес в своем сердце тяжелую борьбу, прежде чем решился прибыть в Израиль,— напевно причитает

он. — Ветхий завет открыл мне истину. В городе, где я родился, преследовали евреев и убили их там 15 тысяч душ. Господь спас меня. Теперь мне удалось покинуть Советский Союз, и я могу засвидетельствовать перед вами свою веру...

Ни сам брат Михай, ни местная газета, охотно опубликовавшая его «исповедь», ни словом не обмолвились о том, кто же конкретно виновен в расправе над евреями. Так для братьев и сестер создают видимость, будто геноцид следует отнести за счет советских властей. Председательствующий, разумеется, не счел нужным напомнить, что на массовых убийствах евреев в Советском Союзе в 1941—1944 гг. набили руку немецкие нацисты, тоже, между прочим, причислявшие себя к «избранной расе».

Около семи десятков лет назад отец сионизма Теодор Герцль изрек: «Наши чернорабочие... двинутся прежде всего из большого русского и румынского резервуаров». Выполняя этот завет, сионисты берут на вооружение догмы расовой исключительности, заманивая ими в Израиль евреев из всех стран мира. Чтобы удержать обманутых, в ход, как видим, идет ложь, выдаваемая за «прозрение».

А удерживать приходится. Иначе иммигрант, забредший в сегодняшние израильские кущи, частенько испытывает неодолимое желание повернуть назад. Вербовщики обычно сулят переселенцам хорошо оплачиваемую работу, квартиры со всеми удобствами, всевозможные социальные льготы. Только в тель-авивском аэропорту Лод вновь прибывшие узнают: страна охвачена острым жилищным кризисом.

— Можем предложить барак, к сожалению, неблизко, — жестко сообщает чиновник иммигранту. Последний потрясен, но, к счастью для своего здоровья, пока еще не знает, что это «неблизко» может означать: где-то в пустыне Негев.

На виду и другие проблемы. Вспоминаю речь, которую держал во время визита в Швецию министр иностранных дел Израиля Абба Эбан. «Израиль, — заявил он с присущей ему скромностью, — единственное государство в ООН, где язык сохранился таким же, каким он был 3000 лет назад». Но позвольте, г-н министр, мне показалось, что значительная часть населения Израиля говорит на так называемом идише, пестрой смеси немецкого диалекта с ивритом и славянизмами. Разве этот язык был в ходу 3000 лет

тому назад? Ясно, что многим переселенцам, прежде чем они приспособятся к трудовой жизни, придется заняться изучением официального языка страны.

На аэродроме в Тель-Авиве мы разговорились с молодым шведом еврейского происхождения, который проработал в Израиле восемь месяцев.

— Почему возвращаешься на родину? — спросил я.

Юноша провел рукой по мягкой, как пух, бороде. Ответил серьезно, сосредоточенно:

— Разочарован. Не согласен жить черт знает где, работать в киббуцах бесплатно, только за пропитание. Не хочу, чтобы правительство доило из меня средства для продолжения войны. Лучше домой. Как-никак у родителей мастерская по обивке мебели...

Чтобы остановить отток даровой рабочей силы, поворовски выкачанной из европейских «резервуаров», и снаряжают читать лживые проповеди «свидетелей» вроде брата Михая. Тем же целям служат мемориальные комплексы, где отражена трагическая статистика массовых убийств евреев во время второй мировой войны. На мраморных досках выбито: столько-то тысяч евреев было уничтожено в различных районах Советского Союза. Кто убийцы — догадайся сам. И так во всем — подтасовываются или замалчиваются факты, чтобы создать представление, будто в Советском Союзе царил и продолжает царить антисемитизм.

Благодаря даровой рабочей силе Израиль может поставлять на мировой рынок сочные, сравнительно дешевые апельсины сорта «Яффа». Но дешевые апельсины стоят дорого. Они оплачены искалеченными судьбами легковверных, погнавшихся за химерой сионистского «рая». Они политы потом тех же иммигрантов, вынужденных работать в киббуцах только за пропитание, а также местных арабов.

После массового изгнания арабов подавляющую часть трехмиллионного населения страны или 2 300 000 человек составляют евреи. Но самую тяжелую и грязную работу выполняют арабы, христиане или еврей-переселенцы, не знающие иврита. Теоретическую подоплеку точно раскрывает вот эта ироническая реплика нашего гида:

— Тысячи лет тому назад господь запретил народу-избраннику заниматься земледелием, освободил его от

грязных и тяжелых работ. А у наших властей, видать, прямая телефонная связь с небесами.

Конечно, и среди израильтян немало тех, кто трудом добывает хлеб насущный. Но право на сколько-нибудь сносное существование им приходится отстаивать в повседневной борьбе. Забастовки сотрясают Израиль. Однако израильские толстосумы глухи к тяготам бедняков. Еще в начале века сионисты не сеяли иллюзий насчет природы своего государства. Упомянутый Теодор Герцль с беззащитной откровенностью предсказывал: «Богатым евреям, вынужденным сейчас прятать свои сокровища и пировать при опущенных шторах, там можно будет свободно наслаждаться жизнью».

Прогрессивные силы страны сдерживают пропагандистские покрывала с этих замыслов. Они выступают против любой дискриминации и национального угнетения, за единство народных масс — еврейских и арабских. Шагая по улицам израильских городов, я спрашивал себя: сумеет ли здравый рассудок народа преодолеть нависшую над страной угрозу и обеспечить ей достойное будущее. Оно, это будущее, — в содружестве с народами мира, а не в тщетных потугах возвыситься над ними.

3. Господин Леви, сменивший имя

Без спутников, с картой в руке я отправился побродить по трущобам Яффы. Солнце жгло немилосердно. Узкие извилистые улочки были забиты грязью, мусором и ребятишками-попрошайками. Раздав восемь израильских фунтов, я смекнул, что мне не по карману обеспечить всех обездоленных. В конце концов, турист не в силах сделать того, что входит в обязанности государства. Стоило большого труда избавиться от преследовавших меня нищих. Помог молодой полицейский, отвесивший им несколько оплеух.

Проблуждав около часа, я остановился возле небольшого кафе, где несколько столиков было вынесено прямо на тротуар. Чуть поодаль, метрах в пяти, дымилась куча свежего навоза, напоминая, что у «рая» есть задворки.

Подошел официант — юноша в переломном возрасте, бойко говоривший по-английски. Он начал декламировать

меня, предлагая блюда, звучавшие весьма заманчиво. Из бдительности я ограничился бутылкой апельсинового сока. Так и есть — она стоила полтора фунта.

Мимо моего столика сновали женщины с тяжелой поклажей. Их мужья шагали рядом, засунув руки в карманы. Равноправие мужчин и женщин, как видно, осталось в Эдеме, а израильским Евам была отведена роль вьючных животных и родильных машин.

На столик упала тень человека. Ко мне присматривался мужчина средних лет в запыленной спецовке и кепке, измазанной известкой.

— Англичанин? — спросил он на ломаном английском.

— Нет, я из Северных стран.

— Говорите по-французски?

— Немножко.

Незнакомец сразу как-то сбросил с себя скованность и перешел на сносный французский, сообщив, что у него как раз обеденный перерыв.

— А где вы работаете? — поинтересовался я.

Он неопределенно махнул рукой в направлении конца улочки.

— Вон там ремонтируется старый дом, вожу туда на тачке кирпич и известку. Работа не мед: таскать-то приходится за двести метров.

— А что, о грузовиках здесь не слышали?

Собеседник вяло усмехнулся:

— По таким лабиринтам грузовая не пройдет. Остаются ослы да тачки. Не привычен я к такой работе. Совсем выдыхаюсь.

— Так вы не строитель?

— Нет. Занимался точной механикой. Но поскольку не знаю иврита, не могу получить и работу по специальности.

— Значит, вы приезжий?

Он промолчал.

— Случайно, не из числа новых переселенцев? — настаивал я.

— К сожалению, да...

— Отчего же к сожалению?

Мужчина спохватился, будто поведал мне государственную тайну. И в свою очередь перешел в атаку.

— А вы откуда?

— Из столицы Финляндии — Хельсинки. Как турист знакомлюсь с этой страной, о которой много говорят и мало знают. Я не христианин, не иудей, не мусульманин. Признаю только одну веру — в человечность...

Мой собеседник пододвинул стул поближе и, словно вспоминая, повел рассказ о своей жизни. Он прибыл с женой в Израиль ранней весной. Надеялся на обещанное: хорошее место, двухкомнатную квартиру. Ни того, ни другого получить не удалось. Можно было поселиться в бывшем лагере палестинских беженцев недалеко от Иерихона. Но он предпочел трущобы Яффы жалким баракам.

— Вот и живу пока у кузена. Жалко, что у него только одна комната. Тесно, все-таки шестеро взрослых. Не привык я к такой тесноте. Как-никак раньше была квартира из двух комнат с кухней, красивым балконом и свой сад...

— Какую же страну вы покинули?

— Какое это теперь имеет значение. Возврата к старому нет...

— А если уехать обратно?

Мужчина мрачно развел руками:

— Куда уедешь с пустыми карманами? Сейчас я ничто... У меня нет родины... Никогда не прощу кузену, что он сманил меня с женой сюда... Никогда...

— А где, кстати, жена?

— Там, — кивнул тот в сторону распахнутой двери.

— Не познакомите меня с ней?

Мужчина равнодушно пожал плечами. Мы встали и перешли в кафе. За длинной стойкой маячили хозяин и его сын официант — тот самый юноша в переломном возрасте. Стоя на коленях, молодая женщина подтирала растрескавшийся каменный пол. Увидев меня, она стремительно поднялась, схватила тряпку, таз и скрылась в дымной кухне.

— Не хочет ни с кем встречаться, — смущенно обронил муж.

— У нее нет никакой профессии? — поинтересовался я, когда мы вернулись к столику.

— Как же, есть. Она учительница. Могла бы преподавать испанский язык, да кому он здесь нужен. Вот и гнет спину над тазом и тряпкой. Хозяин-то вообще симпатичный человек, платит ей по шестьдесят фунтов в неделю...

Мужчина продолжал скрывать свое бывшее гражданство. Вспомнив репортерские навыки, я без обиняков спросил:

— Простите, как вас зовут?

— Местным жителям было трудно произносить мое имя, поэтому сменил. Теперь меня зовут Леви. А жену здесь называют Дебора...

Леви вдруг смерил меня пристальным взглядом. Его вопрос прозвучал неожиданно:

— А вы бывали в Советском Союзе?

— Много раз.

— А в Грузии были?

— Ну, разумеется. Чудесная страна, где у меня столько друзей. А Тбилиси, это же маленький Париж!

На Леви было больно смотреть: его губы дрожали. Он поднялся, было пошел, но вернулся.

— Простите, не найдется у вас сигареты?

Я достал пачку. Леви сжал ладонями мою руку и заглянул в глаза.

— Большое спасибо... Я не забуду...

Не оглядываясь, он покатил свою тачку к стройке. Я допил апельсиновый сок и пошел в другую сторону — к центру города.

Шагая, я вспоминал поговорку, что одна ласточка весны не делает. Судьба моего собеседника не могла дать мне полного представления о проблемах переселенцев в Израиле. Некоторые из приезжих нашли работу по специальности. Однако и судьба Леви не исключение. Западная пресса пишет, что ежегодно в Израиль прибывает около 40 000 иммигрантов. Но одновременно идет и обратный процесс. С 1948 года страну покинуло свыше 300 000 человек.

Когда-то и они казались себе искателями счастья, летящими на звуки «гуслей Сиона». Но поняли: можно сменить гражданство, имя. Нельзя менять родину.

4. Лимузин марки «Верблюд»

Ветер или чья-то опытная рука забросили в окно моего гостиничного номера в Иерихоне листовку. Текст гласил:

«Мировая история не знает случая, когда бы для жителей оккупированной страны — как прежних, так и новых — были созданы столь блестящие условия, какими

располагает население земель, воссоединенных с Израилем в ходе шестидневной войны 1967 г.»

Сказано броско, но мысль для меня не нова. Нечто подобное я уже занес в свой блокнот со слов нашего местного гида, в прошлом лютеранского священника, обращенного в иудаизм.

— Бедуины, оставшиеся в Израиле, не прогадали — достаток, наконец, пришел в их дом, — просвещал он нас. — У каждой семьи своя машина, современное жилье, стада овец. Спросите у арабов с оккупированных земель: хотят ли они воссоединиться с Иорданией? В ответ вы услышите «нет». Эти люди предпочитают жить не в лагерях для беженцев, а в свободном Израиле...

Все это было чрезвычайно увлекательно для меня именно потому, что прямо противоречило моим прежним представлениям. До сих пор, основываясь на кое-какой статистике и фактах из газет, я полагал, что, если ты не еврей, то в Израиле тебя ждет участь человека без прав. У арабов же, помнилось мне, положение самое тяжелое. Израильские власти относят их к особой касте, которая стоит ниже гоев, то есть неевреев. Годовой заработок арабского рабочего составляет лишь три четверти заработка еврея. Араб отстранен от воинской службы, если же его заподозрят в оппозиции к правительству, итог один: тюрьма, пепелище там, где был его дом. Хранения огнестрельного оружия достаточно, чтобы араба арестовали как сообщника партизан. В стране действует 159 законов и декретов антиарабского толка.

А, быть может, и не 159? Я всегда гордился, что наделен от рождения склонностью к скептицизму. Листовка, пламенные речи гида порождали сомнения. Но израильская действительность здесь, под рукой. Ее можно пощупать, попробовать на зуб, рассмотреть с пристрастием. Итак, в путь!

После недолгих поисков мне удалось встретить молодого араба, который знал английский и согласился быть моим спутником. До «шестидневной войны» неподалеку от Иерихона размещались лагерь палестинских беженцев, насчитывавшие несколько тысяч человек. Почему бы не отправиться туда, предложил юноша. Но оказалось, что в октябре 1972 года интервью у обитателей лагеря взять невозможно — в лачугах гулял ветер. Лагерь беженцев опустел в июне 1967 года. Куда же девались палестинцы?

— Бежали в Иорданию,— пояснил мой новый гид.— Осталось лишь несколько стариков да больных. Сейчас сюда стараются заполучить новых переселенцев...

Неудача не обескураживает истинного исследователя. Мне не терпелось познакомиться теперь с жизнью бедуинов. Любопытно было бы взглянуть на их личные автомашины, которым так завидовал лютеранский поп-расстрига. Поколесив по знойной пустыне, разлинованной следами танковых гусениц, мы набрали, наконец, на этукую берлогу, сооруженную из старых ящиков, кусков жести и верблюжьих шкур. Рядом стояли еще два таких же шалаша, а невдалеке на открытом месте верблюды жевали сухие колючки. Жизнь поводила меня по трущобам, я видел лачуги бедных и отверженных, но такого человеческого жилья, пожалуй, не встречал никогда.

Бедуины отнеслись к нам холодно. Не ответили на мое приветствие, не хотели сперва вступать в разговор. Один из них подозрительно спросил:

— Ты не из этих... не из наблюдателей ООН?

— Нет, я журналист. Прибыл из северной страны, хотел бы для начала познакомиться с марками ваших автомашин.

Моему спутнику пришлось нелегко, пока он растолковывал вопрос хозяину лачуги. Наконец, тот захохотал и показал на лежавшего рядом верблюда.

— Вот она, наша любимая автомобильная марка. Других марок не знаю.

С разрешения бедуина я заглянул внутрь шалаша. Подумалось трафаретной фразой: «убого, но чисто». У стены лежали сложенные друг на друга матрацы, их к ночи расстилали на полу. Этим и ограничивались все удобства жилища. Хозяин хотел было вскипятить чай, но я вежливо отклонил гостеприимное предложение и попросил рассказать о жизни племени.

— А чего о ней рассказывать. Для них,— собеседник показал куда-то вверх,— мы, бедуины, люди третьего сорта. Наш дом пустыня. Здесь мы рождаемся, пасем овец и умираем...

— Но живется, конечно, лучше, чем до 1967 года?

— Все шутите,— усмехнулся бедуин.— Раз приехали — смотрите сами.

Я смотрел во все глаза, но как ни напрягал зрение, не мог разглядеть на шкуре верблюда никелированного знач-

ка автофирмы «мерседес-бенц», а в первобытной архитектуре лачуги — обещанных листовкой дворцовых аркад и колонн.

5. Пророки есть, а будущее?..

Читатель помнит, что эту хронику своего паломничества в Израиль я начал с рассказа о царящем там «библейском буме». Выбранные из Ветхого завета и размноженные в миллионах экземпляров карты, которыми торгуют на каждом углу, иллюстрируют «первую в истории супердержаву». Они воспроизводят библейский Ханаан, который занимал — это-то и приводит в восторг тель-авивских географов — практически весь Ближний Восток и большую часть Египта.

Мифологические карты и статьи на темы из священной истории призваны освятить недавний и вполне реальный захват арабских территорий. Израиль-де только вернул себе земли, которых его лишили древние вавилоняне, ассирийцы и прочие, не отмеченные милостью божьей «варвары».

По подсказке властей над библейской темой здесь бьется и научный мир. Даже собственные фельетоны не веселили меня так, как диалог с местным сионистом — си же хозяин отеля и двух ресторанов, — всерьез утверждавшим, что израильтяне в свое время взяли Иерихон, трубя в трубы.

— Вы своими глазами можете увидеть развалины этих стен, — горячился он.

— Уже видел, — ответил я. — Меня лишь удивляет разрушительная сила труб.

— Что тут удивительного? Наши ученые исследовали вопрос и пришли к заключению, что народ, избранный господом богом, уже тогда владел силами расщепленного атома.

Моя скептическая улыбка словно подхлестнула хозяина одного отеля и двух ресторанов. Неожиданно он спросил:

— Симон Визенталь вам знаком?

— Слышал это имя. Не он ли управляет австрийским филиалом израильской разведки?

— Может быть, но он занимается кое-чем еще. Это

исследователь, историк и писатель. Рекомендую вам обязательно прочесть его «Паруса надежды».

— Роман или путевые заметки?

— Напротив, это достоверный исторический труд об открытии Америки. Визенталь доказывает, что крещеный еврей Христофор Колумб отправился за океаны исключительно на поиск новых земель для тех же евреев. Пионерами американских прерий были, таким образом, евреи... Они-то и отвоевали страну у варваров.

— Значит у вас две «святые земли»? — заметил я.

Собеседник заговорил о погоде. На этом встреча закончилась.

Мифы — стержень духовной жизни израильтян. Об этом заботятся раввины, которые частенько ходят здесь в погонах. В октябре 1972 года, например, главным раввином Израиля был избран генерал-майор Шолом Горен. Циники острили тогда, что между богом и Шоломом Гореном остался только Моше Даян. Горен во всех отношениях больше солдат, чем раввин. Военное руководство глубоко чтит центральный принцип его учения — «огнем и кровью».

В то же время религиозные секты евреев бесконечно спорят по вопросу о том, как отправлять те или иные обряды. Ортодоксальные иудеи следуют букве законов Моисея, по которым, в частности, пост обязателен. Но полное соблюдение поста порой затруднительно.

Характерный пример: на окраине Хайфы построена на американские деньги современная мельница с огромными элеваторами. Во время поста в зернохранилищах не должно быть зерна — по поверью, оно может закиснуть. Но опорожнить элеваторы просто так, одной веры ради, дорого и сложно. И хозяин нашел поистине гениальный выход. Вся мельница с зернохранилищами продается до окончания поста неевреям, а затем покупается обратно.

Атомный век и тысячелетние суеверия — таким предстал передо мной сегодняшний Израиль. Правда, молодое поколение израильтян пробует идти своим путем и пытается строить то, что модно здесь называть «государством равноправия». Однако это лишь голубые мечты.

Ну, а как в наши дни представляют рядовые израильтяне будущее своей страны? В поисках ответа на этот вопрос я провел серию интервью с «человеком с улицы».

— Будущее? — мрачно переспросил швейцар рестора-

на в Иерусалиме.— Оно во мраке неизвестности. Обстановка немислимо запутанная. Ближний Восток, словно адская машина с часовым механизмом,— взрыв может произойти в любой момент...

Молодой фотограф, только что сменивший военное обмундирование на штатский костюм, отвечал на мои вопросы, скептически посмеиваясь:

— Я вам не пророк. Отправляйтесь туда, в старую часть Иерусалима, там и найдете ясновидцев.

— Кто они? — не понял я.

— Те одержимые, кто проводит дни у Стены плача. Они верят, что чтением Торы можно решить все проблемы. Но плачем тут не поможешь. Мы живем в огнеопасной зоне. Как уверяет правительство, война закончена, но нашу армию держат в состоянии боевой готовности, налеты на соседей продолжаются. На прошлой неделе убит в бою мой друг детства... Да что там говорить, лучше купите-ка у меня почтовых открыток...

Торговец резьбой по дереву, араб, отвечал на мои вопросы неохотно, то и дело поглядывая по сторонам.

— О будущем лучше помалкивать,— отрезал он.— Сам-то я не жалуясь. У отца маленькая мастерская, где мы вырезаем эти игрушки. Ждем не дождемся мира. Но миру не быть, пока миллион палестинцев без родины... Кстати, вам, случайно, платит не ООН?

В Израиле меня спрашивали об этом не впервые. Я покачал головой: «нет». Резчик опять оглянулся и шепнул:

— Наши сионисты плевать хотели на ООН. Боюсь, как бы война не охватила всю страну. Слышали: на Голанских высотах вчера опять грохотало? Вот так. Возьмите эту безделушку. Она стоит шестнадцать фунтов, но вам отдам за четырнадцать.

Я купил верблюда, вырезанного из дерева. Было бы неосмотрительно продолжать дебаты, когда за спиной у меня уже маячил израильский военный патруль. Солдаты внимательно прислушивались к нашему торгу.

Где святые земли, там, понятно, нет недостатка в ясновидцах. Но кто из них может сегодня предсказать будущее израильского государства, собирающегося скоро праздновать свое 25-летие? Простой трудовой люд — будь то иудеи, мусульмане или христиане — жаждет мира и лучшей жизни. А эти дали им застилает сейчас туман сионистских идей и гарь бомбовых взрывов.

Когда Мартти Ларни смеется

(Послесловие)

Трудно точно определить, когда человек обнаружил, что смех (а некоторые толковые словари скромно определяют его как «короткие и сильные выдыхательные движения при открытом рте, сопровождающиеся характерными прерывистыми звуками»), что этот обыкновенный смех — тоже оружие, что он может разить наповал не хуже меча или секиры. Уже Гомеру было известно выражение «сардонический смех». Оно обязано своим происхождением названию ядовитого растения *Sardonía herba*, произраставшего на острове Сардиния, ядом которого древние пропитывали наконечники стрел и поражали своих врагов. Отравленный умирал в страшных судорогах с лицом, обезображенным гримасой, напоминающей смех.

Иными словами, уже в те далекие времена люди знали опасную силу смеха. Знали и умели ею пользоваться.

С тех пор прошло не одно тысячелетие. Боевые топоры и мечи давно уже сданы в музей, стали музейными экспонатами и целые поколения огнестрельного оружия. Но общественное воздействие «сардонического смеха» или, что все равно, политической сатиры, осталось неизменным. Даже в наш атомный век это древнейшее оружие применяется столь же успешно, как в век бронзовый или железный.

Одну из причин столь завидного долголетия верно подметил в своих лекциях по эстетике Гегель. Благородный дух, добродетельное сердце, писал великий немецкий философ, которым отказано в осуществлении своего сознания в мире порока и глупости, обращают то более страстное возмущение, то более тонкое остроумие, то более холодную горечь против противостоящей им действительности, него-

дуют или издеваются над миром, прямо противоречащим их абстрактной идее добродетели и правды.

Если сделать поправку на то, что нет абстрактных идей добродетели и правды — любая такая идея носит классовый характер, то станет ясно: сатира, как правило, была оружием безоружных, угнетенных в их вековой борьбе с угнетателями.

Так это было во времена Гомера. Так это остается и по сей день.

Но есть еще одна причина того, что сатира не заржавела и не сдана в музей.

Изобретательный человеческий ум в конечном счете находил защиту против любых материальных средств уничтожения. Против меча и топора человек выдвинул щит, от снарядов и пуль он сначала укрылся за толстыми крепостными стенами, а затем зарылся в землю, против ракет с ядерными боеголовками он конструирует противоракеты. Но за какими щитами, крепостными стенами, в каких подземных убежищах, за какими системами противоракет может он укрыться от невидимых стрел, наконечники которых пропитаны *Sardonian herba*? «Это оружие очень сильное, — писал великий русский сатирик Салтыков-Щедрин, — ибо ничто так не обескураживает порока, как сознание, что он угадан, и что по его поводу уже раздался смех».

Финский писатель Мартти Ёханнес Ларни принадлежит именно к той плеяде прогрессивных литераторов Запада, которые одинаково легко владеют всеми видами этого древнего оружия — от добродушного юмора и тонкой иронии до убийственного сарказма и испепеляющей сатиры. Широкую известность в Финляндии Ларни получил еще в довоенные годы как поэт, прозаик, журналист. Настоящая слава пришла к нему после 1957 года, когда появился его роман-памфлет «Четвертый позвонок, или Мошенник поневоле».

В 1948—1949 и в 1951—1954 годах Ларни жил в США, и в основу романа легли его личные наблюдения над «свободным миром» американского образца. Столь злой и беспощадной сатиры на этот хваленый образец давно уже не видывал издававший виды цех мировой сатиры. «Четвертый позвонок» был переведен на многие языки (в том числе в 1959 году на русский) и завоевал широкую популярность среди читателей. Написанный Ларни несколькими

годами позднее другой роман-памфлет «Прекрасная сви-нарка, или Воспоминания экономической советницы Мин-ны Карлссон-Каннанен» предал мучительной казни осмея-ния финских поклонников американского образа жизни, ханжество и лицемерие предпринимательства. Этот роман окончательно закрепил за Мартти Ларни звание одного из гроссмейстеров сатиры.

Работу над крупными сатирическими полотнами Ларни всегда успешно сочетал и продолжает сочетать с беспоконным трудом газетного фельетониста, вторгающегося в са-мую гущу политических событий. И здесь его (чаще всего сардонический) смех также слышен далеко за пределами Финляндии. Фельетоны и памфлеты Ларни широко печатаются в ряде европейских стран. Уже много лет он актив-но сотрудничает и с Агентством печати Новости.

Конечно, ничто так не украшает газетную полосу, как остроумный фельетон. Но мне кажется, что печатные орга-ны не жалеют места для произведений Ларни не только потому, что его фельетоны остроумны. В западном мире есть немало людей, умеющих писать фельетоны. Но при прочих равных условиях произведения Ларни привлекают своей четкой и бескомпромиссной политической позицией.

На Западе частенько бывает так, что оказаться в героях фельетона — это значит получить своеобразную рекламу, если хотите, популярность. Продолжая традиции средне-вековых феодалов, иные герцоги доллара содержат при своих дворах шутов, даже позволяют им говорить дерзости. Больше того. Довольно известно, что некоторые сياته-льные особы коллекционируют фельетоны и карикатуры, по-священные их персонам. Считается, что объем такой кол-лекции прямо пропорционален политической значимости данного лица.

В этих коллекциях вы не найдете фельетонов Мартти Ларни. В отличие от большинства своих западных коллег он понимает, что на укоренившиеся социальные и полити-ческие язвы капитализма лекарственный смех производит эффект не больший, чем звуки военной трубы на глухого пацифиста. Здесь из своего богатого арсенала Ларни вы-бирает единственно действенное оружие — разящую сатиру.

Почти каждая политическая миниатюра Мартти Ларни создана в связи с вполне конкретным политическим собы-тием или посвящена какой-либо совершенно конкретной

персоне. Но вот что удивительно: проходят годы, уходит за кулисы истории повод, послуживший толчком к выступлению Ларни, а фельетон его продолжает жить и действовать в изменившихся обстоятельствах.

Это заключение — не комплимент, а констатация конкретных фактов.

Мне, в частности, вспоминаются некоторые события, разыгравшиеся в Московском пресс-центре во время официального визита президента США Ричарда Никсона в СССР. Для освещения этого визита в советскую столицу съехалось несколько сот журналистов, представлявших самые различные органы прессы. У подавляющего большинства собравшихся внимание было целиком занято важнейшими событиями, происходившими в Москве. И лишь несколько человек слонялись по обширному помещению пресс-центра с индифферентным видом обритых наголо мужчин в шикарной дамской парикмахерской. Их ничто не интересовало, кроме пресловутого «еврейского вопроса» в СССР. И какой бы теме ни были посвящены пресс-конференции, будь то совместные советско-американские шаги в области ограничения стратегического оружия или перспективы развития Москвы, они задавали один и тот же вопрос: «А как это отразится на судьбе советских евреев?..».

Они точно появились на свет из фельетона Ларни «Лига защиты лысых», и уже по одной этой причине являли собой зрелище вдвойне комическое и жалкое: порок был угадан заранее и по его поводу уже раздался смех.

А когда рядом с Ларни встали два знаменитых советских сатирика Илья Ильф и Евгений Петров, то представители «лиги защиты лысых» были убиты окончательно. Вот как это случилось.

Отвечая на их дежурный вопрос, главный редактор «Литературной газеты» Александр Чаковский процитировал диалог советского журналиста Паламидова и американского журналиста Бурмана из романа Ильфа и Петрова «Золотой теленок», вышедшего сорок лет назад.

Помните?

«Для разгона заговорили о Художественном театре... Мистер Хирам Бурман уклончиво заметил, что в СССР его, как сиониста, больше всего интересуется еврейский вопрос.

— У нас такого вопроса уже нет,— сказал Паламидов.

— Как же может не быть еврейского вопроса,— удивился Хирам.

— Нету. Не существует.

Мистер Бурман взволновался. Всю жизнь он писал в своей газете статьи по еврейскому вопросу, и расстаться с этим вопросом ему было бы больно.

— Но ведь в России есть евреи? — сказал он осторожно.

— Есть, — ответил Паламидов.

— Значит есть и вопрос?

— Нет. Евреи есть, а вопроса нету...».

Зал ответил на это гомерическим хохотом, после которого два наиболее ретивых мистера бурмана чувствовали себя так, как если бы они проглотили изрядную дозу *Sardonia herba*.

— Лига не понимает шуток, — откомментировал это поучительное зрелище сидевший рядом со мной коллега...

Я рассказал обо всем этом для того, чтобы еще раз подчеркнуть: истинная сатира не стареет. И через годы, и через десятилетия она остается грозным оружием в политической борьбе. Данный сборник фельетонов и памфлетов, составляющий лишь малую толику из написанного Мартти Ларни за последнее десятилетие, лишней раз подтверждает эту истину.

И еще одно замечание.

Все сказанное выше об убийственной силе смеха насколько не противоречит той не раз высказывавшейся медицинскими светилами истине, что смех продлевает жизнь людей, ибо он сопряжен с положительными эмоциями, придает силу, даже улучшает обмен веществ. И, зная немного нашего финского друга (а Мартти Ларни, несомненно, является другом советских людей), беру на себя смелость утверждать, что и он разделяет эту точку зрения.

Да, когда Мартти Ларни смеется, это продлевает жизнь миллионам и миллионам людей в различных уголках земли. А если кое на кого его смех действует подобно *Sardonia herba*, то это тоже хорошо. Без «героев» его фельетонов и памфлетов жить на земле спокойнее и веселее.

Вл. ЖУКОВ.

Содержание

<i>Предисловие</i>	2
<i>Откровенное раздумье</i>	5
<i>Доктор Пинцет</i>	11
<i>Чистая раса</i>	15
<i>Право на самозащиту</i>	21
<i>Вот тебе, бабушка, и Новый год!</i>	24
<i>Мистер Макклоун</i>	30
<i>Проветренные иллюзии</i>	34
<i>И гроб в придачу</i>	39
<i>Богу — душу, фирме — деньги</i>	43
<i>Реалистический театр</i>	48
<i>Жестокое наказание</i>	52
<i>Собачья жизнь</i>	55
<i>Голоса петухов</i>	61
<i>Божьи угодники</i>	69
<i>Специалист</i>	74
<i>Мой незнакомый собеседник</i>	81
<i>Сапоги и статистика</i>	85
<i>Лига защиты лысых</i>	88
<i>Попугай дядюшки Нико</i>	92
<i>Опознавательный жетон</i>	97
<i>Когда историю ставят в угол</i>	99
<i>Весна и обувь</i>	103
<i>Не посягай на репу ближнего своего...</i>	107
<i>Жертва эпидемии</i>	112
<i>Поэты №№ 20, 25 и 26</i>	117
<i>Улов</i>	121
<i>Знакомлюсь с Израилем</i>	123
<i>Когда Мартти Ларни смеется (Послесловие)</i>	138

МАРТТИ ЛАРНИ
Памфлеты, фельетоны, рассказы

Литературные редакторы *К. Сенкевич* и *Е. Павловская*

Художественный редактор *В. Прохоров*

Технический редактор *Н. Савина*

Сдано в набор 6.12.1972 г. Подписано в печать 27.3.1973 г.
Бумага 84×108/32. Объем 4,5 печ. л., 7,56 усл. л., 6,95 уч.-изд. л.
Тираж 300.000 экз. Зак. 141, Изд. № 2740. Цена 36 коп.

Издательство Агентства печати Новости.

Отпечатано с матриц Первой Образцовой типографии
имени А. А. Жданова Госкомиздата СССР, полиграфкомбинатом
им. Я. Коласа, Госкомитета Совета Министров БССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Минск, Красная, 23.

Мартти Еханнес ЛАРНИ — современный финский писатель — популярен как у себя на родине, так и за ее пределами. Известность пришла к Мартти Ларни — поэту, прозаику и журналисту еще в довоенные годы. Появление в 1957 году его романа-памфлета «Четвертый позвонок, или Мошенник поневоле», а несколькими годами позже другого аналогичного по жанру романа «Прекрасная свинарка, или Воспоминания экономической советницы Минны Карлссон-Каннанен» принесло автору международную известность и закрепило за Мартти Ларни репутацию одного из признанных мастеров сатиры.

